

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Яо Ван

**СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
И ПОЛИТИКА КНР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Специальность 23.00.04 – «Политические проблемы
международных отношений, глобального и регионального развития»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
КАПИЦЫН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

МОСКВА – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА.....	20
1.1. Международная безопасность и формирование концепции «ответственной державы»	20
1.2. Исторические и геополитические особенности Синьцзяна: вызовы и ресурсы безопасности.....	41
1.3. Дискуссии о правах человека и демократии и их влияние на ситуацию в Синьцзяне.....	62
Глава 2. ПОЛИТИКА КНР ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕСУРСОВ СИНЬЦЗЯНА И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ.....	83
2.1. Государственная экономическая и социальная политика в СУАР.....	83
2.2. Национальная политика в СУАР.....	100
2.3. Борьба с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом и противодействие «цветным» революциям.....	123
Глава 3. УЧАСТИЕ СИНЬЦЗЯНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.....	139
3.1. Место СУАР в сотрудничестве КНР, государств Центральной Азии и России	139
3.2. Роль внешнеполитической деятельности КНР в политической стабилизации в СУАР и Центральной Азии	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	190
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	193
Литература на китайском языке	193
Литература на русском языке	198
Литература на английском языке	214
Интернет-источники.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена возникновением в условиях глобализации новых вызовов и угроз, которые приобретают особое звучание для международной безопасности в целом и безопасности отдельных государств и территорий. Для Китайской Народной Республики подобные вызовы и угрозы возникают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – Синьцзян, СУАР). СУАР – один из пяти автономных районов, на территории которого угрозы, связанные, прежде всего, с международным терроризмом и исламским фундаментализмом, усиливают уйгурский этнический сепаратизм и религиозный экстремизм.

В условиях глобализации обостряются традиционные и новые угрозы. СУАР по своему геополитическому положению попадает в зону активного проявления названных угроз. Это – северо-западный район Китая, общей площадью 1,6649 млн. кв. км (одна шестая часть всей территории КНР), занимающий срединное положение в Евразии и имеющий протяженную сухопутную границу в 5600 км с Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией. На границах с некоторыми из этих государств остаются отдельные неурегулированные территориальные вопросы, взаимовыгодное решение которых могло бы способствовать дальнейшему развитию сотрудничества со странами Центральной Азии и Россией. Обстановка в СУАР зависит, как от развития Китая (его комплексной мощи), так и от степени напряженности ситуации в сопредельных странах (Афганистане, Таджикистане, Кыргызстане, Казахстане, Монголии, России), отношений КНР с США; США с Ираном, Индии с Пакистаном.

Китай добился значительных экономических успехов. По оценкам МВФ, Китай выходил в 2014 г. на 1 место по объему ВВП с учетом паритета покупательной способности – 17,632 трлн. долл. против 17,416 трлн. долла-

ров у США¹. В 2013 г. он вышел на первое место в мировой торговле товарами². Растут инвестиции КНР за рубежом. Укрепляются вооруженные силы КНР. Все это поднимает международный авторитет Китая, но вызывает неоднозначную реакцию США, Японии и некоторых других стран. 5 января 2012 г. Президент США Б. Обама, заявляя о «возвращении США в Азию», особое внимание уделил присутствию США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее, АТР) и Центральной Азии (далее, ЦА), обосновывая это, в том числе, необходимостью разрешения споров о территориальном суверенитете между КНР и странами региона³.

В противодействии укреплению международного авторитета Китая США и его союзники особенно активно используют расхождения в оценке положения с правами человека в КНР, в том числе, правами национальных и конфессиональных меньшинств. Официальная позиция руководства КНР заключается в том, что сфера внутренней политики не должна подвергаться вмешательству из-за рубежа; а права человека рассматриваться всегда выше государственного суверенитета. В современных условиях политизация проблемы прав человека становится одним из эффективных средств подготовки «цветных» революций. С учетом вызовов этнического сепаратизма и религиозного экстремизма в Синьцзяне, такая политика со стороны ряда государств Запада создает значительные угрозы для национальной безопасности Китая, а, если исходить из геополитического положения региона, для международной безопасности в целом.

В то же время выгодное геополитическое положение Синьцзяна создает благоприятные возможности, чтобы, как считает ряд исследователей,

¹ Китай вышел на первое место в мире по размеру ВВП. При этом США остаются мировым лидером по размеру ВВП в текущих ценах. URL: [www.http://www.eg-online.ru/news/259887/](http://www.eg-online.ru/news/259887/) (дата обращения 15.04.2015). Хотя такой успех КНР прогнозировался только в 2019 г. – World Economic Outlook. April 2104. URL: <http://www.inf.org/external/pubs/2014.01> (дата обращения 14.04.2015.).

² Портяков В.Я. К вопросу комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2014. С. 7.

³ Bumiller E., Shanker Th. Obama Puts His Stamp on Strategy for a Leaner Military // New York Times. 2012. 5 January.

стать территорией прохождения «экономического пояса Шелкового пути», соединяющего районы Китая, ЦА, России, Каспия, Кавказа, Турции, Ближнего Востока и Европы. В силу обладания природными богатствами СУАР имеет значительные ресурсы для развития приграничной торговли, что способствует укреплению взаимопонимания и политической стабильности в столь напряженном регионе. С учетом значимости в современном мире энергетических проблем, Синьцзян может стать территорией эффективного транзита энергоресурсов, а также строительства современных путей сообщения и других средств коммуникаций. В силу этого, СУАР может занять важное место в международной интеграции, в том числе, в рамках ШОС и БРИКС, а также касательно развития ОДКБ и ЕАЭС.

Как показывает история развития современных государств, в том числе КНР, успехи социально-экономических реформ, направленных на реализацию интересов человека, отдельных народов и территорий, сохранение национального единства и укрепление международных позиций государства зависят от учета геополитического значения регионов, влияющего на стабильность международных отношений в целом. Исследование политики Китая в СУАР с учетом такого глобального международного контекста имеет теоретический интерес и важное практическое значение, как для КНР, так и для России, международной безопасности в целом.

Степень научной изученности темы. Проблема СУАР в контексте современных вызовов международной безопасности затрагивалась в научной литературе, но исследовались ее отдельные аспекты в трудах российских (в прошлом – советских), китайских и других зарубежных авторов. Наряду с трудами о международных отношениях и мировой политике, в том числе, посвященными анализу вопросов международной безопасности, интересны также работы о Китае ученых МГИМО, Дипломатической академии МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института Востоковедения РАН, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН, Санкт-Петербургского государственного университета, а также вузов Читы, Бар-

наула, Красноярска и других центров. Усилиями специалистов в таких областях научного знания, как история, философия, социология, культурология, религиоведение, правоведение, география Китая и ЦА, изучались исторические и социокультурные предпосылки развития современного Китая, философские истоки современной китайской геополитики¹, что помогает обогатить политический анализ значения политики в СУАР для международной безопасности.

Следует выделить работы, посвященные теоретико-методологическому осмыслению понятий национальной и международной безопасности², в том числе, военной безопасности и безопасности границ³, безопасности

¹ Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007; Бергер Я. КНР: политика, экономика, культура. 2010-2011. М.: ИД «Форум», 2011; Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Сб. научных статей. Вып. XIX. М.: ИДВ РАН, 2014; Борох О. «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3; Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. М.: Квадрига, 2010; Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 4. Историческая мысль, политическая и правовая культура. Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восточная литература, 2009; Зеленев Е.И. Геокультурное пространство и геокультурные поля: Теория вопроса // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2009. Вып. 1; История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. ИДВ РАН. Т. VII. М., 2013; Китинов Б.У. Концепт цивилизаций в обществоведческой науке // Вест. РУДН. Сер. Политология. 2011. № 1; Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001; Мельянец В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран / Ин-т стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Ключ-С, 2015; Трощинский П.В. Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2015.

² См.: Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России. М.: РАГС, 2008; Кокошин А.А., Богатуров А.Д. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. М., 2004; Костин А.И., Изотов В.С. Глобальный кризис в зеркале мировой политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 Политические науки. 2009. № 5; Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. №□□2; Пантин В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза // ПОЛИС. 2012. № 6; Торкунов А.В. Современные международные отношения. М., 2012; Цыганков П.А. Безопасность кооперативная или корпоративная // ПОЛИС. 2000. № 3; Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5; Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

³ Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. В.Е. Хвощева. Челябинск: ЮУрГУ, 2001; Костюхин А. Состояние военно-промышленного комплекса государств Центральной Азии и потенциал их военно-технического сотрудничества с зарубежными

транзитных политических режимов¹, безопасности в этнической и конфессиональной сферах². Важно в этом отношении изучение вызовов экстремизма и терроризма³, а также используемых в мировой политике техноло-

странами в 1990-е годы // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 8; Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. Алматы, 2008; Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. 2015. Март; Шумов В.В. Пограничная безопасность как ценность и общественное благо. Математические модели. М.: Леман, 2015.

¹ Казанцев А.А. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008; Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в Центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 г. М.: МГИМО, 2013; Ло Бобо. Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике. 2010. № 5. URL: <http://globalaffairs.ru> (дата обращения: 24.04.2015); Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетея, 2002; Российские трансформации в контексте мирового развития. М.: Логос, 2010; Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: МГУ, 2012; Цыганков П.А. Политическая динамика. Теория и практика. М.: МГУ, 2014; Шабров О.Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5; Malinkva O.J. Public discourse on the Perspective of Transition in Post-Soviet Russia: The Pluralism of Ideas in the Transforming Public Sphere // State, Society and Transforming Public Sphere / Ed. B.A. Mitchneck. Washington: Woodrow Wilson Center, 2011; Hess St. From the Arab Spring to the Chinese Winter: The Institutional sources of authoritarian vulnerability and resilience in Egypt, Tunisia, and China // International Political Science Review. 2013. Vol. 34. No 3; Fravel M.T. Strong borders, secure nation: cooperation and conflict in China's territorial disputes. Princeton, Oxford, 2008 и др.

² Перепелкин Л. Государственная национальная политика и проблема безопасности в этнической сфере // Конфликт – диалог – сотрудничество. 2000. № 2; Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в многонациональных государствах. Компаративный анализ. Одинцово: Гуманитарный институт, 2010; Малашенко А. Фактор ислама в российской внешней политике // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 2; Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7(244); Ракитянский Н.М. Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в. // Власть. 2013. № 1; Ракитянский Н.М. Понятие сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6; Kapitsyn V. Nationalism in the Space of Globalization and Identification «the West - the East» // European Society or European Societies: a View from Russia. Moscow – Lisbon, 2009; Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Riefle. Boulder, 2005; Smith A. Culture, Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism // International Affairs. 1996. № 72 (3); Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame. London: Sage Publications, 1997 и др.

³ См.: Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм. М.: Наука, 2006; Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Общ. ред. А.В. Возженикова. М.: РАГС, 2005; Морозов И.Л. Политический экстремизм в период глобализации // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М.: РОССПЭН, 2007; Чжэн Жуньюй. Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом. М.: Воробьев, 2008; Barber B.R. Fears Empire: War, Terrorism and Democracy. N.Y.; London: W.W. Norton, 2003; Pantucci R., Scwarck

гий для дестабилизации политической ситуации¹. Заслуживают внимания также труды о применении «мягкой силы», как в целях обеспечения стабильности, социального мира, национальной политики и всестороннего сотрудничества государств, так и дестабилизации политических режимов и международных отношений². Благодаря им создана необходимая основа для рассмотрения геополитической роли отдельных регионов в обеспечении международной безопасности и национальной безопасности КНР.

Особую группу составляют исследования формирования и реализации государственной политики в СУАР, ее предпосылок и последствий для укрепления региональной и национальной безопасности. Среди них необхо-

E. Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: a Regional Perspective. Transition in Afghanistan: Filling the Security Vacuum – The Expansion of Uighur Extremism? Barcelona: Barcelona Center for International Affairs (CIDOB), 2014 и др.

¹ Галич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М.: РИОР, 2010; Нарочницкая Н. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. М., 2008; Хофбауер Х. «Этнизация» социальных конфликтов: как Запад использует концепт самоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Россия и мир. Вестник дипломатической академии МИД России. 2014. № 2; Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015; Manoilo A.V. World Models and Technologies of Psychological Impact to Resolve International Conflicts // ВВ: Международные отношения. 2013. № 4; McFaul M. Transition from PostCommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. No 3 и др.

² Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М: Восточная книга, 2014; Бодрова О.И. Предпосылки формирования и перспективы развития «индустрии культуры» КНР в условиях глобализации международного культурного пространства // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2015; Захарьин А.Б. Особенности религиозной политики КНР в XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 1; Капицын В.М. Космополитизм как компонент «мягкой силы» и глобального управления // «Обозреватель – Observer». 2009. № 10. С. 70-79; Китинов Б.У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса // Мир и политика. 2011. № 10; Кривох С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2012. Вып. 3; Лексютина Я.В., Радиков И.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2; Самойлов Н.А. Современная внешняя политика КНР в оценках европейских исследователей // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2011. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 2; Хофбауер Х. «Этнизация» социальных конфликтов в Европе: как Запад использует концепт самоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Россия и мир. Вестн. Дипломатической академии МИД России. 2014. № 2; Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5.

димо назвать, прежде всего, работы Е.А. Афанасьевой, Е.С. Баженовой, А.В. Бондаренко, Дубровской Д.В., К.Л. Сыроежкина, Дж. Миллварда и других авторов, в которых представлен довольно значительный историографический и фактический материал о развитии Синьцзяна¹. В работе над диссертацией автор обращался к трудам о политических аспекта этничности и национальных отношений, национально-государственного строительства². Отдельные аспекты национальных отношений, в том числе связанные с «уйгурским вопросом» и вызовами сепаратистских движений в СУАР, разрабатывали российские ученые В.Г. Булдакова, А.Д. Дикарев, Т.Н. Кучинская, С.А. Петрунько, П.С. Пшенцов, К.Л. Сазонов, А.Н. Фартышев³.

¹ См.: Алимов Р.К. Экономический коридор Шелкового пути: вызовы и выгоды // Вестн. Таджикского национального ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 3/1(128); Афанасьева Е.А. Современный Синьцзян. Томск, 2007; Баженова Е.С. Синьцзян в авангарде развития западных районов КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2; Баженова Е.С. Синьцзян и новые горизонты великого шелкового пути // Пространственная экономика. 2011. № 2; Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010; Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998; Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006; Rudelson J., Jankowjak Acculturation and Resistance: Xinjiang Identities in Flux // Starr S.F. (Ed.) Xinjiang: China's Muslim Borderland. N.Y., L.: M.E. Sharpe, 2004; Millward J.A. Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang N.Y.: Columbia University Press, 2007 и др.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках распространения национализма. М., 2001; Василенко И.А. Новый этап административной реформы в Китае // Государственная служба. 2011. № 4; Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель – Observer. 2011. № 9; Зорин В.Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 58-64; Зорин В.Ю. Этничность и власть // Свободная мысль. 2003. № 6; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005; Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004; Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Изд-во МГУ, 2013.

³ См.: Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4; Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств КНР. М., 1996; Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия: автореф. дисс... д-ра филос. наук. Чита, 2013; Петрунько К.А., Сазонов С.Л. Синьцзян превращается в важнейшее логистическое звено транспортной системы КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2015; Пшенцов П.С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Вестн. Чувашского ун-та. 2007. Вып. 4; Фартышев А.Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. №

Отметим также исследователей из государств ЦА¹, западных² и китайские ученых³, которые исследуют проблемы внешней политики Китая, России, США в регионах ЦА и Синьцзяна. В специальной литературе важное место также занимала разработка проблем интеграционных и дезинтеграционных процессов в ЦА, значение политики КНР и России для международной интеграции в этом регионе⁴.

Вместе с тем, отметим, что значительная часть исследований международных аспектов политики КНР в Синьцзяне проведены с учетом сло-

2 (11). Ч. 1.

¹ Алимов Р.К. К вопросу о формировании экономического пояса шелкового пути // МИР – модернизация, инновация, развитие. 2013. № 4(16); Каукенов А.С. Ключевые характеристики внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе // Вестник Казахского национального университета. 2009. № 3; Китай в XXI веке: актуальные тенденции развития ключевых сфер жизни / Под. ред. А.С. Каукенова. Алматы: Центр по изучению Китая при ИМЭП, 2008; Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2003.

² Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.: Центр Карнеги, 2005; Roberts J.A.G. A History of China: Second Edition. N.Y., 2006; Rumer B. (Ed.) Central Asia. At the End of Transition. N.Y.: M.E. Scharpe, 2005; Tier D. The Waning Grand Strategy of Democratization: Why a Pivot to the Asia-Pacific Places the United States at Greater Risk of Terrorist Attack // Connections. 2014. Vol. XIII. No 2; Shambo D. China's future. N.Y.-L., 2011; Garver J. China's Influence in Central and South Asia: It is Increasing? // Power Shift: China and Asia's New Dynamic. Berkeley, CA, 2005 и др.

³ См.: Ван Вэньхэн. Национально-территориальная автономия Синьцзяна и социальная стабильность // Региональное развитие и региональная экономическая политика России и КНР. М., 2000; Ван Хайянь. Экономическое сотрудничество и развитие. Пять государств Центральной Азии и Китай. Урумчи, 2003; Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост., предисл. С.В. Уянаева. В 2-х т. М., 2004; Гао Шучинь. Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М., 2005; Ли Лифань, Дин Шиу. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3; Huasheng Zhao. Central Asia in China's Diplomacy // Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao (Ed.). Central Asia: Views from Washington, Moscow and Beijing. Armonk, N.Y., 2007; Чэнь Яньци. Русские: от иммигрантов до национального меньшинства Синьцзяна // Синьцзян дасюэ сюэбао. 2000. № 1.

⁴ Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5; Лексютина Я.В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. Вып. 2; Стратегия развития ШОС до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства / Под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015; Чжао Хуашэн. Центральная Азия и ШОС. М., 2005; Чуфрин Г.И. Очерки евразийской интеграции. М., 2013; Swanstrom N., Norling N., Zhang Li. China // The New Silk Roads and Trade in Greater Central Asia. Wash., D.C., 2007.

жившейся к началу XXI в. гегемонии США¹; в них недостаточно отражены новые факторы – ускоренный экономический рост КНР, влияние интеграционных образований ШОС, БРИК, ЕАЭС, АСЕАН и повышение роли Китая в ряде из них, обострение отношений Россия – США, Россия – ЕС, Китай – США, новые угрозы международной безопасности со стороны «трех зол» (сепаратизма, экстремизма, терроризма): усиление талибов и начало действия ИГИЛ и его ответвлений в Ираке, Сирии, Ливии, Нигерии, Мали и других регионах. Все это оказывает значительное воздействие на геополитическую ситуацию в Центральной и Восточной Азии, в Синьцзяне, в частности.

Начало нового столетия и особенно 2010-2015 гг. ознаменовали определенные геополитические сдвиги, в том числе в данном регионе, в связи с изменением мирового веса трех крупнейших государств – КНР, России и США, их воздействия на протекающие процессы, экономическое сотрудничество и развитие международной интеграции. Все это способствует накоплению фактического материала для обобщения, обуславливает появление проблем, требующих анализа возрастающего значения СУАР в контексте обеспечения национальной безопасности Китая и укрепления международной безопасности в целом.

Объект исследования – геополитическое значение Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая в обеспечении международной безопасности в регионе Центральной Азии.

Предмет исследования – современные вызовы международной безопасности в Синьцзяне и Центральной Азии и политика правительства КНР в ответ на эти вызовы.

Цель исследования – анализ внешней и внутренней политики КНР по использованию ресурсов Синьцзяна, способствующих нейтрализации современных угроз национальной и международной безопасности.

¹ См.: Бондаренко А.В. Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР в начале XXI века. Автореф. ... канд. полит. наук. М., 2007.

Исходя из сформулированной цели, решаются следующие **задачи**:

- анализ основных теоретико-методологических подходов к определению понятия международной безопасности в условиях глобализации, с учетом геополитического положения Синьцзяна и роста влияния в мировой политике КНР как ответственной державы;
- выявление внешнеполитических ресурсов, создаваемых благодаря выгодному геополитическому положению Синьцзяна и способствующих обеспечению геополитической стабильности региона в целом;
- исследование экономической и социокультурной ситуации в Синьцзяне, с точки зрения влияния ее на политическую стабильность, предупреждение и нейтрализацию угроз и вызовов для национальной и международной безопасности;
- рассмотрение государственной национальной политики КНР в Синьцзяне как фактора обеспечения национальной безопасности Китая, региональной и международной безопасности;
- оценка значения Синьцзяна для «западного» направления внешней политики и развития двухсторонних и многосторонних отношений Китая с Россией и государствами Центральной Азии, евразийских интеграционных процессов тенденций в контексте современных вызовов международной безопасности.

Гипотеза диссертационного исследования. СУАР может рассматриваться отдельными внешними силами, стремящимися использовать этническую как ресурс радикализации, как один из регионов, где возможно обострение политической ситуации (включая использование технологий «цветной» революции), приводящее к геополитической нестабильности. В то же время, Синьцзян и Китай в целом обладают необходимыми внутренними ресурсами стабилизации (динамичное и сбалансированное развитие экономики, взвешенная национальная политика, курс на выравнивание социально-экономического развития регионов, подготовленные кадры и др.) и внешними интеграционными ресурсами, позволяющими использовать вы-

годное геополитическое положение Синьцзяна для укрепления национальной и международной безопасности. К последним относятся ШОС, успешное двухстороннее сотрудничество с Россией и государствами Центральной Азии. СУАР выступает как ресурс поддержания баланса влияния «суши и моря», «западного» и «серного» (сухопутного, континентального), восточного и южного (приморского, морского) направления развития КНР, отношений с континентальными государствами Евразии и приморскими государствами в водах Тихого и Индийского океана, что отражено и в политической культуре Китая.

Теоретико-методологическая основа исследования. В работе использовались геополитические концепции, теории неореализма, институционализма и конструктивизма, евразийские концепции, другие теоретические положения, сформулированные в трудах классиков и современных ученых, пишущих на китайском, русском и английском языках, как по общим вопросам международных отношений и мировой политики, так и проблемам двухсторонних отношений КНР с Россией, США, политики КНР в Центральной Азии, сотрудничества Китая в ШОС и других интеграционных сообществах.

Для последовательного рассмотрения особенностей развития СУАР и роли региона в системе международной безопасности были использованы системный, структурно-функциональный, исторический, компаративный методы, позволяющие выявить предпосылки вызовов региональной, национальной и международной безопасности, балансы и дисбалансы сил и угроз. Дополнительно к этому ценностный анализ, в сочетании с цивилизационным и институциональным, помогает раскрывать органичные для конкретного государства и региона социокультурные ограничения и ресурсы в обеспечении национальной и международной безопасности. Заимствовалась методика исследования политических документов, статистических и социологических данных, а также фактов, значение которых открывается благодаря личному наблюдению и жизненному опыту.

Источниковая база диссертационного исследования представлена: а) памятниками политической мысли, в том числе трудами Сунь-Цзы и других китайских мыслителей; б) актами международного права, законодательства КНР, официальными документами Коммунистической партии Китая, правительства КНР, отражающими общие принципы обеспечения международной безопасности и особенности внешней политики Китая, основные направления сотрудничества Китая на двусторонней и многосторонней основах; в) нормативными актами и политическими документами отдельных органов государственной власти и местного самоуправления, регулируемыми основные направления национально-государственного строительства в СУАР; г) выступлениями руководителей Китая, государств Центральной Азии, а также России и США; д) материалами статистики и данными социологических исследований, публикациями СМИ.

Особое место занимало изучение такого рода документов как Белые книги, разнообразные и систематизированные по тематике, основанные на солидном статистическом материале (оборона, культура, хозяйственная деятельность, права человека, партийная система, внешняя политика и международные отношения, собственно Синьцзян и т.д.), в подготовке которых участвуют государственные органы и научные учреждения, обеспечивающие доступ к официальной информации, публично представляющие свою позицию, комментарии, иллюстративный материал.

Значительная часть эмпирических данных диссертации была получена из материалов государственной статистики КНР, России, государств Центральной Азии, а также различных аналитических центров и СМИ. Использовались интернет-ресурсы КНР, в том числе СУАР, а также России и США. Также были проведены полевые исследования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в ходе которых задействованы методики непосредственного наблюдения, дополняемые ивент-анализом (решения КПК по Синьцзяну, проводимы государственные мероприятия, конфликты и террористические акты в Синьцзяне и КНР в целом).

Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе внешних и внутренних угроз и факторов сохранения геополитической стабильности через призму политической ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, ее влияния на регион Центральной Азии в контексте современных вызовов международной безопасности. Рассмотрено взаимовлияние таких акторов, как Китай, Россия, США, государства Центральной Азии, международные интеграционные объединения, в том числе ШОС. СУАР рассматривается как ресурс поддержания баланса влияний «суши» и «моря», «западного» (сухопутного) и юго-восточного (приморского) направлений развития КНР и внешней политики, взаимодействия континентальных государств Евразии и приморских государств Юго-Восточной Азии и США, что отражено и в формировании разных типов политической культуры Китая.

В диссертации вырабатывается, исходя из теории международных отношений, системный подход, который может быть использован для анализа роли отдельного региона в обеспечении международной безопасности в условиях глобализации.

Научные положения, выносимые на защиту.

1. Синьцзян-Уйгурский автономный район в силу своего геополитического положения, особенностей исторического, экономического и социокультурного развития, взаимодействия в Центральной Азии интересов таких государств, как КНР, США и Россия, представляет собой в настоящее время приоритетный регион государственной политики и может стать как источником угроз, так и значительным ресурсом для ответа на вызовы международной безопасности, ослабления напряженности и развития регионального сотрудничества. Политический выбор развития СУАР во многом определяется возможностями перехода ведущих государств от противостояния, в том числе в Центральной Азии, к выстраиванию ориентиров и последовательному использованию ресурсов для международного сотрудничества, что диктуется необходимостью объединения усилий перед возрастающими уг-

розами международного терроризма и этнонациональных конфликтов, что не умаляет значение действенной защиты национальных интересов.

2. Успешная государственная политика по развитию Синьцзяна в контексте обеспечения региональной и международной безопасности строится с учетом таких особенностей его развития как экономическое отставание от наиболее развитых регионов КНР, многонациональный состав населения, наличие этнических и конфессиональных групп, поддающихся влиянию идей религиозного фундаментализма, политического экстремизма и сепаратизма. Ответ на такие вызовы предполагает направление помимо силовых и экономических средств также значительных несиловых ресурсов, в том числе использование «мягкой» силы, на формирование условий для межрелигиозного и социального мира в СУАР, где преобладает приверженцы ислама. Вместе с тем, поддержание национальной и международной безопасности, устойчивое развитие СУАР и стран Центральной Азии, противостояние угрозам разного рода экстремистов и террористов, разрастанию наркобизнеса, киберпреступности диктует необходимость поддержания боеспособности и технической оснащенности вооруженных сил, полиции, органов безопасности в данном регионе.

3. Ответом на современные вызовы международной и национальной безопасности является выстраивание руководством КНР концепции «ответственной державы» как обогащение традиционного китайского учения о «гармоничном мире». КНР позиционирует себя как государство, последовательно отстаивающее национальные интересы, но при этом оказывающее действенную экономическую помощь соседям (как, например, в условиях мирового кризиса 2009 г.), политическую поддержку государствам Юго-Восточной и Центральной Азии. Укрепление КНР осуществляется в основном, не благодаря росту вооружения и созданию блоков против каких-либо стран, а с помощью создания по всему миру, особенно в Центральной Азии, взаимовыгодных интеграционных объединений, двухсторонних и многосторонних экономических партнерств, применению средств культурного

влияния, в том числе, путем распространения китайского языка и ценностей китайской культуры (институты Конфуция, обмен студентами и специалистами и т.д.).

4. Реализация концепции ответственной державы предполагает и предупреждение образования дисбалансов сил, в том числе, относительно направлений континентального и приморского направления политики. Плодотворным реальным наполнением концепции «ответственной державы» становится концепция развития Синьцзяна, как важного звена в выстраивании международного сотрудничества со стабильными западными «континентальными» (Казахстан, Россия) и континентально-прибрежными государствами (Индия, Иран, Пакистан). Это помогает выстраиванию противовесов проникновениям экстремистов из нестабильных регионов (Афганистан, Пакистан, Таджикистан), а также попыткам некоторых сил втянуть Синьцзян в процессы, ведущие к «цветным» революциям. Реализация интеграционных проектов, в том числе, «Один пояс, один путь» и его континентального маршрута (проект «Экономический пояс нового Шелкового пути»), дальнейшее развитие ШОС и БРИКС, сотрудничество с Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС) приводят к усилению экономической и политической роли Синьцзяна, уникальное геополитическое положение которого может способствовать политической стабилизации в этом сложном регионе, дальнейшему повышению международного авторитета, как КНР, так и государств-соседей. В соответствии с концепцией «ответственной державы», это не только защищает национальные интересы, но и помогает формировать баланс сил для обеспечения международной безопасности.

5. Роль СУАР как геополитического ресурса КНР в развитии отношений с Россией, Казахстаном, другими государствами Центральной Азии, Индией, Пакистаном, Афганистаном значительно усиливается в условиях глобализации, связанной с развитием транснациональных кампаний, ростом миграции людей и капиталов, нарастанием энергетических и экологических проблем. Регион СУАР, богатый сырьевыми ресурсами, занимающий вы-

годное геополитическое положение, может способствовать приграничному и более широкому международному сотрудничеству, обеспечивающему взаимозависимость и благоприятные условия для поддержания порядка и повышения уровня жизни населения, а вместе с этим и укрепления международной безопасности.

б. Синьцзян – регион, способный серьезно повлиять на расширение и углубление двусторонних китайско-российских отношений. Его возможности не ограничиваются транзитом сырья и товаров и предоставлением территории для строительства путей сообщения (в Синьцзяне сосредоточены серьезные технические и кадровые строительные ресурсы), но могут реализовываться также через углубление культурных связей, приграничное сотрудничество, кооперацию СУАР и российских регионов, в том числе путем создания совместных предприятий, технопарков для развития экономической политики, например, в таких нужных для России и Китая сферах, как сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственной продукции, энергетика, транспорт, экология, образование и наука.

Теоретическое значение исследования состоит в разработке аналитической модели учета роли геополитически значимого региона, граничащего с рядом континентальных государств, богатых природными ресурсами, его особенностей экономического, социокультурного и политического развития для обеспечения национальной и международной безопасности.

Практическая значимость. Материал и выводы диссертации могут быть использованы в подготовке спецкурсов «Геополитика и глобализация», «Синьцзян-Уйгурский административный район КНР в мировой политике», «Опыт противодействия терроризму в СУАР КНР», «Национализм и национальные отношения», «Центральная Азия и политика КНР в Синьцзяне» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям «Политология», «Конфликтология», «Международная безопасность», «Международные отношения и мировая политика», «Политика и государственное управление» и др.

Материалы диссертации могут найти практическое применение для анализа международных отношений и мировой политики в государственных учреждениях, занимающихся внешними связями, в частности, в Министерстве иностранных дел КНР, МИД Российской Федерации и государств ЦА, Россотрудничестве, органах государственной власти субъектов РФ, автономных районах и провинциях КНР. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших научных исследований по широкому кругу проблем современных международных отношений и мировой политики, особенно в Центральной и Восточной Азии.

Апробация исследования. Результаты исследования представлялись на международных научных конференциях: «Китайский новости о России: настоящее и будущее» (20.12.2006, Москва), «Азиатский диалог: страны с переходной экономикой» (23.04.2007–24.04.2007, КНР, Хайнань); «Россия и Китай: по развитию высшего образования» (29.03.2008, Москва); Саммит «Европейский волонтер» (07.07.2009–08.07.2009, Сербия, Белград); «Гуманитарные аспекты обеспечения стабильности и сотрудничества в регионе ШОС» (07.12.2011–08.12.2011, Москва); «Теория и практика гражданского образования в Китае и России» (29.07.2013, Москва); «Лоулань» (11.10.2013, КНР, Синьцзян); «Государственное строительство и развитие государственного управления» (15.03.2014, КНР, Чэнду); «Россия и Китай: общее историческое наследие и вызовы современности» (20.04.2015, Москва).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 3 глав, объединяющих 8 параграфов, заключения, списка литературы, всего на 218 стр.

Глава 1. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА

1.1. Международная безопасность и формирование концепции «ответственной державы»

Международные отношения в специальной литературе определяются как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий территориальных образований. Именно такой подход к их определению, использованный профессором П.А. Цыганковым, требует рассмотрения взаимодействий международных и внутриобщественных отношений. Это позволяет наиболее полно рассмотреть проблему международной безопасности. Тем более, при рассмотрении всей совокупности отношений, связанных, как с развитием Синьцзяна, так и Центральной Азии, в контексте вызовов международной безопасности. П.А. Цыганков особо отмечает необходимость при рассмотрении международных отношений и мировой политики использовать системный подход¹. Данный подход позволяет объемное видение анализа такого многомерного явления международных отношений, как безопасность («всеобъемлющая и всеобщая безопасность»). Современные угрозы международной безопасности могут исходить не только из прямой политической напряженности, но и из слабости экономики, противоречий в торговле, неконтролируемой миграции, экологии, наркобизнеса, терроризма и прав человека.

Глобализационные процессы, оказав существенное влияние на содержание международных отношений, направленность мировой политики и методы деятельности ее основных акторов, привели к пересмотру подходов, определяющих методологию исследования данной проблематики. К таким

¹ Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. Т. 1; Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5.

изменениям в теории международных отношений, которые позволяют подойти к определению международной безопасности и рассмотреть проблему Синьцзяна в контексте современных вызовов международной безопасности, можно отнести:

– усиление связи и взаимозависимости внешней и внутренней политики: международная безопасность обеспечивается не только усилиями государств на международной арене, но и во многом успехами их внутренней политики, направленной на защиту прав человека, благосостояние, экономическое и социокультурное развитие общества, а также другими внутренними ресурсами государства¹. Конечно, внутренняя мощь государства всегда способствовала успеху его внешней мощи, в том числе, завоевательной политики, но в условиях глобализации возросла взаимозависимость между государствами; сформировались международные межправительственные и неправительственные организации, действует разветвленное международное право.

– теперь недовольство населения, поддержанное негативным восприятием государственной власти в СМИ и блогосфере, международными НКО относительно нерешенности проблем национальной политики, прав национальных меньшинств, состояния прав человека в каком-то государстве, может способствовать запуску «цветных» революций, нарушению национального суверенитета, создать угрозу для национальной безопасности государства, а вместе с этим и международной безопасности;

– объемность и многоаспектность понятия безопасности: оно включает не только военные вызовы государству и его союзникам, но также экологические, финансовые, экономические, социальные, культурные, медийные вызовы, а также угрозы национальной идентичности;

– переосмысление содержания понятий «международная безопасность», «национальная безопасность», «региональная безопасность», «безо-

¹ См.: Международные отношения и мировая политика / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015. С. 223–226.

пасность человека», «безопасность общества», «безопасность государства»;

– расширение объема понятия «субъекты мировой политики», в частности, с такими субъектами наряду с государствами и международными межправительственными организациями становятся отдельные регионы в государствах и региональные неправительственные организации, а также (в негативном плане) антиправительственные движения фундаменталистского характера, с которыми могут вестись переговоры, в том числе, на международном уровне, например движение «Талибан»;

Представители разных теоретических школ признают, что такие изменения обязывают государства и международное сообщество в целом формировать новые стратегии обеспечения безопасности. В частности, с такими новыми стратегиями неизбежно будет связано и усиление внимания к системности государства, внутренней интеграции обществ, отдельных регионов в тех или иных государствах, от развития которых во многом может зависеть целостность всего государства. Так, происходит рост сепаратистских стремлений в ряде государств: специалисты относят только к проявленным очагам сепаратизма примерно 50 районов, например, Северную Ирландию, Шотландию – в Великобритании, Квебек – в Канаде, Корсику – во Франции, Басконию и Каталонию – в Испании, Донбасс – на Украине и др. Для Китая такой вызов представляют Тайвань, Тибет и Синьцзян.

Таким образом, обобщая сказанное, следует признать, что рассмотрение Синьцзяна в контексте вызовов международной безопасности¹ дает интересный материал о связи внешних и внутренних факторов, взаимовлиянии глобальной, региональной, национальной безопасности, разнообразии угроз со стороны сепаратистских движений. В зависимости от природы и динамики каждой из угроз и состояния международного контекста сепаратистские движения приобретают международный резонанс.

Изучение государственной политики обеспечения безопасности в Синьцзяне показывает примеры влияния глобализации на взаимодействие

¹ Dillon M. Xinjiang – China's Muslim Far Northwest. L.: Routledge, 2004. P. 24.

внутренней политики и международных отношений, возникновение новых вызовов и угроз. Стратегия внешней политики подвергалась изменениям, в том числе, под влиянием целей и задач, которые руководство КНР формулировало на разных этапах своего развития.

Для того, чтобы выявить векторы стратегии внешней политики Китая, кратко охарактеризуем эти изменения. После образования Китайской Народной Республики (КНР) и прихода к власти Коммунистической партии Китая (КПК) в 1949 г. внешнеполитический курс во многом определялся межгосударственными отношениями в «треугольнике» КНР – СССР – США и состоянием отношений внутри социалистического лагеря. В отношениях с СССР можно выделять такие периоды: 1949– конец 1960-х гг.; 1960–1989 гг.; 1989–1992 гг.

С переходом СССР к поддержке политики руководства КПК в Синьцзяне Евразия с 1949 г. до начала 1960-х гг. стала своеобразным «западным» стратегическим «тылом», «эшелонем безопасности» для КНР. При этом Китаю удавалось, благодаря позиции Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, проводить в целом самостоятельную политику¹. Наоборот, стратегическое направление «восточных» и «южных» морей превращалось в район внешних вызовов и угроз. В течение этого периода КНР поддерживала Северную Корею в войне на Корейском полуострове; серьезно помогала Вьетнамскому народу в антиколониальной войне против Франции. Оставались сложными отношения КНР – Япония, КНР – Индия.

Но в начале 1960 г. отношения между СССР и КНР осложнились. КНР пошла по собственному пути развития, столкнувшись с определенной международной изоляцией, что замедлило развитие Синьцзяна. И на Восточном и Южном направлениях продолжали генерироваться внешние угрозы. В 1962 случился ожесточенный пограничный конфликт Китая с Индией. Военные

¹ Yang Kuisong The sino-sovjet Allians fnd Nationalism: A Contradictions // Parallel History Project on NATO and Warshaw Pact. The Cold War History of Sino-Sovjet Relation. 2005. June. P. 1–12. URL: www.php.isn.ethn.ch/publications/Kuisong.pdf (дата обращения 16.06.2015).

действия шли во Вьетнаме, освободившемся от французской колониальной зависимости, но расколовшемся на две части. На стороне южно-вьетнамского режима выступили США, перешедшие постепенно к прямой военной агрессии (количество млн. военных из США, направленных во Вьетнам, возросло с 760 в 1959 г. до 3,2 тыс. – в 1961, 11,3 тыс. – 1962; 185 тыс. – в 1965 и до 543 тыс. – в 1969 г.). В победе Вьетнама в войне с США есть немалая заслуга, как СССР, так и КНР. Но, несмотря на то, что и КНР, и СССР помогали Демократической Республике Вьетнам, советско-китайские отношения продолжали ухудшаться (пик ухудшения – вооруженный конфликт на о. Даманский 1969 г.).

В последующее десятилетия произошли существенные изменения. Постепенно КНР сумела преодолеть международную изоляцию. В 1971 г. было восстановлено членство КНР в ООН. В 1978 г. «политика открытости» ознаменовала новый этап развития отношений КНР на международной арене. В ходе осуществления реформ с 1978 г. руководство страны выбрало более гибкие концепции, сохранявшие следование социалистическому учению, но позволяющие снижать участие государства в управлении экономикой. Но ухудшились отношения не только с СССР, но и с Вьетнамом, причиной чего была помощь Вьетнама партизанам в Кампучии и ввод туда войск, высылка китайской диаспоры из Вьетнама. Это дошло до войны КНР с Вьетнамом в 1979 г., что углубляло разрыв с СССР, помогавшим Вьетнаму в экономическом, военном, политическом плане. Война закончилась быстро, но затем вооруженные конфликты на китайско-вьетнамской границе разгорались в 1984 и 1988 гг.

Что касается улучшения отношений КНР – США, то этому способствовали внутренние и внешние реформы с начала 1970-х, включавшие движение к открытости. Реформы начинались с восточных и юго-восточных (прибрежных) районов и включали несколько этапов. Китай и США постепенно продвигались к нормализации отношений. Первый этап с 1971 г. ус-танавливается политическое и экономическое сотрудничество с США: визи-

ты в Пекин Г. Киссинджера (июль и октябрь 1971 г.), затем А. Хейга (январь 1972 г.), а затем и Президентов США Р. Никсона (февраль 1972 г.) и Дж. Форда (1975 г.). Реформы в КНР 1978 г. способствовали восстановлению официальных дипломатических отношений в 1979 г. А в 1998 г. с визитом Цзян Цземиня отношения КНР – США приняли характер стратегического партнерства.

Затем отношения дестабилизировались после жесткой реакции администрации США на события на площади Тяньаньмэнь (1989 г.). Далее следовала стабилизация двухсторонних отношений. Затем опять отношения получили значительное охлаждение после бомбардировок самолетами США посольства КНР в Белграде (1999 г.), повлекших за собой гибель трех граждан КНР (27 были ранены). Тем, не менее, и после этого отношения опять нормализовались¹. Правда, уровня 1970-1980-х гг. отношения США–КНР уже не достигли.

Отношения КНР с СССР начали улучшаться только в 1989 г., этому способствовали визит М.С. Горбачева в КНР; вывод советских войск из Монголии и Афганистана; а вьетнамских войск – из Кампучии). Это открывало новые возможности и в развитии Синьцзяна. Постепенно начали налаживаться отношения с Индией, Вьетнамом и странами ЮВА. Поступательное улучшение отношений КНР с Россией и другими странами СНГ помогало сторонам решать целый ряд сложных задач в сфере внутренней и внешней политики. В условиях заметного охлаждения отношений с Западом, поддержка на Северо–Западе (Россия, государства-участники СНГ) помогала руководству КНР поддерживать баланс сил, предотвратить дестабилизацию существующей в Китае политической системы, а также держать под контролем ситуацию в СУАР, активизировать политику в этом «западной» крае

¹ В 1999 г. после этой бомбардировки в Пекине побывал специальный посланник, заместитель государственного секретаря США по международным делам Т. Пикеринг с извинениями и предложением компенсации в 4,5 млн. долл. (Иванов А. Китай простил Америке бомбардировку посольства // Коммерсантъ. 1999. № 199. 29 октября).

Главной целью внешней политики КНР в 1990-х гг. стало обеспечение успеха проводимых социально-экономических реформ, в том числе, создание благоприятных международных условий, институционализации их в своеобразном «поясе стабильности» по периметру китайской границы. Исходя из данной цели, руководство КНР проводило чрезвычайно осторожную и гибкую внешнюю политику. Ее основные принципы укладывались в концепцию Дэн Сяопина, выраженную «формулой 28 иероглифов». Она базировалась, в том числе, на постулатах: хладнокровно наблюдать, сдержанно реагировать, твердо проводить курс, скрывать возможности и выигрывать время, не пытаться лидировать, всегда стремиться добиваться определенных результатов¹. Эта «стратегия выжидания» позволяла КНР в условиях неопределенности в мире, в том числе, и на постсоветском пространстве, выиграть время для проведения внутренних реформ, с наименьшими издержками реагировать на происходящие глобальные и региональные изменения.

Тем не менее, сказывалась инерция более раннего курса на ускоренное развитие приморских провинций. В последней четверти XX в. в южном (приморском) регионе были созданы четыре особые экономических зоны: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямень. Приморский регион благодаря помощи многочисленных диаспор китайских соотечественников за рубежом, стал привлекательным для инвестиций из Гонконга, Макао, Тайваня, Сингапура, других стран ЮВА, США и Европы. Обозначился значительный дисбаланс во внешней политике в пользу Тихоокеанского направления. Тем более, что при выработке стратегии обеспечения безопасности в КНР в силу самых разных причин, в том числе, для получения новых технологий, придавалось особое значение ориентации на сближение КНР и США. Китай во внешнеполитическом курсе США занимал значительное место.

Все это отражалось в научном и политическом дискурсе КНР. В конце

¹ Дэн Сяопин. Дэн Сяопин няньПУ Ся. 1975–1997 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1975-1997). Т. 1. Пекин, 2004. С. 1346.

1980-х гг. обострилась дискуссия о проблемах типологии китайской цивилизации, типах политической культуры в Китае, влиянии последней на технологическое отставание. Цивилизация центрального Китая (цивилизация *лэссового плато*) стала синонимом закрытости и консерватизма, а приморская культура была признана открытой и более гибкой. Исторически (в XIX в.) также регион восточных (приморских) провинций стал основным плацдармом проникновения европейских держав и США в Китай и оказания западного экономического, политического и культурного влияния. И хотя история хранила память о поражении в опиумных войнах с Великобританией (1840-е гг.) и «силовой дипломатии» Европы, признавалось в то же время, что влияние Великобритании, других европейских государств, США, а также Японии, способствовало модернизации Китая, успехи которой проявились заметно до начала внутренних китайских войн в 1920-х гг.¹

Приверженцы так называемой «приморской культуры» ссылались на историю государств Западной Европы, сумевших через свою морскую политику добиться мировой экспансии. Китай в период своего средневекового расцвета упустил шанс с помощью мореходства распространить экономическое влияние своей цивилизации. Правомерно признавалось, что современный Китай должен развивать мореходство, чтобы усилить свои позиции в глобальной коммерческой конкуренции. Помимо чисто геополитических преимуществ, морские пути остаются самыми дешевыми и удобными для перевозки больших партий грузов, что дает бизнесу и государству надежные источники доходов. Дополнительная аргументация заключалась в том, что восточные (приморские) районы, в которые уже вложены огромные инвестиции, окажут финансовую и технологическую поддержку в выравнивании социально-экономического развития и подтягивании более отсталого района СУАР («Запада»).

Концептуальные основы такого подхода КНР к проблемам мирового

¹ Waldron A. From War to Nationalism. China Turning Point 1924–1925. Cambridge: Cambridge University, 2003. P. 11–34.

развития формировались в 1984–1986 гг., когда начатая в 1978 г. экономическая реформа стала давать значительные результаты. Этот подход способствовал повороту КНР к концепции полицентричности (многополюсности) политического миропорядка, которую озвучил в 1988 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь (с 1998 г. – зам. премьера Госсовета КНР)¹.

Споры о континентальной и приморской культурах касались напрямую также стран ЮВА. Наряду с экономическими успехами в развитии приморских провинций накапливались, как внутренние противоречия (усиление социально-экономической дифференциации территорий КНР), так и напряжение в отношениях с южными и восточными соседями (Вьетнам, Филиппины, Япония, Корея, Индонезия, Малайзия), в том числе, из-за спорных островов и рифов. Происходили конфликты относительно островов Спратли в Южно-Китайском море в 1980-е гг., рифов Мисчиф в 1996 г., Парасельских островов и др. Отношение соседей к КНР ухудшалось. США и Япония в своей внешней политике использовали эти противоречия, в том числе, для завоевания экономических и политических позиций во Вьетнаме, Филиппинах, Индонезии, что вызывало ответную негативную реакцию руководства Китая². Например, укрепились экономические и военные отношения Вьетнама с Индией, Японией, США.

КНР пошла на серьезное изменение внешней политики в отношении соседей, сделав ее более гибкой и комплементарной³. Одновременно происходило изменение в расстановке приоритетов внешней политики относительно развития «запада» и «востока» страны. Так среди экспертов и политиков КНР усиливались сторонники усиления «западного» (континентального) направления внешней политики. На это повлияло накопление вызовов и конфликтных зон на приморском направлении внешней политики Китая,

¹ См.: Остроухов О.Л. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 3(51). С. 9.

² Лексютина Я.В. КНР – США: соперничество в Юго-Восточной Азии обостряется // *Азия и Африка*. 2012. № 3(656). С. 2-9.

³ Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2010. Т. 14. С. 12.

на чем стремятся играть США и Япония. Как свидетельствовали события 2014 и 2015 гг., США в своей внешней политике в Азии и на Тихом океане продолжали использовать конфликты Китая с соседями на «восточном» (для Китая) направлении, наращивали свое присутствие в Тихом океане, усиливая военно-морской флот США.

Развитие же отношений КНР с Россией и государствами Центральной Азии, помогает успешнее снижать влияние США, в том числе благодаря интеграционным процессам в ШОС, ориентированным на обеспечение региональной безопасности. Оно становилось все более серьезным ресурсом и противовесом давлению США. Но остается проблема социально-экономического отставания Синьцзяна, по сравнению с приморскими провинциями. Растут угрозы активизации исламского фундаментализма и международного терроризма¹. Это может вести к дестабилизации ситуации в регионе и ослабить внешнеполитические позиции КНР, особенно на «западном» направлении, в Центральной Азии. Так социально-экономическое развитие Синьцзяна становилось одним из условий укрепления внешней политики Китая на этом направлении.

«Восточное» движение в стратегии США, включая Центральную Азию и АСЕН, вызывает в 2010-х гг. повышенное внимание китайских ученых и политиков. Усиливаются позиции тех, кто предлагает разработать более сбалансированную внешнеполитическую стратегию, учитывающую значение «западного» направления, при котором развитие СУАР встает в ряд приоритетов². В 2012 г. декан факультета международных отношений Пекинского университета Ван Цзиси выдвинул концепцию стратегического движения «на запад». Он отметил, что ситуация непрерывного изменения геоэкономики и мировой политики требует «перебалансировки» геостратегии, в частности, рассмотрения в единстве проблем сухопутного и морского суверенитета. Если стратегический центр тяжести США сдвигается к АТР,

¹ Dillon M. Xinjiang – China's Muslim Far Northwest. L.: Routledge, 2004. P. 24.

² Яо Ван. Бу Чжан чжи чжан жэ е бу хэ хуан цю Цай цзин (Война войной....) // Глобальные финансы. 2012. № 6.

Европа, Индия и Россия также все больше «смотрят на восток», Китай, находящийся, как в восточной, так и центральной, части Азии, не должен ограничиваться развитием прибрежных районов и «морского» направления. КНР должна обеспечить новое стратегическое планирование («стратегия на запад»), в том числе, ускорив создание инфраструктуры «экономического пояса Шелкового пути», учитывая успехи КНР в строительстве скоростных железных и автомобильных дорог. Этот проект становится в современных условиях основным¹.

Главные цели данного проекта – стратегическое направление дипломатии Китая к «западу», активизация через ЦА, Пакистан, Индию маршрутов на Среднем и Ближнем Востоке, чтобы соединить через них Восточную Азию с Европой в единое экономическое пространство. Это позволило бы объединить геополитические, дипломатические и экономические ресурсы этих регионов, в целях достижения баланса относительно политики США в АТР. Бывший адмирал военного круга Ланьчжоу Ли Цяньюань в своей работе «Стратегия на запад» подчеркивал важность строительства западной границы Китая («запад» является «коньковым брусом» китайской нации). Влиятельный генерал Лю Ячжоу (ему также приписывают авторство книги «Западная теория», 2001 г.), в стиле политического реализма в устных и печатных выступлениях призывает к развитию «Запада» (Синьцзяна), обеспечивающему союз с Пакистаном и странами ЦА, а через их территорию с арабскими (исламскими) странами².

Усиление внимания к данному направлению внешней политики серьезно повышает значение СУАР, его выгодных природно-географических преимуществ. Стратегия «движения на запад» сочетается с региональной стратегией для Синьцзяна (стратегия «Красное, черное и белое»), включающая производство, переработку, транспортировку и реализацию про-

¹ Ван Цзиси. Си цзин-чжон го чжан луэ де цэ пин эн (Наступление на Запад: геостратегическое перебалансирование Китая) // Global Times. 2012. 17 октября.

² Sun Yang. With Promotion of General. Chinese Regime Tills to West. Islamic finance center may have traction among leaders // The Epoch Times. 13 August 2012.

дукции садоводства и овощеводства (томаты, перец и другое – «красное»), производство, переработку и реализацию нефти и газа, запасы которого в Синьцзяне огромны («черное»), производство и переработку высококачественного хлопка («белое»)¹.

Подобные идеи, получают выражение в стратегиях китайских лидеров. В частности, 7 сентября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Назарбаев-Университете в Казахстане, предложил объединить усилия на основе инновационных методов взаимодействия и создать «Экономическую пояс Шелкового пути», способствуя постепенному формированию крупномасштабного регионального сотрудничества. Этот проект получил предпосылки в развитии интеграционных образований, в том числе Шанхайской организации сотрудничества и Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в организации работы которого страны СНГ, в первую очередь, Казахстан и его Президент Н.А. Назарбаев, играли иницилирующую роль². Все это усиливает стратегическое движение КНР «на запад».

Тема «нового Шелкового пути», в том числе его континентального варианта, приближается к своей проектной фазе, привлекает все большее внимание, обретает свой политический дискурс, вызывая отклики экспертов и политиков, активность бизнеса и государственных учреждений. Проявляется реакция России, стран ЦА, Японии и стран АСЕАН, западных стран. В том числе, довольно равнодушна реакция со стороны США, лидеры которого ранее уже обращались к идее Нового Шелкового пути. Обнажается открытое и латентное соперничество США и КНР в ЦА и ЮВА³.

Конечно, это не означает полное переключение внешней политики КНР на «западное» (континентальное) направление (Россию, ЦА, Средний и

¹ Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006. С. 122.

² Административный орган Совещания (Секретариат) находится в Алматы (Казахстан).

³ Swanstrom N., Norling N., Zhang Li. China // The New Silk Roads and Trade in Greater Central Asia. Wash., D.C., 2007; Алимов Р.К. К вопросу о формировании экономического пояса шелкового пути // МИР – модернизация, инновация, развитие. 2013. № 4(16).

Ближний Восток). С 1990-х гг., когда уже не было СССР, в связи с чем ослабла активность США в регионе ЮВА, КНР активизировала свои связи со странами АСЕАН, показывая расположенность к помощи и сотрудничеству, особенно в период экономических кризисов 1997 и 2009 г. Китаю удалось серьезно усилить свои позиции и на этом направлении¹.

Исследователи и политики пишут о необходимости диалога и сбалансирования позиций между приверженцами внутриконтинентальной и приморской культур в современных условиях. Такой диалог имеет важное значение для понимания исторического прошлого и перспектив дальнейшего развития страны. С конца XX в. КНР приступила к укреплению своей морской мощи. В эти годы часто звучали голоса об «угрозе с моря», которые могут исходить от Тайваня и Японии. По мнению отдельных специалистов, споры об островных южно-китайских территориях могут стать ключевыми в ближайшее время. Основным моментом таких споров является вопрос о необходимости построения Китаем авианосцев² и разработки действенных средств, преодолевающих защиту американских авианосцев (разработка ракеты Dong Feng 21D). Следует отметить, что на «западе» (регионе ЦА и по отношению к России) Китаю удалось перевести территориальные пограничные споры в конструктивное, в том числе, дипломатическое русло. В отношении морского направления ситуация более напряженная. Хотя КНР сделала немало для конструктивного разрешения территориальных споров с

¹ Китай подписал со странами АСЕАН Совместную Декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности (2002 г.), Декларацию о правилах поведения в Южно-Китайском море (2002 г.), где согласился с рядом требований своих соседей. Создана зона свободной торговли Китай – АСЕАН. В 2008 г. КНР первой внесла 38 млрд. долл. в антикризисный фонд АСЕАН, а в 2009 г. двукратно перечислила в другой фонд АСЕАН 100 млн. долл. (Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. С. 15; Лексютина Я.В. США – КНР: соперничество в Юго-Восточной Азии обостряется // Азия и Африка. 2012. № 3(656). С. 2–9).

² Яэ ци Чжэн. Чжон го де хе пин юй фа чжан (Китай для мирного развития: права на землю для репатриации и развития) // Ши цэ цин ци юй чжен чжи. 2007. № 2. С. 23; Ни ле Сион. Цун лу цуан до хэ цуан де ли ши би жан-Цзянь юй яэ ци чжэн цзяо шо шан Цюэ (Музыкальный герой: От прав на землю к правам на историю) // Ши цэ цин ци юй чжен чжи. 2007. № 11.

Японией, Вьетнамом, Филиппинами, тем не менее, борьба за островные и рифовые территории продолжается, а порой серьезно обостряется.

Если рассматривать геополитический аспект внешнеполитической стратегии Китая относительно баланса континентального и приморского направления внешней политики, то в этом содержательно проявляется позиционирование КНР себя как «ответственной державы»¹. Истоки данного подхода берут свое начало из традиционных китайских источников, представлений о «гармонии мира» (концепция «гармоничного мира»)². Однако на его формирование повлияли и отдельные западные научные теории, в частности, взгляды Х. МакКиндера, его тезис о континентальной «географической оси истории», в которой достаточно последовательно обосновывалась связь географических (территориальных, природных) реалий и исторического опыта³. В то же время, у китайских специалистов также получила позитивный отклик концепция другого классика геополитики – А. Мэхен, который в своей теории «морского могущества» в конце XIX в. утверждал, что обладание морем или контроль над ним являются всегда были великими факторами.

Позднее в книге «Великая шахматная доска» З. Бжезинский развивает идеи МакКиндера, обращая внимание на то, что конечная цель США – это завоевание «географической оси истории». Евразия для З. Бжезинского остается частью «шахматной доски», на которой продолжается борьба за мировое господство⁴. Он называет Евразию «главным геополитическим при-

¹ Термин «ответственная держава» применяется уже и в работах российских авторов по политологии и международным отношениям. См.: Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013.

² Учение о «гармоничном мире» остается идейной основой и современной внешней политики Китая (Лексютина Я.В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2014. № 2. С. 138–145).

³ См.: MacKinder, Halford J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951. P. 30–44. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-geopolitika/redaktsii1150.html> (дата обращения 27.01.2015).

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 3.

зом Америки» и приводит знаменитый геополитический афоризм: «Кто правит Восточной Европой, тот командует «Хартландом»; кто правит «Хартландом», тот командует Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, тот властелин мира». З. Бжезинский откровенно писал, что три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности данников и обеспечении их защиты и в недопущении объединения варваров, наиболее беспокойные из них две евразийские державы – Китай и Россия. Собственно З. Бжезинский, на свой лад, говорит об ответственности империи, но в значении отношений центра и периферии (полупериферии).

Если же раскрывать субъективные аспекты концепции «ответственной державы», то следует обратить внимание на концепцию «поссибилизма» основателя французской геополитической школы Видаля де ла Бланша. Он отказывался от жесткого географического детерминизма, как судьбы той или иной страны, и ставил на первое место волю и инициативу людей, которые по своему значению он приравнивает к природе («географическому фактору»). Субъект воздействия на исторические процессы действует не изолированно, а в рамках природного и социального комплекса, что можно трактовать как ответственную позицию. Но особое отношение к управлению как духовной силе характерно для традиций Азии, в частности Китая¹.

В теории «ответственной державы» позиционируется роль государства, поддерживающего баланс сил и угроз, геополитических ресурсов суши и моря и умело формирующего свой международный имидж. В политике КНР с конца 1980-х гг., ведущей к беспрецедентным экономическим успехам КНР, проявляется субъективный стержень «ответственной державы». Благодаря правильной стратегии развития, направленной на удовлетворение насущных жизненных потребностей большей части населения и более ком-

¹ См.: Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М: Восточная книга, 2014.

плементарной внешней политике, государство КНР продвигается в направлении становления развитого и гармоничного общества. Нарращивание экономического потенциала сопровождается изменениями во внешней политике страны. От лозунгов мировой гегемонии времен «культурной революции», руководство КНР перешло к выстраиванию комплементарных отношений с внешним миром в соответствии с изменениями реальной роли государства и перспективой выхода в мировые экономические лидеры в первой четверти XXI в.¹

В 1997 г., когда в Юго-Восточной Азии бушевал экономический кризис, Китай не девальвировал свою валюту и оказал значительную поддержку ряду стран. С этим связано появление тезиса «быть ответственной державой в мировом сообществе». В конце октября 1997 г. Председатель КНР Цзянь Цземинь неоднократно подчеркнул «международную ответственность КНР». В 2006 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что «КНР стала ответственной страной»².

Один из идеологов концепции «ответственная держава», заместитель председателя Комитета по иностранным делам китайского Народного Политического Консультативного Совета Китая, известный дипломат У Цзяньминь так определял китайскую ответственность: КНР самостоятельно решила значительную часть вопросов своего развития, она несет ответственность по международному праву, решает общие проблемы, стоящие перед человечеством, отвечает за поддержание мира и устойчивого развития. Ответственность означает отказ от эгоцентричности в международных делах, следование принципу взаимной ответственности, что не может обеспечиваться в моноцентричном («однополюсном») мире³.

¹ Лю Лиина. Мэй Цянь Мао Йи Дай Бяо кан те: чжун Го Ченг вэй Линг дао Чжэ (Бывший торговый представитель США Кантор: Китай становится лидером) // Цан Као сяо си. 2011. 6 декабря.

² Премьер Госсовета Вэнь Цзябао отвечал на вопросы китайских и иностранных корреспондентов. URL [Z]: [http:// news-xinhuanet-com/misc/2006-03/14/cjntent_4303953_1-hm](http://news.xinhuanet.com/misc/2006-03/14/cjntent_4303953_1.htm) (дата обращения 16.06.2015).

³ Rénmínrìbào hǎiwàibǎn, èr-líng-líng-qī nián 3yuè 22rì (Жэньмин жибао. Зарубежная серия. 2007. № 3. 22 марта).

Подкреплением данной концепции стала и международная экономическая политика Китая во время кризиса 2008-2009 гг., когда он оказал помощь соседним государствам АСЕАН и Центральной Азии. 14 июля 2014 г. перед 6-м саммитом БРИКС Председатель КНР Си Цзяпин сказал: «Китай придерживается пути мирного развития, приверженности соотносить свои представления с пользой для мира, чтобы последовательнее играть роль ответственной державы...»¹. Ответственная держава, как он отметил в данной речи, активно участвует в международных делах, продвигает улучшение системы глобального управления и представительство развивающихся стран в международной деятельности, выдвигает соответствующие программы, со свойственной Китаю мудростью, способствует взаимовыгодному сотрудничеству между Китаем с государствами мира.

В китайском языке ответственность имеет два смысла. Первый смысл: ответственность – это значит делать то, что необходимо, полезно для дела (позитивная ответственность), т.е. стимулировать развитие страны, поддерживать стабильный экономический рост внутри страны и стабильность в жизни народа, обеспечивая порядок, защищая свой суверенитет и территорию против внешних вмешательств, т.е. обеспечивая безопасность людей и целостность государства. Второй смысл заключается в том, что страна несет ответственность (экономическую, финансовую, репутационную) за то, что делает, в том числе в международных делах (негативная ответственность)². Также понятие «ответственная держава» включает в себя политику, обеспечивающую тесную взаимозависимость национальной и международной (региональной и глобальной) безопасности. Опора такой державы – народная поддержка, экономическая мощь, благополучие населения, суверенная тер-

¹ Xinmin Evening News. 15.07.2014.

² Это совпадает в целом с методологией изучения ответственности в конституционном и международном праве (См.: Капицын В.М., Акмалова А.А. Теоретико-методологические аспекты изучения позитивной конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: МГУ, 2001. С. 453–461).

ритория, наличие партнеров и союзников¹.

Руководство КНР со времен правления Дэн Сяопина, подчеркивает, что Китай не стремится к гегемонии; его экономическое лидерство на ряде направлений не может выступать основанием, чтобы навязать миру свою модель общественного развития. В планах общественно-политического и экономического развития КНР заявлено, что страна строит социализм с «китайской спецификой»; это означает самобытный строй, учитывающий внутренние условия развития, которые не переносятся как образец на другие общества. История становления китайской цивилизации свидетельствует, что «экспансия» Китая происходила чаще как распространение ее автохтонной материальной и духовной культуры при сохранении культур других народов, чему примером служит и политика в Синьцзяне.

Современная задача государства КНР состоит в том, чтобы стать равным тем государствам, которые играют ключевую роль в глобальном процессе, и показать готовность нести ответственность за развитие международного сообщества. Путь к лидерству предполагает интеграцию экономики и культуры Китая в жизнь мирового сообщества. Однако, на этом пути «ответственная держава» должна применять и «мягкую силу», чтобы преодолеть устоявшиеся стереотипы². Политика Китая в других странах воспринимаются двойственно, в том числе, в США, Европе, некоторых странах ЮВА и ЦА. Западные элиты представляют Китай, с одной стороны, как «нормального партнера», общество с рыночной экономикой, а, с другой, политической точки зрения, как «чужеродное» образование, поскольку в КНР сохраняется монополия Компартии Китая. Антикитайская и антикоммунистическая риторика продолжает тормозить развитие международных отно-

¹ Го У. Юань цзун Ли Вэнь Цзябао дзи Чжэ Чжао Дай хуэй (Пресс-конференция премьера Госсовета Вэнь Цзябао с китайскими и иностранными корреспондентами). URL: http://news.xinhuanet.com/misc/2006-03/14/con-tent_4303953_1.htm. (дата обращения: 20.02.2014).

² См.: Яо Ван. «Мягкая сила» ответственной державы // Информационные войны. 2015. № 4.

шений, и ее необходимо преодолевать¹.

После окончания «холодной войны», по мере быстрого экономического развития и усиления международного влияния, КНР становится одним из основных игроков на мировой арене. В конце октября 1997 г. в ходе своего визита в США Цзян Цзэминь неоднократно подчеркивал международную ответственность КНР². Финансовая помощь странам ЮВА в 1997 и 2009 гг. – это стратегия «ответственной державы в международном обществе». Экономическая мощь КНР сыграла важную роль в восстановлении экономики соседей и всей мировой экономики.

Внутри страны руководство КНР доказало легитимность своего нахождения у власти, сочетая это с укрепляющимся международным авторитетом. Правящая партия в основном сохранила доверие китайского народа в немалой степени благодаря тому, что КНР добилась высокого международного признания и показала способность влиять на мировую политику, что обеспечило доверие граждан внешней политике.

Позиционирование Китая как «ответственной державы» подтверждалось активным участием в построении международного порядка. Заметно снижение беспокойства по поводу «китайской угрозы», хотя активная популяризации антикитайских идей по-прежнему применяется для торможения роста авторитета КНР. Новый курс КНР в отношении соседей, ведущий к разрешению или замораживанию территориальных споров, показывает, что она не угрожает другим странам.

Тем не менее, концепция «ответственной державы» предполагает сохранение, в том числе военной мощи КНР. Обращаясь в 2012 г. к участникам семинара в Китайском институте современных международных отношений (CICIR), зам. министра иностранных дел КНР Лэ Юйчэн наряду с

¹ Соловьева Е.В. «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. 2012. №1. С. 86.

² Цзян Чжу си юй Клинтон цзун Тонг хуэй Тан, Клинтон дзю син шэн да Го Ян Хуан Ин Цзян ЗЕ мин (Председатель Цзян провел встречу и беседу с Президентом Клинтон. Клинтон устроил торжественный официальный банкет в честь Цзян Цзэминь) // Жэньминь жибао. 1997. 29 октября.

мирной направленностью защиты государственного суверенитета КНР, подчеркнул и решимость китайского правительства и народа сохранить целостность территории страны, сломить которую «не смогут никакие силы». Если сдержанность Китая будет трактоваться как признак слабости и возможности требовать от него уступки, то такие взгляды «не могут быть реалистичными»¹.

В «Белой книге» китайского правительства 2012 г. указано, что в качестве «ответственной страны» в международном сообществе, Китай придерживается международных прав и общепризнанных норм международных отношений, ответственно относится к выполнению своих международных обязательств. Китай активно участвует в трансформации международной системы и разработке международных норм, участвует в глобальном управлении, поддерживает развитие развивающихся стран, защищает мир и стабильность в международном сообществе².

В концепте КНР как «ответственной державы» важное место занимает политика в ЦА, которая была определена в контексте концепции «мира и развития», достаточно подробно изложенной в китайских публикациях, базировавшихся на фундаментальном исследовании по региону³. В процессе формирования политики КНР в ЦА учитывались факторы, положительно или негативно влияющие на ее интересы. Согласно «Белой книге» 2011 г. «Мирное развитие Китая», «в области национальной обороны Китай придерживается политики оборонительного характера», т.е. рассматривает ее как средство обеспечения уважения к суверенитету и территориальной це-

¹ Старкин С. Китай – США: соперничество или сотрудничество. Экспертно-аналитические оценки американо-китайских отношений // Обозреватель-Observer. 2014. № 3. С. 12.

² Белая Книга китайского правительства 2011 г.

³ Чжунъя яньцзю (Исследование по Центральной Азии). Ланьчжоу, 1995; Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дули дэ Чжунъя гоцзя гуаньси (Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии). Харбин, 1996; Чжунъя гоцзи гуаньси ши (История международных отношений в Центральной Азии). Чанша, 1997; Чжунго юй Чжунъя (КНР и Центральная Азия). Пекин, 1999; Чжунъя гэцзюй дицюй аньцюань (Ситуация в Центральной Азии и региональная безопасность). Пекин, 2002; Шанхай хэцзо цзучжисинь аньцюань гуан юй синь цзичжи (Шанхайская организация сотрудничества — новое мышление и новый механизм безопасности). Пекин, 2002.

лостности КНР со стороны других стран»¹.

В своей политике в ЦА КНР исходит из сложившейся социально-политической ситуации в государствах постсоветской ЦА, а также в СУАР. После распада СССР внутренняя нестабильность в ЦА, нерешенность ряда проблем в отношениях между новыми государствами осложнялись борьбой за распределение сфер влияния между США, Россией, Турцией, Ираном, КНР. Жесткое противоборство с этими странами не отвечает интересам КНР. Используя свои преимущества (совместные границы) в расширении торгово-экономических контактов с государствами ЦА, КНР старается ограничивать воздействие происходящих в них процессов (в частности, оживление религиозного экстремизма) на ситуацию в Синьцзяне, где большинство населения мусульмане. При этом Китай использует апробированную политику выжидания, не мешая государствам ЦА самим определяться с внешнеполитическими приоритетами.

Руководство КНР до определенного времени устраивала политическое присутствие США в регионе ЦА, стимулирующее некоторые рыночные и демократические преобразования, ослабляющее националистические силы, ограничивающее влияние Ирана и Турции. Устраивало Китай и присутствие в этом регионе России, ограничивающее влияние региональных держав. И по мере нарастания экономической и военной мощи КНР она не стремится к резкому изменению соотношения сил, постепенно усиливая свои позиции в ЦА. Такое лавирование в целом соответствует концепту «ответственной державы». Но стремление США значительно усилить свое присутствие в ЮВА и ЦА в настоящее время может приводить к серьезным дисбалансам. Этому необходимо противостоять, что также входит в задачи «ответственной державы».

¹ Мирное развитие Китая: «Белая книга». 2011. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-09/22/content_23472127.htm (дата обращения: 16.11.2014).

1.2. Исторические и геополитические особенности Синьцзяна: вызовы и ресурсы безопасности

В географическом плане, Синьцзян – часть Западного и Северо-Западного (континентального) Китая, что имеет геополитическое значение в плане поддержания геополитического баланса морских и сухопутных границ. Возникновение вызовов относительно восточной (морской) части Китая усиливает значение двусторонних отношений и многосторонней интеграции между КНР и государствами, с которыми граничит СУАР. Восточная и северо-восточная часть СУАР граничит с Монголией, северная часть – Россией, западная часть – центральноазиатскими государствами Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан (в свою очередь, граничащими с Узбекистаном и Туркменистаном), а также Афганистаном, Пакистаном, Индией. Как известно, данные регионы, согласно теории Х. Макиндера, являются зоной, воспроизводящей вызовы. Но следует согласиться также с позицией Т.Н. Кучинской, которая исходит из учета вариативности. Трансграничность создает вызовы, но они трактуются в качестве предпосылок, как плодотворного сотрудничества, так и конфликтов, сепаратизма (вплоть до возникновения новых государств)¹.

Монголия – важное стратегическое направление для КНР в силу протяженной границы и также исторических проблем (попытка некоторых политических сил района Внутренней Монголии соединиться с государством Монголия). Экономические, торговые, гуманитарные связи осуществляются через многочисленные контрольно-пропускные пункты Внутренней Монголии, а также Синьцзяна. Граница Синьцзяна с Монголией часто представляет собой необитаемые горные территории с труднопроходимыми местами.

Для становления Синьцзяна и определения западных границ Китая

¹ Кучинская Т.Н. Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 17–18 мая 2012 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2012.

огромное значение сыграл ландшафт (рельеф) территории, граничащей с народами ЦА, где были довольно высокие горные цепи в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Пакистане. Как правильно оценивает Д.В. Дубровская, иметь на своей границе такие труднопроходимые местности было чрезвычайно выгодно, т.к. оборона горных перевалов позволяла держать гораздо меньше солдат. С обретением Синьцзяна Китай получил на западных и северо-западных рубежах более надежную границу при значительно меньших затратах людских и материальных ресурсов¹.

Афганистан соединяется с Синьцзяном через Ваханский коридор, открывающий труднопроходимые и безлюдные территории. В 1963 г. КНР и Афганистан урегулировали споры по Ваханскому коридору (КНР подтвердила суверенитет Афганистана над этой территорией). Часть китайской государственной границы в Синьцзяне проходит с Пакистаном, с которым поддерживаются стабильные партнерские отношения. КНР видит в этом важный баланс для регулирования отношений с государствами Южной Азии, особенно Индией. С Пакистаном КНР осуществляет совместные проекты использования угольных месторождений в Пакистане, строительства и эксплуатации глубоководного порта Гвадар (сдан в эксплуатацию в 2007 г.), через который КНР может получать нефть из стран Ближнего Востока. Планируются и реализуются проекты дорог: расширение (с 10 м до 30 м) автостреды из СУАР (г. Кашгар) в Гвадар, строительство железной дороги Кашгар – Гвадар.

СУАР стал рассматриваться достаточно давно в плане сбалансирования влияния континентальных и морских регионов во взаимодействии с внешним миром². Китай традиционно воспринимается как континентальная страна, формировавшаяся вокруг бассейна Желтой реки. При этом в восточных (прибрежных) провинциях формировалась собственная специфическая

¹ Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

² Яо Ван. Геополитические аспекты китайской континентальной и приморской культуры // История и современность. 2011. № 2. С. 86–92.

культура. Китайская цивилизация – одна из древнейших в истории человечества, долгое время в силу географического расположения и консервативной политики элит переживала определенные периоды изоляции, по сравнению с другими цивилизациями. В немалой степени это диктовалось заботой о стабильности и безопасности государства. И это являлось одной из причин, породивших особый китайский образ жизни и идеологию Китая как центра мира, что отразилось в названии страны «Чжунго» («Срединное государство»).

Авторитарный и имперский строй древнего и средневекового Китая оказал структурообразующее влияние на первоначальную картину мира в виде теории верховных прав древнекитайских монархов как заместителей («сыновей») Неба на земле над окружающими Китай народами. С древности китайская внешняя политика была связана с представлениями о мироустроительных функциях китайских правителей. Это отразилось и в системе трибютных отношений (трибютных соглашений) китайских правителей с окружающими народами, основывающейся на представлениях об империи Китая как внешнем арбитре, покровителе, защитнике¹. Подобные соглашения использовались при объединении племен, поддержании связей центральной власти с окраинами формирующейся империи, для поддержания взаимодействия культур разных народов и регионов на обширной территории.

Западные ученые при изучении геополитических стратегий недостаточно учитывают фактор таких трибютных соглашений для распространения китайской культуры за пределы континентальной ойкумены, на базе чего сложилась совокупность ханьских и других народов как основа китайской империи. Факты свидетельствуют, что китайская приморская культура возникла позднее материковой (континентальной) культуры. Образование китайской приморской культуры продолжалось долго. Оно шло параллельно с

¹ Min Shu. Balancing in a Hierarchical System: Pre-Colonial Southeast Asia and the Tribute System // Waseda Global Forum. No. 8. 2011. С. 229.

расширением региона расселения народов хань и формированием китайского государства. Китайская цивилизация зародилась на центральной равнине в бассейне Хуанхэ. Её истоки уходят во времена 4 тыс. лет назад (2-я треть II тыс. до н.э.), когда начали формироваться первые протогосударственные структуры¹. Первые удачные попытки объединения населяющих эту территорию племён относят к эпохе мифических императоров Яньди и Хуанди². Но только с 770 г. по 256 г. до н.э. предшественники и предки современных хань заняли берег Желтого моря, что создало благоприятные условия для соледобычи, рыболовства, судоходства.

В периоды «Весны и Осени» и «Воюющих царств» (с 770 по 221 г. до н.э.) цивилизация центральной ойкумены распространялась на районы проживания малой народности Байюе. Древние царства У и Юе (на юге от р. Янцзы) первыми ощутили влияние передовой цивилизации центральной равнины. Первые государи царства Юе произошли из династии Ся (примерно 2070–1600 гг. до н.э.); они создали общее царство (народность Юе). При государе Гоуцзян (род. 497–465 гг. до н.э.) царство Юе, благодаря умной стратегии правителя, стало одним из сильнейших царств периода «Весны и Осени». После свержения династии возникло царство Дуньюо (на месте сегодняшних городов Вэньчжоу и Миньюе, провинция Фуцзянь). Цивилизация центральной равнины охватывала все более обширные территории проживания национального меньшинства Байюе.

Заслуга объединения уделов и царств Внутреннего Китая принадлежит императору Цин-Хуанди (259–210 до н.э.), положившему конец эпохе «Воюющих царств». При нем был построен канал Линцьюй, дороги, дворцы

¹ Васильев Л.С. Древний Китай. В 3-х томах. Т. 1. Предыстория, Шань-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М.: Восточная литература, 1995. С. 163–164.

² Китайской традиции свойственна систематизация мифов; например, мифы о первых императорах, которые включали объединяющие идеи, имели меритократический и сакральный смыслы, возвышающие порядок и власть правителя (Лисевич И.С. Древние мифы о Хуан-ди и гипотеза о космических пришельцах // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М.: Наука, 1974. С. 40–42; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. Формирование основ социальной структуры и политической администрации. М.: Наука, 1983. С. 95).

в столице, достроены блоки укрепления Великой Китайской стены¹. После построения канала Линцюй (начало строительства 214 г. до н.э.), соединяющего бассейны рек Янцзы и Чжуцзян, армия царства Цинь (ок. 500 тыс.) быстро заняла обширные территории проживания национального меньшинства Байюе. На юг от горной системы Нанлин были освоены пограничные области Наньхай, Гуйлинь, Сян. Экспансия шла не только военным, но и культурным путем; ее важный результат – утверждение иероглифической письменности и китайских способов и норм жизнедеятельности к югу и юго-востоку от центральной ойкумены. На месте Миньюе возникла пограничная область Миньчжун. При династии Хань политическая власть и законодательство центральной равнины Китая закрепились в этих районах. Так появились первые местные ханьцы, а часть уроженцев национального меньшинства Юе мигрировали в ближайшие районы расселения ханьцев. Таким образом, произошло слияние цивилизации центральной равнины и локальной культуры Байюе.

В период Сицзинь, Дунцзинь, Южной и Северной династий (265-589 гг.) и периода Нань-бэй чао (IV–VI вв.) на центральной равнине неоднократно вспыхивали мятежи, совершались набеги кочевников. Политические и культурные центры переместились на юг, например, после прихода кочевников в 589 г. В период Нань-бэ (VI в.) потомки кочевников практически полностью ассимилируются с китайцами.

Государь Ли Чжи (из первых правителей династии Тан – династия длилась с 618 г. по 907 г.) направил генерала Чэньчжэна с армией (несколько тыс. человек) в местность Минь (сегодня южная провинция Фуцзянь) для укрепления там своего господства. Масштабные переселения позволили цивилизации центральной равнины распространить свой язык, политический строй, технику и жизненный уклад. Взаимодействие цивилизации Байюе с цивилизацией центральной равнины привело к основанию южной цивили-

¹ История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд. М.: МГУ; Высшая школа, 2002. С. 92.

зации, оставшейся и в наши дни своеобразным по своей культуре. Южная цивилизация включила в себя культуры провинций Чжэцзянь и Цзяньсу, южной горной системы Циньлин, национального меньшинства Кэцзя и южной части провинции Фуцзянь.

Благодаря речным судам и мореплаванию культура центральной равнины перешла сначала на ближайшие острова Тайвань и Хайнань, а затем и в другие страны. Вместе с переселенцами из приморского восточного района Китая к народам ЮВА пришли китайские сельскохозяйственные и ремесленные технологии, институты и методы управления, обогатившие быт и культуру местных народов и племен. В южной приморской части Китая появились торговые порты, обеспечивающие обмен товарами с разными странами¹. Япония, многие народы ЮВА (Таиланд, Вьетнам, Лаос, Бирма, Камбоджа) вошли в сферу распространения конфуцианства.

Западные земли, занимающие значительную часть сегодняшнего Синьцзяна и часть сегодняшней ЦА находились в Древности и в Средние века под властью часто меняющихся, соперничающих между собой протогосударственных образований во главе с иранскими, гуннскими, тибетскими, арабскими, монгольскими, тюркскими родами (племенами)².

После победы ханьцев над гуннами в 121 г. до н.э. находились под управлением династий Западная Хань, Восточная Хань, Суй, и Тан. До 60 г. до н.э. в этом регионе управляла наместническая администрация «Сиюй». В 60 г. до н.э. (правление ханьского императора Шэньцзюэ) центральная власть создает на этой территории Управление наместника западного региона. Поддерживались связи с сохраняющими влияние гуннскими правителями. В среде гуннских военачальников произошел конфликт, и гуннский князь Сяньшань во главе многотысячного конного войска перешел на сторону династии Западная Хань. Старшины и чиновники районов западно-

¹ Waldron A. From War to Nationalism. China Turning Point 1924–1925. Cambridge: Cambridge University, 2003. P 18.

² Millward J.A. Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 41.

го края, в том числе и гуннские, получили полномочия и приняли печати от центрального правительства¹.

Во времена династий Суй и Тан после победы над тюрками Центральное правительство создало наместнические администрации «Анси» и «Бэй Тин». В 722 г. правительство династии Тан учредило должность губернатора Циси для управления администрациями «Анси» и «Бэй Тин». Династия Тан активно принимала на службу тюрков в военных гарнизонах в Джунгарии и Трансоксиане и поощряла переселение тюркоязычных народов, что способствовало культурному взаимовлиянию. Местные тюркские вожди и правители считали престижным ассоциировать свою власть с северокитайскими государствами². Эти территории вовлекались в функционирование Великого Шелкового пути и становились его важной составной частью, благодаря, развитой караванной торговле ЦА, Среднего и Ближнего Востока и востребованным товарам. Шелк и другие традиционные товары Танской империи обменивались на уйгурских и арабских коней, индийские пряности и другую продукцию. Такие связи не нарушались и в период монгольского господства.

Правительство династии Тан назвало Западные земли «Циси» («Ци» – земли Мохэяньци, представляющие сегодня пустыню Хашунь между Хами и Дуньхуаном)³. «Западные» администрации Тан взаимодействовали с Уйгурским каганатом. После восстания населения во главе с Ань Ши (755–763) в течение 40 лет правительство Тан постепенно оставило Западные земли⁴. Западные и северные кочевники часто вели борьбу против власти династий севера Китая и центральной равнины Китая и даже несколько раз занимая

¹ История и развитие Синьцзяна: Белая книга // Жэньминь Жибао. 27.05.2003. URL: http://russian.people.com.cn/200305/27/rus20030527_75869.html (дата обращения: 13 мая 2015).

² Millward J.A. Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 42.

³ Сюэ Цзун Чжэн, Анси юй Бэйтин. Тан Дай си чуй Бянь Чжэн Ян джиу (Политические исследования западных окраин династии Тан). Харбин, 1998. С. 7-8.

⁴ Millward J.A. Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 45.

часть территорий центральной части государства. В течение длительного времени в Китае поддерживались оборонительные укрепления от набегов из северно-западной части континентального Китая. Часть Великой китайской стены (строилась с эпохи «Воюющих царств») – символ такой стратегии.

В период Минской династии активно развивались торговые пути из Китая через Могулистан и Турфан по Великому Шелковому пути, чему способствовало установление трибутных связей с правящими там ханами (каганами). Термин «трибутные связи» трактуется по-разному. Современные китайские авторы видят в них вассальные отношения (*fanshu*), тесные экономические и культурные связи, даже включение в конгломерат китайских народов на пути к формированию общих связей китайского народа¹. Западные авторы называют эти отношения «символическими», связывают их с «дарами» (*gift-relation*) (Millward, 72-73, 75). Но надо учитывать, не только совместные военные и дипломатические действия Турфана и Минского Китая относительно Тимуридов, но и торговые зависимости, построенные во многом на монополии Китая на производство шелка и других товаров, которые очень ценились, как в Европе, так и в ЦА, Руси, на Среднем и Ближнем Востоке и поставлялись туда, по крайней мере, до XVII в. через Турфан, Кашгар, вплоть до повышения значения морских торговых путей (р. 77).

Как Великий Шелковый путь играл важную роль в усилении трибутных отношений Синьцзяна (Джунгарии, Трансоксианы, Кашгарии) и Китая, так и сам институт трибутных отношений усиливал взаимозависимость этих регионов. Трибутные отношения в районе Синьцзяна оформляли фронт, поддерживающий столь необходимую для Ханской, Сунской, Танской, Минской, а также и Цинской империй Китая континентальную торговлю и а позднее и определяющий границы России, Монголии, Китая, ханств ЦА, Афганистана, Индии (р. 96).

Часть западного региона, присоединенная цинским Китаем (середина

¹ Su Beihai, Huang Jianhua. *Hami, Tulufan Weiwuer wang lich* (History of Yughyr Kings of Hami and Turfan). Urumchi: Xinjiang Daxue chubanshe, 1993. P. 54.

XVIII в.), была названа «Синьцзян» (кит. «новая пограничная территория»). Это название укоренилось среди населения только в XX в. Ученые из КНР считают, что одна из причин неприятия названия «Синьцзян» в том, что чиновники династии Цинн воспринимали эти земли не как новые, а как возвращенную территорию, ранее принадлежавшую Китаю¹.

Культура континентального, в том числе западного Китая, уравновешивала влияние факторов обеспечения безопасности относительно вызовов, идущих с континентальных и приморских (и островных) территорий. С этим связано развитие консервативной континентальной и модернизационной приморской культурами. У Китая на протяжении длительного периода истории ослабевал стимул к развитию приморских регионов. Этому были разные причины.

Во-первых, центральная власть временами ориентировалась так, что торговля с ближайшими восточными соседями – Кореей, Японией, странами ЮВА, уступала по значению рынкам «Запада» – Индии, ЦА, стран Среднего и Ближнего Востока, с которыми Китай был соединен благодаря Великому Шелковому пути через Синьцзян. Через налаженные сухопутные пути на западе, северо-западе, юго-западе центральная власть Китая могла получать беспрепятственно все необходимое для функционирования власти. «Западные» соседи Китая (особенно в доколониальную эпоху) были более развиты, по сравнению с восточными. Последние многому научились у китайцев, но не всегда могли предложить им свою продукцию в обмен на передовую для того времени продукцию китайцев.

Во-вторых, в процессе маньчжурского завоевания и установления династии Цин, новая власть имела сложные отношения с прибрежными провинциями. Там сопротивление завоевателям было наиболее долгим, в том

¹ Пань Чжипин, Ши Лань. Синьцзян хе чжун я ю Гуань ди Ли Гай нянь (Географические понятия о Синьцзяне и Центральной Азии: исторические и географические исследования китайских пограничных районов) // Чжун Го Бянь Цзян ши ди Ян джиу. 2008. № 3. С. 115.

числе с использованием флота¹. Цинским правителям пришлось пойти на создание трех вассальных (трибунных) квази-государств южнее Янцзы во главе с китайскими князьями, а потом и воевать с ними. При этом блокировалось развитие флота.

В-третьих, центральное правительство в эпоху Цин стремилось страховать себя от нежелательной административной децентрализации, к которой вело, так или иначе, развитие приморских районов, несшее вызовы и угрозы дестабилизации. В маньчжурской династии Цин до XVIII в. была выработана децентрализованная система умеренного налогообложения, сбалансированы отношения центра и провинций на основе конфуцианских принципов. Такая система трудно сочеталась с разнотемповым развитием и дифференциацией территорий. Система решала и проблемы социальной консолидации, когда превозносился символ «хорошего управления» с оптимальным налогообложением (максимизация доходов правительства не ставилась как основная цель). Чтобы люди жили обеспеченно и не бунтовали, чиновники обязывались уделять внимание вопросам водопользования, запасов продовольствия, развития земледелия и ремесла. Чиновники дисциплинировались с помощью экзаменов, ротации должностных лиц, запрета на службу в родных местах, плановых и чрезвычайных проверок².

Приморские районы стремились выходить из сферы центрального управления, поэтому власть не всегда поддерживала заморскую торговлю. Но такая ориентация центра имела и другую сторону – торможение дальнейшего развития приморских провинций, более склонных к модернизации. Происходило отдаление внешней политики, культурных, экономических и политических центров от Японии и других приморских стран ЮВА, которые в результате колонизации претерпевали определенные, хотя и ограниченные экономические и политические модернизации.

¹ Непомнин О. История Китая. Эпоха Цин. М.: Восточная литература, 2005.

² Бин Вон Р. История налогов. Некоторые фискальные особенности китайского государства в прошлом и настоящем // Научные тетради Института Восточной Европы. М.: ВШЭ, Без года изд. Вып. 3. Государство. С.71, 74.

В такие времена приморские районы по характеру связи с центром считались дальними краями Поднебесной; их развитие отходило на задний план, хотя приморские регионы с их речными путями и морскими портами, сохраняли, не смотря ни на что, сообщение с другими странами. Исключением был период династии Южная Сун, когда столица в результате нашествия с севера народа Цзинь была основана вблизи моря. Но и при этом цель переноса столицы, как объясняет историк их Цзинаньского университета Лу Биньянь не была стратегической, диктовалась прагматикой: а именно частыми набегами кочевников: в такие времена приморье использовалось при отступлении Политический центр страны должен был находиться не слишком далеко от западной и северной границы, но и не слишком близко¹. Северные кочевые народы (в XI в. при династии Сунн – кидяне, чжурчжени – с севера, тангуты – с северо-запада), стали чаще нападали на Поднебесную империю².

Культура центральной равнины с ее богатыми ресурсами и огромной территорией довлела над культурами менее развитых регионов и народностей. Тем не менее, можно утверждать, что в ходе ее распространения при взаимодействии с другими культурами преобладала не конфронтация, а мирный диалог и взаимообогащение, особенно в южном приморском регионе. Континентальная культура обогащалась и за счет влияния северных народов, которые, проникая в центральную равнину, привносили не только собственный язык (диалекты), но и новые способы жизнедеятельности. Но и завоеватели, например, маньчжуры, постепенно ассимилировались с культурой центра, хотя административная система Китая и в начале XX в. называлась «северной» («Northern System»), т.е. учитывала влияние маньчжуров

¹ Лу Биньянь. Цун да лу дао хэ яан чжон го ди юуан чжен чжи де чжан (Из континента к морям и океанам. Геополитическая стратегическая направленность Китая) // Тайпиньян сюекань. 2009. № 5. С. 63.

² История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд. М.: МГУ; Высшая школа, 2002. С. 157–160.

(Мукдена)¹.

Для континентальной культуры приморская культура выполняла и охранную функцию (некая «защитная оболочка»), и служила форпостом для продвижения вперед, взаимодействия с внешним влиянием. Когда север был захвачен кочевниками, автохтонная китайская культура смещалась в южные приморские регионы, сосуществовала с приморской. До сих пор в диалектах хакка, южнофуцзяньском, гуандунском и сянганском диалектах сохранился древний лексический пласт.

В отличие от севера и запада, островные китайцы, были отделены морем от набегов и военных смут. Они относились друг к другу более миролюбиво, дружелюбно и снисходительно, в то же время сохраняли основные цивилизационные ценности, в том числе привязанность к семье и родине. Интересен в этом отношении феномен хуацяо – зарубежных китайцев, которые добились больших успехов в коммерции и, как правило, содействуют экономическому и культурному подъему КНР, принося инвестиции, зарубежный опыт и знания.

Отличие между континентальной и приморской китайскими культурами стало усиливаться во время династий Мин и Цин. В 1446 г. Китай выслал из страны послов дальних (европейских) государств, что означало по существу закрытие страны. Даже был наложен эмбарго на мореходство, заставляющий за редкими исключениями выход в море даже маленьким суденышкам². Императорская власть предпочитала политическую стабильность выгоде от морской торговли.

Были периоды, когда центральная власть (Пекин) не принимала во внимание в должной мере развитие своих приморских окраин, и те, в свою очередь, тоже ослабляли связи с центром и хозяйствовались относительно самостоятельно. Гуанчожу долгое время оставался единственным внешнетор-

¹ Waldron A. From War to Nationalism. China Turning Point 1924-1925. Cambridge: Cambridge University, 2003. P. 12–14.

² История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд. М.: МГУ; Высшая школа, 2002. С. 322–323.

говым портом при династии Цин. Происходившие в центре события мало интересовали приморские провинции. Здесь складывалась своя региональная приморская культура.

В то же время изоляционизм не мог долгое время препятствовать внешнему (европейскому) влиянию. В Цинской династии шло противоборство направлений северно-западной внутренней обороны и морской обороны. Экспансия европейского капитала даже в Китае вели к тому, что культура европейских стран стала активно взаимодействовать с приморской китайской культурой, а через нее и с континентальной жизнью. Юго-восточный Китай при Цинской династии становится окном в другой мир, через которое в Китай проникли идеи модернизации. Многие реформы начинались на юго-востоке страны.

Великобритания, страдавшая от закрытости китайского рынка для ее товаров, стремясь устранить огромный дисбаланс в торговле с Китаем, пыталась найти сбыт своей продукции в Китае. Это привело к так называемым «опиумным войнам» (первая в 1840–1843 гг. и вторая в 1856–1860 гг.), открывшим торговую экспансию из Европы и США в Китай пошла через морские порты Гуанчжоу, Фучжоу, Сямен, Нинбо и Шанхай. Поражение в Опиумных войнах привело к превращению Китая в фактическую полуколонию европейских держав. До сих пор китайцы считают этот период позором. В то же время, приморские города стали «окнами» проникновения европейского влияния, расширения кругозора, восприятия новых веяний.

Таков исторический и геополитический контекст взаимодействия континентальной и приморской культур, влияющий на политику КНР в СУАР. Важно также рассмотреть Синьцзян в контексте отношений с Россией и ЦА. По официальной позиции Китая, Синьцзян не относится к региону ЦА. В Белой книге Синьцзяна (2003 г.) этот район включается в регион Евразии, более обширный и менее определенный географически и политически¹. Когда ООН определяла географические районы Азии, Китай причислили к

¹ История и развитие Синьцзяна: Белая книга. Пекин, 2003.

Восточной Азии. Поэтому, хотя Синьцзян находится в центре Азии, его относят к «западу» Восточной Азии. В официальной терминологии КНР отвергается применение названия «Восточный Туркестан». Такое название применяется в сепаратистски настроенных и экстремистских организациях. Китайские учёные считают, что, хотя Синьцзян географически соседствует с ЦА, в этническом и культурном плане близок к населению государств ЦА, он все же относится к китайской цивилизации и отличается от народов ЦА своими цивилизационными особенностями¹. Некоторые ученые, особенно те, кто поддерживает стремление отдельных уйгурских организаций к независимости Синьцзяна, подчеркивают, что Китай то приобретал, то терял контроль над этим западным регионом, который с 1955 г. получил статус СУАР². Однако, действительно, исторические области Уйгурии и Джургарии находились под значительным культурным влиянием китайской цивилизации, впитывали в себя административный и политический опыт китайской власти. Постепенно это влияние усиливалось. Важно отметить и то, что Синьцзян сыграл роль фронта в формировании границ Китайского государства³.

Административный и политический порядок Синьцзяна как составной части китайского государства формировался в рамках общих исторических тенденций, испытывая, в том числе, последствия сменяющих друг друга приоритетов развития, то западных (континентальных), то приморских регионов. Геополитическое значение этого западного региона каждый раз возрастало, когда центральная власть видела угрозу для своих приморских территорий либо те усиливали децентрализацию.

В современных условиях трудно проводить аналогии, но в определенной степени исторические тенденции, влияющие на политику в Синьцзяне, все же воспроизводятся. Это обуславливает значение исторического опыта.

¹ Пан Чжипин. Гуй шу чжон го вэн хуацюань де Синьцзян (Относящийся к китайской цивилизации) // // Синьцзян да суэ суэ бао. Синьцзян, 2009. № 1. С. 20, 73.

² Бугра М.И. История Восточного Туркестана. Анкара, 1998.

³ Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Отчасти это объясняется тем, ролью, которую играет США в XX и начале XXI в. и развитием отношений с США, Японией и Россией. США в последние годы концентрирует свое внимание на Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Существуют взаимосвязанные вызовы, обозначающие внешние объективные и субъективные ограничения во внешней политике Китая, вызываемые, в том числе, позицией США. Первый вызов вытекает из нестабильности отношений Китай – США; второй – непосредственно связан с проблемой Тайваня; третий – касается спорных островов и рифов (Сенкаку, Парасельские, Спратли).

В начале холодной войны США создали в АТР первую оборонительную систему, направленную на сдерживание коммунизма (Китай, Корея, Вьетнам, Лаос). Она начиналась с Японских островов, проходила через о-ва Сенкаку (кит. о-ва Дяоюйтай) и Тайвань и далее через Филиппины, Индонезию, Малайзию и Малаккский пролив. Отношения КНР – США значительно улучшились при Дэн Сяопине, но все же американцы сохраняли эту систему. Холодная война завершилась, и США на некоторое время ослабляли свое присутствие в ЮВА. Затем по мере усиления КНР и России начали снова усиливать звенья системы сдерживания, хотя и в измененном виде, в частности, путем сближения с Вьетнамом и Малайзией.

В последние годы между странами, вовлекаемыми в эту систему, с одной стороны, и Китаем, с другой, возникают двухсторонние международные споры по поводу ряда приморских территорий вопросов¹. Это спор между Китаем и Японией по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао), споры об островах и экономических зонах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях с Вьетнамом, Филиппинами, Кореей, Индонезией.

Проблема имеет историю. Существовали определенные договоренности. Так, о-ва Спратли и Парасельские о-ва (кит. архипелаг Юнлэ) были в свое время захвачены Японией. Как считают историки КНР, после поражения

¹ Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 17. С. 5-18.

во 2-й мировой войне, как, было решено еще до окончания войны на Каирской конференции, Япония теряла все свои ранее завоеванные территории, что подтвердили государства-победители. Последние активно не возражали, когда КНР обозначила «линию девяти пунктов» для фиксации своих прав на эти островные территории. Но на о-ва Спратли выразили свои территориальные притязания Филиппины, Вьетнам, Малайзия. В 1988 г. даже произошел морской бой между кораблями КНР и Вьетнама. Инциденты происходили и позже. После 1990-х гг. США, активизировавшись в этом регионе, начали последовательно придерживаться позиции, что эти острова не принадлежат, кому бы то ни было, осуждать претензии Китая на них. Проблемы этих территорий трудно разрешить в краткосрочной перспективе, но они могут использоваться США и Японией для того, чтобы обострять ситуацию в этой части Тихого океана.

Особое место занимают территориальные споры Китая и Японии, в том числе по поводу демаркации китайско-японских территориальных вод. Спорными остаются 160 тыс. квадратных км. водных территорий. Нефть и газ на континентальном шельфе Восточно-Китайского моря способствует злободневности споров. В 2011 г. была утверждена «Морская стратегия» Китая, что усилило противоречия между Китаем и Японией. Япония в силу жесткой позиции Китая в территориальном споре, продолжает опираться в этом споре на американо-японский альянс.

В последние годы обострялся спор между Китаем и Японией по поводу о-ва Дяоюйдао (Сенкаку), общей площадью в 6,3 кв. км, расположенные на север от Тайваня. 12-мильное территориальное море вокруг острова Дяоюйдао составляет морскую территорию площадью в 200 тыс. кв. км. Как Китай, так и Япония заявили о своем суверенитете над этим островом, но фактически его контролирует Япония. Время от времени проблема о. Дяоюйдао обостряется. Например, в 2012 г. сильный протест Китая (в том числе

демонстрации населения) вызвало решение Японии по острову Дяоюйдао¹.

Что касается вопроса о рифе Окинотори (Окиноторишима, Okinotorishima), Китай признает суверенитет Японии. Разногласие между Китаем и Японией заключается в том, что Китай считает его рифом, а Япония на протяжении многих лет стремится превратить риф в остров. Различия в статусе рифа и острова в том, что признание его островом предполагает право контроля Японии над специальной экономической зоной вокруг него.

Между Китаем и Южной Кореей сохраняется спор в сфере морского права о Суяне в Восточно-Китайском море, который является подводным рифом глубиной 4,6 м. Южная Корея построила на рифе 76-метровое здание в качестве «базы комплексной морской науки». Но в соответствии с положениями Конвенции ООН от 10 декабря 1982 г. по морскому праву, остров или риф, который не может выдержать человеческое жилье или собственную экономическую жизнь населения или предприятий, не предполагает возникновения статуса специальной экономической зоны или континентального шельфа. Риф в практике разграничения морских пространств предполагает обоснование права на 12-мильную зону, но не может породить возникновение права на континентальный шельф и специальную экономическую зону.

С точки зрения Китая, заявленное Южной Кореей право 200-мильной специальной экономической зоны вокруг Суяна (Suayan) является недействительным. Правда, появились ожидания на перевод международного спора по Суяну в конструктивное русло в связи с Подписанным соглашением между Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Республики Корея Пак Кын Хе в Пекине 10 ноября 2014 г. Соглашение предполагает урегулирование по основным вопросам о зоне свободной торговли².

¹ Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 17. С. 14-15.

² КНР и Корея подписали договор о свободной торговле URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/49167> (дата обращения: 2.10.2014).

Особый интерес представляет вопрос о Тайване. Проблема «два Китая» возникла в международном сообществе после создания в 1949 г. КНР и отступления войск Чай Канши (Гоминьдана) на этот остров. Попытки КНР взять Тайвань под контроль оказались неудачными. Еще более сложная ситуация в Южно-Китайском, где Китай одновременно ведет территориальные споры с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Индонезией и Брунеем. В некоторых морских районах территориальные споры ведутся сразу между тремя государствами: Китаем, Вьетнамом и Филиппинами, либо Китаем, Малайзией и Вьетнамом, либо Китаем, Филиппинами и Малайзией. Официальная позиция КНР заключается в том, что другие государства занимают принадлежащие Китаю острова: Вьетнам – 20 островов в Южно-Китайском море; Филиппины – 9, незаконно объявив о своем праве в 1978 г. на о-ва Каляан, а в 2009 г. – на о-ва Хуанъянь; Малайзия – 3, при этом рифы Наньянь и Цзэнмуаньша включены в ее административную систему¹.

В некоторых из этих территориальных споров интересы Китая сталкиваются с интересами государств-союзников США. В настоящее время многие из этих споров заморожены, однако в любое время могут обостриться. Например, в 2014 г. КНР установила нефтяную платформу «Хайян Шию-981» в спорных водах Южно-Китайского моря, это привело к обострению конфликта между с Вьетнамом, спровоцировало антикитайские беспорядки.

Усиление военного присутствия США может быть воспринято этими странами как «гиря», склоняющая «чашу весов» в их пользу. А размораживание конфликтов может послужить предлогом для вторжения в регион вооруженных сил США. Разумеется, усиление военного присутствия США также связано и с борьбой за ресурсы, прежде всего, за ресурсы океана, за контроль над морскими путями. Китай, имея обширное морское побережье, геополитически затруднен относительно выхода в мировой океан (особенно по сравнению с другими морскими державами – Индией США, Россией,

¹ Лю Цзинбо. Шицзи чу Чжунго гоцзя аньцюань чжаньлюэ (Стратегия национальной безопасности Китая в начале 21 века). Пекин, 2002. С. 73.

Британией, Францией). Для этого необходимо пройти через многочисленные проливы, обогнуть территории, принадлежащими другим странам. Осложняет положение и проблема Тайваня, который, не будучи официально признанным государством; сам претендует на некоторые острова, находит поддержку у США. Множество военных баз США в АТР (Японии, Южная Корея и др.) представляет собой комплексную систему контроля Китая со стороны моря. Это препятствует решению проблем безопасности КНР, затрудняет перевозку стратегических ресурсов, прежде всего, энергоресурсов. Господство США в Тихом океане с их возрастающим военным присутствием воспринимается в КНР как внешний контроль над «артериями» китайской экономики.

В настоящее время Китай впервые за свою историю пребывает в состоянии последовательного и динамичного перехода от самодостаточной, относительно закрытой экономической модели и внешней политики «выживания» (по заветам Дэн Сяопина) к открытой экономической модели и формированию региональной, а по ряду показателей и мировой державы, оптимально использующей свои континентальные и морские пути. Накоплены достаточные силы для отстаивания национальных интересов в ЦА и АТР¹. Океан – артерия для экономического развития, важный транспортный канал для импорта нефти КНР (второе место по ее потреблению в мире). Экономический спад 2015 г. уменьшил это потребление, но не снимает с повестки дня его будущее расширение, обеспечиваемое в значительной мере континентальным путем из России и ЦА.

С учетом географического положения ЦА является для КНР «окном» в регионы, имеющие стратегическое значение, как и для России, США, Ирана, Афганистана, Пакистана, Турции. Контроль над ЦА в геополитике США означает возможность сдерживания, не только возрождения России,

¹ См.: Ван Яо. В поиске точки равновесия между континентом и океаном: анализ стратегического положения Китая // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 4. С. 743-746. URL: http://www.rae.ru/fs/?article_id=10000480&lng=en&op=show_article§ion=content (дата обращения: 14.02.2015).

но и дальнейшего экономического подъема Китая. Распад СССР (1991 г.) был неожиданным для исследователей и политиков. США не сразу разработали чёткую и долгосрочную программу своей политики в ЦА; больше внимания уделяли Восточной Европе и трансформации России. Но уже в сентябре 1997 года США провели военные учения в рамках «мирных отношений партнёрства» на территории Центральной Азии. Вес ЦА стал возрастать особенно с обострением проблем терроризма и контрабанды наркотиков.

События 11 сентября 2001 г. повлияли на обстановку в ЦА. С 8 октября 2001 г. американские войска оборудовали территорию военных баз Узбекистана и Киргизстана. Россия сотрудничала с США, разрешая пролет самолетов и провоз сухопутным путем грузов в Афганистан. Для создания системы контроля США в Евразии в январе 2006 г. Госдепартамент США объединил органы, регулирующие деятельность в пяти странах ЦА, в управление по делам Центральной и Южной Азии в составе своего Госдепартамента, отделив в своём стратегическом плане управление по странам ЦА от России.

США не скрывают своих геополитических интересов в ЦА. Это признают, в том числе и американские ученые¹. По учению Син Гуанчэна, для устранения угрозы, исходящей от США в новой ситуации геополитического пространства, китайскому правительству необходимо идти на соглашение с Россией и другими заинтересованными странами, призывая государства ЦА учитывать интересы КНР и отказаться от поддержки сепаратистских движений народов западного Китая².

Но политика США, стимулирующая искусственную демократизацию постсоветских стран, столкнулась с растущим противостоянием самих стран ЦА, а также России и Китая. В некоторых странах СНГ с помощью фондов финансировались НКО, участвующие в подготовке «цветных» революций.

¹ Энтони Х. Кордесмен. Китайско-американское сотрудничество по борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке и в Центральной Азии движется вперед // Исследование международной политики (ежеквартальный журнал). 2012. № 1. С. 138.

² Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дули дэ Чжунья гоцзя гуаньси (Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии). Харбин, 1996. С. 98.

Андижанские события в мае 2005 г. привели к прекращению сотрудничества США и Узбекистана в области военной безопасности. Руководство Узбекистана потребовало прекращения работы американской военной базы. Уход президента Киргизии в 2010 г. считается результатом долгой борьбы России и США в этом регионе. В 2015 г. американская база США в Киргизии прекратила существование.

Синьцзян имеет важное стратегическое положение, играет большую роль в сохранении определенного равновесия между континентальным и приморским векторами развития государства. Он также является территорией соперничества между мировыми державами, занимает ключевые позиции для противодействия новым вызовам и угрозам. Об отдельных из них более подробно будет сказано ниже, при рассмотрении конкретных направлений обеспечения региональной и международной безопасности, но два наиболее важных момента, связанных с содержанием данного параграфа, следует назвать.

Первое. Синьцзян в силу своего геополитического положения может сыграть важную роль в борьбе с международным терроризмом, который в современных условиях значительный свой потенциал черпает в исламском радикализме.

Второе. Среди глобальных проблем современности все большее звучание приобретают энергетические ресурсы. Например, обеспечение стабильных нефтяных поставок оказывает влияние на международную обстановку. Контроль над энергетическим производством и транспортировкой ресурсов представляет собой важную часть энергетической стратегии США. Это соответствует не только крупным экономическим интересам, но и позволяет оказывать американское влияние на такие крупные государства или центры силы, как Китай, Россия, Европа и др. К настоящему времени большинство теоретиков и практиков считают, что Синьцзян будет играть важную геополитическую роль не только как регион с богатыми ресурсами, но и как транзитная территория для перемещения как ресурсов, так и го-

товой продукции.

Третье. Однако, только защита государств ЦА от притязаний наиболее крупных государств с одновременным продолжением экономических реформ может укрепить позиции Китая в ЦА, одновременно с этим обеспечив ее безопасность, позиции в международном сообществе. В то же время, с учетом того, что регион стал стратегически важной территорией, чрезвычайное усиление Китая может насторожить супердержавы, в том числе создав препятствие для развития сотрудничества в этом регионе. «Независимость и развитие региона часто зависели от могущества окружающих его крупнейших государств и их отношения к республикам Центральной Азии. Появление в регионе абсолютного преимущества у какого-либо большого государства может привести к ослаблению самостоятельности стран региона»¹.

Четвертое. Исходя из принятого подхода к пониманию безопасности государства, представляется обоснованным вывод о геополитическом значении Синьцзяна как региона КНР для обеспечения региональной и национальной безопасности. Данный вывод усиливается также состоянием экономического, демографического и социокультурного, а также гуманитарного развития СУАР, рассмотрение которого будет продолжено в следующих параграфах.

1.3. Дискуссии о правах человека и демократии и их влияние на ситуацию в Синьцзяне

Проблема демократии, прав человека и прав национальных меньшинств долгое время была довольно серьезным внешним и внутренним вызовом для интеграции общества Синьцзяна в социетальные структуры КНР. Особое значение эта проблема приобретает в связи с формированием концепции КНР как «ответственной державы», в которой ответственность го-

¹ Там же. С. 39.

сударства предполагает учет воли народа, соблюдение прав человека, взвешенную национальную политику. Эти вопросы – основные элементы в понимании политических и гуманитарных аспектов «мягкой силы» США, ее воздействия на общественное сознание в мире и в разных странах относительно политики Китая, России, Индии, государств ЦА, Ирана.

Дискуссии о правах человека и демократии в КНР включена в общий контекст защиты прав и свобод человека в мире, но, в то же время, такие дискуссии выделяются из общего ряда. После стратегического сближения США и КНР в 1970-1980-е гг. акценты в данной полемике были смягчены, и упор делался на критике политики СССР. Но, начиная с событий на площади Тяньаньмэнь 1991 г., ряд стран, прежде всего США и некоторые страны НАТО, значительно усилили и ужесточили критику. Проблема прав человека и демократии включается как ключевой момент в стратегию, используемую для поддержания этнического сепаратизма в Синьцзяне. Так или иначе, такая стратегия играет на руку и религиозному экстремизму, ослабляя национальную безопасность КНР, а по существу и систему международной безопасности.

Политика прав человека длительное время остается предметом особой критики позиций руководства КНР, противодействуя растущему авторитету государства на международной арене. Эта проблема, как показывают «цветные» революции в самых разных регионах мира, а также волнения в Гонконге в 2014 г., названные «революцией зонтиков», может использоваться для организации аналогичных действий в Синьцзяне.

Вопрос о правах человека тесно связан со сферой идеологии. В этой сфере КНР последовательно и настойчиво отстаивает собственные позиции, проводя идеологию построения социализма с национальной спецификой, сохраняя как приоритет свои национальные ценности. Но это рассматривается отдельными странами как своеобразный националистический вызов силам, исходящим из приоритета прав человека и прав народов как универ-

сальной ценности¹.

Как уже отмечалось, Китай исходит из того, что вопросы внутренней политики связаны исключительно в ведении суверенного государства, что остается для руководства КПК непререкаемой ценностью. Китай всегда придавал большое значение воспитанию патриотизма. Защита территориальной целостности и суверенитета является важной частью патриотического воспитания. Общеизвестно, что, если правительство Китая будет уступать в этой сфере, оно может потерять поддержку народа.

Вместе с тем, важно учитывать ту ситуацию, с которой в стране начались реформы и тот путь, который приходится преодолевать, решая сложные задачи во всех сферах жизни общества и государства. До образования КНР представители некоторых национальностей общей численностью около 1 млн. человек жили в условиях рабовладельческого порядка, а для 4 млн. человек сохранялись феодальные порядки, в районе Синьцзяна много людей вело кочевой образ жизни. Часть представителей национальностей находилась в собственности феодалов, аристократии, храмов и монастырей или рабовладельцев. Их могли купить, продать, подарить кому-то. Например, в Тибете с XVII в. сохранялось по существу почти кастовое разделение на сословия, с вопиющими различиями в социальном статусе. Для многих из этих людей права и свободы человека, демократия фактически не существовали².

КНР подошла решению задач, связанных с решением прав человека довольно поздно. В 1971 г. в КНР была принята в ООН, а с 1981 г. стала членом Комитета ООН по правам человека. Китай подписал ряд документов ООН, осуждавших дискриминацию женщин, расовую дискриминацию, апартеид, использование пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство человека видов обращения и наказания.

¹ См.: Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов: монография / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. М., 2015.

² Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей: «Белая книга». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата обращения: 6.02.2015).

В конце 1970-х гг. КНР начала проводить политику реформ и открытости. Довольно поздно КНР начала вести информационную борьбу в освещении своей политики в отношении охраны и защиты прав человека. В ноябре 1991 г. китайским правительством была опубликована книга «Права человека в Китае», благодаря которой международное сообщество ознакомилось с основной позицией и практикой Китая в этой области. В одном из последующих изданий, было отмечено, что хотя за последние годы Китай добился заметных успехов в области прав человека, тем не менее, положение с правами человека в Китае по-прежнему оставляет желать лучшего в силу ограничений и уровня развития¹. Тем не менее, за годы реформ удалось решить многие из них.

Пресс-канцелярия Госсовета КНР теперь ежегодно публикует такие доклады. 26 сентября 2010 г. была опубликована Белая книга «Прогресс Китая в области защиты прав человека в 2009 г.». В ней проведена дифференциация политики охраны и защиты прав человека. Направления политики классифицированы по 7 основным сферам:

- права населения на существование и развитие;
- гражданские и политические права;
- юридическое обеспечение прав человека;
- социально-экономические и культурные права;
- равные права представителей нацменьшинств и их защита;
- права и интересы лиц с ограниченными умственными и физическими возможностями;
- внешние связи и сотрудничество в области прав человека².

В КНР в ответ на ежегодные доклады США о правах человека, где много места уделяется критике политики КПК и Правительства КНР, нача-

¹ Прогресс Китая в защите прав человека: «Белая книга», 2002. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2002-06/10/content_2032917.htm (дата обращения: 15.01.2015).

² В КНР опубликована Белая книга «Прогресс Китая в области защиты прав человека в 2009 г.» // Russian.people.com.cn: он-лайн-газета «Жэнь минь жи бао». URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7150847.html> (дата обращения: 13.08.2011).

ли печатать (как и МИД России), ежегодный доклад о правах человека в США. В июне 2015 г. был опубликован очередной доклад.

Один из наиболее объективных показателей решения проблем прав человека и прав народов – неуклонный рост численности национальных меньшинств в КНР, их удельный вес в национальном составе населения всей страны. СУАР отличается от других районов более многонациональным составом населения. Из 47 национальностей СУАР наиболее многочисленными являются уйгуры, затем следуют: ханьцы, казахи, хуэйцы, монголы, киргизы, сиботяне, таджики, узбеки, маньчжуры, дауры, русские, татары. По статистическим данным, численность постоянного населения в Синьцзяне постоянно увеличивалась: в 2000 г. в Синьцзяне жило 19,25 млн.; в 2003 г. – 19,33 млн., 2010 г. – 21,813 млн. человек. В составе постоянного населения Синьцзяна уйгуры составляют около 46%, титульная нация КНР (хань) около 39% от общей численности. В соответствии с пятью проведенными в КНР всеобщими переписями населения, в 1953 г. численность представителей нацменьшинств в стране составляла 35,32 млн. человек (6,06% от общей численности населения КНР), в 1964 г. – 40,02 млн. (5,76%), в 1982 году – 67,3 млн. (6,68%), в 1990 г. – 91,2 млн. (8,04%), в 2000 г. – 106,43 млн. (8,41%). В 2005 г. численность представителей нацменьшинств составляла 123,3 млн. человек, которые живут на обширной площади расселения 64,3% территории КНР.

Вопрос о национальном составе населения выводит политику на одну из наиболее горячих тем – тему политических прав в КНР (Синьцзяне, в частности). В соответствии с Конституцией КНР, «все национальности Китайской Народной Республики полностью равноправны». Равноправие наций включает в себя трехуровневый смысл: во-первых, независимо от численности населения, продолжительности истории, величины ареала проживания и степени экономического развития, а также различий в языке, письменности, вероисповеданиях, нравах и обычаях, политический статус всех национальностей полностью равноправен; во-вторых, все национальности полностью

равноправны не только политически и юридически, но также и во всех сферах экономической, культурной и социальной жизни; в-третьих, граждане всех национальностей полностью равны перед законом, обладают равными правами и обязанностями.

С учетом требований Конституции КНР регулируется политическая жизнь общества, в области политического представительства интересов разных народов. Так, если общая численность населения в местах компактного проживания одного национального меньшинства составляет менее 15% общего числа населения региона, то численность населения, представляемого одним депутатом, может, соответственно, быть меньше числа населения, представляемого каждым депутатом в собрании народных представителей данной местности, особо малочисленные национальности должен представлять, по меньшей мере, один депутат. Представительство от разных нацменьшинств во Всекитайском Собрании Народных представителей (ВСНП) составляло 178 депутатов в 1954 г., достигло до 554 в 1993 г., затем снизилось до 411 в 2008 г. (соответственно в процентном отношении от общего числа депутатов ВСНП 14,5%, 18,6%, 13,78%)¹.

Наблюдается поступательное развитие в политике охраны и защиты культурных прав. С учетом многоконфессионального состава населения и в целях претворения в жизнь принципов, закрепленных в 36-й статье Конституции КНР, Госсовет КНР принял «Декрет о делах религии». Отправление религиозной деятельности верующими представителями нацменьшинств находится под защитой законодательства, если она не нарушает законы и права человека. Число мест, определенных для отправления религиозной деятельности, в основном удовлетворяет нужды верующих. Так, в Синьцзяне число мечетей превышает 24,3 тыс.; число исламских служителей культа составляет более 28 тыс. человек.

Каждая национальность имеет право свободного применения и разви-

¹ Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей: «Белая книга». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата обращения: 6.02.2015).

тия своего языка и письменности, в том числе, в сфере управления. На сессиях Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП), заседаниях Национального Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК) и других важных форумах обеспечивается перевод письменных документов и выступлений на языки: монгольский, тибетский, уйгурский, казахский, корейский, языки национальностей и, чжуан. На банкнотах юаня (национальной валютной единицы КНР) помимо китайских иероглифов приведены также надписи на монгольском, тибетском, уйгурском языках и на языке национальности чжуан. Органы самоуправления в автономных районах и уездах при исполнении своих служебных обязанностей используют общеприменимую в данном районе одну или несколько письменностей.

В Конституции КНР установлено также, что «каждая национальность обладает свободой сохранять или изменять свои нравы и обычаи». Государство уважает и предоставляет полные гарантии нравам и обычаям нацменьшинств, их выражению в одежде, украшениях, питании, напитках, жилище, свадебных обрядах, празднествах, церемониях, похоронах и т.п. Так, для того, чтобы гарантировать пищевые привычки нацменьшинств, исповедующих ислам, в 16-ти провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, в том числе в Синьцзяне, законодательно обеспечены поставки и управление вопросами продуктов питания, принятых исламской конфессией. Чтобы гарантировать право нацменьшинств на проведение своих национальных праздников, в государственном законодательстве определено, что местные правительства автономных районов могут в соответствии с обычаями соответствующей национальности (конфессии) устанавливать выходные дни и формы празднования.

В уголовном праве КНР определен состав такого преступления как «противоправное вмешательство в нравы и обычаи национальных меньшинств». Противоправное нарушение нравов и обычаев нацменьшинств преследуется по закону. КНР присоединилась к «Международной конвен-

ции о ликвидации всех форм расовой дискриминации» и выполняет все обязательства Конвенции¹.

Серьезные сдвиги произошли и в социальной политике и охране и защите социальных прав человека. Правительство на основе принципа «человек – превыше всего» приступило к проведению курса «Уважение труда, знаний, талантов и творчества», разработало политику и меры, направленные на разрешение проблем трудоустройства, развитие образования, науки и техники, культуры, здравоохранения и социального обеспечения, старательно прилагая при этом усилия для создания обстановки и условий, благоприятных всестороннему развитию человека².

Тем не менее, остается немало проблем с правами человека и демократии. В Синьцзяне они отягощаются определенными упущениями в национальной политике. Так, например, наблюдается проявления пространственной сегрегации в Урумчи и других городах СУАР, выражающейся в обособленном расселении ханьцев и уйгуров, при определении учреждений образования, общественного питания. Недостаточно распространяется уйгурский язык. Этнонациональная напряженность проявляется негативно в сфере трудоустройства граждан КНР разных национальностей в городах СУАР, в частности ханьцев и уйгуров. Эти трудности и недостатки умело обыгрываются в негативном свете в информационных материалах, на конференциях, дискуссиях ученых и политиков в США и Европе, используются для усиления антикитайских, в том числе националистических и антикоммунистических настроений, неконструктивной критики властей КНР всех уровней. Для Китая данная ситуация осложняется тем, что этом регион наряду уже с названными экономическими ресурсами, прежде всего предполагаемыми гигантскими запасами нефти – стратегическим энергетическим резер-

¹ Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей: «Белая книга». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата обращения: 19.09.2014).

² Ситуация в области человеческих ресурсов в Китае: «Белая книга». Пекин, 2010, сентябрь. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857456.htm (дата обращения: 10.12.2014).

вом для будущего прорыва на ведущие роли в мировой экономике и политике, имеет важное значение также в силу расположенного в СУАР атомного полигона Лобноро и космодрома.

Инициатором таких дискуссий последовательно выступает Госдепартамент США, международные правозащитные фонды и другие правительственные и неправительственные организации и учреждения. Вопрос прав человека в таких дискуссиях связывается и с правами народа на самоопределение, с демократией в государственном управлении и местном самоуправлении. В США находится и финансируется так называемое «правительство Восточного Туркестана в изгнании», созданное 14 сентября 2004 г., представляющее себя как единственный представитель народов Синьцзяна. Оно имеет свой сайт, даже приняло свою конституцию Восточно-Туркестанской республики, где есть раздел X «Гражданские права и парламентские права»¹.

В такие дискуссии нередко включаются выступления сепаратистов и экстремистов, от действий которых, действительно, гибнут люди. Такие жертвы, нередко используются для того, чтобы обвинить КНР в нарушениях прав человека. Публично делаются заявления, использующие трагические события, намеренно увеличивающие многократно число жертв. Например, в результате этнических столкновений между уйгурами и ханьцами, начавшимися в июле 2009 г. в провинции Гуаньдун на фабрике игрушек в г. Шаогуань, а затем охвативших и столицу Синьцзяна, по официальным данным, погибли 156 человек и более 1 тыс. получили ранения. Но правозащитники из НКО в Синьцзяне широко распространили информацию о восьми сотнях погибших и нескольких тысячах арестованных. Кроме того, по их словам, десятки тысяч уйгуров покинули Урумчи, опасаясь дальнейших репрессий².

Лозунги прав человека как составная часть политики демократии ак-

¹ The Constitution of Eastern Turkistan Government-in-Exile of Eastern Turkistan Republic URL: <http://en.eastturkistan-gov.org/constitution/> (дата обращения. 18.05.2013).

² См.: Соллогуб А. Уйгурская угроза. Цветная революция? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1257715260> (дата обращения: 20.03.2015).

тивно используются США во внешней политике. Среди основных направлений американской внешней политики значится распространение и расширение во всём мире демократии и защита универсальных прав человека. В политической сфере содействие демократии и правам человека проявилось, в частности, в государствах ЦА, на примере Киргизии 2005 г. Такая политика представляет собой важный инструмент для укрепления результатов распада СССР, разобщения живших ранее вместе народов и включает направления: развитие независимых СМИ, политический плюрализм, создание гражданского общества, поддержка его активистов, активизация НПО и т.д.

США пытаются укреплять в этих странах сил, одобряющих идеологию США и других западных стран, внедрение их демократических порядков в своих государствах. Глава МИД России С. Лавров отметил, что ныне сфера внешнеполитических интересов является ареной борьбы идей, с помощью которых делается самостоятельный или навязываемый выбор ценностей, положенных в основание модели развития¹. В процессе демократии такие политические силы требуют поддержку от США, которые, в свою очередь, хотят, чтобы эти силы проводили деятельность по расшатыванию неудобных США политических режимов. Политика и тактика информационных войн и «цветных революций», в том числе с этнизацией внутренних и внешних конфликтов, была апробирована в странах Восточной Европы², особенно в Югославии, затем после ее развала и в Сербии. Отрабатывались эти тактики и в странах, входящих в СНГ (Молдавия, Украина, в Закавказье – Грузия, Азербайджан). Были попытки переноса (удачные и неудачные) соответствующих технологий на страны Азии и Африки (Египет, Ливию, Сирию), в том числе, в ЦА (Киргизию, Узбекистан).

По мнению американского Ф.У. Энгдаля, целесообразно трагические события в СУАР (2009 г.) рассмотреть более тщательно в плане политиза-

¹ Лавров: эпоха доминирования Запада в экономике и политике завершается // РИА Новости. 24.08.2015. URL: ria.ru/world/2015.08.24/1203949147 (дата обращения 24.08.2015).

² Хофбауер Х. «Этнизация» социальных конфликтов в Европе: как Запад использует концепт свмоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Россия и мир. Вестник Дипломатической академии МИД России. 2014. № 2.

ции деятельности НПО. В том числе, такого якобы «независимого» НПО, тесно связанного с правительством США, как Национальный фонд в поддержку демократии (NED). Есть веские основания полагать, что правительство США, действуя через NED, проводило опасное вмешательство во внутренние дела КНР. Причины для такого вмешательства в дела Синьцзяна имеют мало общего с озабоченностью по поводу предполагаемых нарушений прав человека со стороны пекинских властей относительно уйгуров. Причины эти больше связаны с тем, что СУАР занимает стратегическое геополитическое положение в Евразии. Возрастает его стратегическое значение для экономического и энергетического сотрудничества КНР с Россией, Казахстаном, другими странами ЦА, а также деятельностью ШОС и ЕАЭС. Такая НПО как Всемирный уйгурский конгресс финансирует сотрудников, поддерживает очень стильный веб-сайт на английском языке, благодаря поддержке тесных связей с NED, финансируемым Конгрессом США. Согласно опубликованным докладам NED, Всемирный уйгурский конгресс ежегодно получает от NED 215 тыс. долл. на исследования в области «прав человека и информационно-пропагандистские проекты».

Ф.У. Энгдаль формулирует также проблему: «Является ли простым совпадением, что беспорядки в Синьцзяне произошли всего через несколько дней после встречи в Екатеринбурге стран-членов ШОС, а также страны-наблюдателя Ирана?». Тем более еще ряд знаменательных событий предшествовал трагедии в Урумчи: государственный визит в апреле 2009 г. Н. Назарбаева в КНР и подписание ряда соглашений КНР – Казахстан, имеющих стратегическое значение для энергетической политики в ЦА. А ранее были подписаны энергетические соглашения с Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном о 1100-мильном трубопроводе в Хоргос (Синьцзян), который будет включен в систему трубопроводов ЦА и России.

Ученый приходит к выводу, что ШОС как евразийское объединение России, Китая, Индии, стран ЦА является геополитическим образованием, серьезно беспокоящим Вашингтон, которое последний считает угрожаю-

щим его позициям в мире. Растущая нестабильность в Синьцзяне стала бы для Вашингтона идеальным способом ослабить Китай, а с ним и это растущее единство членов ШОС¹.

США наряду с военным присутствием и экономическим давлением, ослабляющим экономический подъем Китая, используется такой инструмент как «права человека». В соответствии с официальным докладом Конгресса, США только в 1999–2006 гг. предоставляло ежегодно около 110 млн. долл. на программы, связанные с развитием демократии в КНР. В 2004 г. в рамках Государственного департамента США «Бюро по демократии, правам человека и труду» стало основным администратором в продвижении программ внедрения демократии в Китае. Основными мишенями США в информационной войне против КНР стало сознание людей, но его изменение может дестабилизировать жизненно важные пути доставки сырья и помешать экономической интеграции Китая, России и ЦА. Для достижения такой цели спецслужбы США использовали в основном НПО. Такой подход является частью эффективного метода «мягкой войны», разработанного после 1980-х гг. американскими спецслужбами, чтобы разоружать и дестабилизировать режимы, уклоняющиеся, по их мнению, от «сотрудничества»².

По своему теоретическому обоснованию и политическому воздействию использование темы прав человека и демократии для позиционирования «мягкой силы» напоминает теорию модернизации конца 1950–начала 1960-х гг. По тактике и технологиям подобная защита демократии и прав человека (преимущественно политических) настроена не методы, которые предлагал и апробировал в конце 1980–1990-х гг., в том числе в СССР, американский политтехнолог Дж. Шарп³.

¹ См.: Энгдаль У. Вашингтон играет с Китаем в серьезные игры (Оригинал статьи: Washington is Playing a Deeper Game with China). URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/37558/> (дата обращения: 18.11.2014).

² См.: «Права человека» как оружие войны. URL: <http://ss69100.livejournal.com/2112619.html> (дата обращения: 19.12.2014).

³ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения /Институт им. Альберта Эйнштейна. URL: www.aeinstein.org (дата обращения: 12.06.2015).

Что касается свобод и прав человека, то даже критики КНР вынуждены признать, что страна продвинулась в том же направлении, что и западные демократии¹. По признанию корреспондента «The Financial Times», побывавшего в Пекине, в столице Китая можно найти любой западный бренд – от Lamborghini до Hooters (торговая марка двух американских частных ресторанных сетей: Hooters of America, Incorporated и Hooters, Incorporated). В многочисленных кафе, расположенных около университетов, студенты сплетничают и сидят в интернете, как и их западные товарищи. Одновременно с этим, здесь же звучит симптоматическое признание, что волна революций в арабском мире заставила КПК глубоко задуматься о череде восстаний против недемократических режимов и хаосе, который они могут повлечь за собой. И роль, которую западные институты и технологии сыграли в подобных протестах, не прошла незамеченной².

Постоянная апелляция США к проблеме демократии, прав человека, прав национальных меньшинств в КНР ведет к постоянной напряженности. Столкновение официальной позиции Китая, отрицающей правомерность вмешательства в сферу внутренней политики, с позицией западных стран, считающих демократию и права человека выше суверенитета, не находит в настоящее время компромиссного решения³. Риторика общечеловеческих ценностей и прав человека выступает как инструмент «мягкой силы» США против КНР. Такая риторика подкрепляется наращиванием военной силы США, которая и характеризует стратегические намерения в этом регионе. Использование прав человека и национальных меньшинств находит применение, в первую очередь, относительно Синьцзяна, что искажает образ Китая на международной арене и негативно влияет на его национальную безо-

¹ Чжунго жэньцюань цзиньбу ши со гун жэнь (Мировое сообщество признало, что Китай добился успехов в области прав человека) // Жэньминь жибао. 2012. 29 января.

² Рахман Г. Китайская боязнь «цветных революций» (Оригинал публикации: China's strange fear of a colour revolution // The Financial Times. 2015. 9 февраля). URL: <http://inosmi.ru/foreast/20150211/226211997.html> (дата обращения: 17.03.2015).

³ Tier D. The Waning Grand Strategy of Democratization: Why a Pivot Asia-Pacific Places the United States at Greatest Risk of Terrorist Attack // Connection. Spring. 2014. P. 53–54.

пасность.

Китай добивается определенных успехов в представлении своей «мягкой силы» в культурном и политическом аспектах. Результатом усилий в культурной дипломатии стало мировое признание эффективности его «мягкой силы». Чикагский совет по глобальным вопросам опубликовал результаты исследований «мягкой силы» США, Японии, Китая, Южной Кореи, Индонезии и Вьетнама. «Мягкая сила» шести стран оценивалась по пяти показателям: экономика, культура, людские ресурсы, политика и дипломатия. Согласно результатам такой оценки КНР заняла третье место, уступив США и Японии. При этом респонденты Индонезии и Вьетнама дают более высокую оценку «мягкой силе» Китая. По их мнению, КНР занимает первое место по «мягкой силе» в культурной сфере. В сферах экономики, людских ресурсов, дипломатии и политики респонденты всех стран дали Китаю оценки, уступающие США и Японии¹

На Западе выработан и соответствующий «политический язык прав человека», отличающийся более сильной экспрессивностью, неформальностью и акцентом на личностном (персонифицированном) восприятии событий с переводом этого восприятия в оценки по упрощенной («черно-белой») этической шкале «хороший – плохой», «честный – нечестный», «правильный – неправильный»². Но это снижает комплементарность стратегии в условиях, как Китая, так и Синьцзяна. Дихотомичность (бинарность) и альтернативность с трудом воспринимаются логикой конфуцианского, даосского, а в определенной степени и центральноазиатского мышления. Го Саоли отмечает, что в азиатском, особенно китайском мышлении есть преимущества для понимания мировой политики, прав человека, международной интеграции. Китайцы оценивают отношения между двумя странами, исходя не только из учета интересов двух сторон, но и с учетом интересов

¹ Russian.China.org.cn: Китайский информационный Интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2009-08/18/content_18357160.htm (дата обращения: 13.08.2011).

² Захарова О.В. Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // ПОЛИС. 2013. № 4. С. 100–110.

третьих государств¹. Иначе противоречие официальной позиции Китая, отрицающей вмешательство в сферу внутренней политики, и позиции западных стран, исходящих из того, что права человека превыше суверенитета, не найдет в настоящее время компромиссного решения.

Нельзя не отметить, что в продолжающихся дискуссиях о правах человека в Китае даже критически настроенные исследователи, стремящиеся к большей объективности в анализе материала, пишут, что Пекин, наряду с традиционным желанием «дать отпор», проявляют реальное желание улучшить правовое положение своих граждан.

Но, политика прав человека в КНР должна осуществляться с учетом истории развития государства и общества, с установкой, что реализация развитие демократии в целом не должно осуществляться исключительно по западным шаблонам². Проблема не столько в том, что часть обществ и государств ментально и институционально хуже приспособлена к решению проблем демократии, прав человека, национальной политики. И не только в различии политических культур. Для западного мышления трудно признать, два тезиса: что институты США и Европы очень трудно перенести в Азию, не изменив их существенно, и что мировой опыт показывает, что с учетом последствий глобализации, массовой миграции, частых экономических кризисов, даже в самых передовых странах эти институты работают все хуже и их уже не удастся совершенствовать. А отсюда вывод о необходимости более осторожной политики (не навредить!) в вопросах безопасности, которая становится все более комплексной. И она все чаще становится ведущей составляющей по отношению к правам человека и демократии, а отнюдь не наоборот.

¹ Го Саоли. Бинарность и тернарность: сравнительный анализ принципов мышления двух культур через призму произведений Достоевского, Конфуция, Лао Цзы // Философский журнал. 2012. № 1(8). С. 86–97.

² Капицын В.М. Цюань цю гуань ли чжун де Пу ши Чжу Йи юй жуань ши ли (Глобальное управление: универсализм и мягкая сила) // Хуан цю Цай цзин / Центр исследования развития при Государственном совете КНР. Международный институт технологий и экономики. 2014. № 6. С. 52–56.

Мировые экономические кризисы 2009 и 2015 гг., инициация революций 2011 г. в арабских странах, украинские кризисы 2004 и 2014 гг. подтверждают выводы многих исследователей. В частности, Л. Делюсин (Россия) справедливо писал в 2006 г., что вопрос о правах человека нельзя рассматривать в отрыве от национальных традиций каждого государства; решение этой проблемы не может быть универсальным. Кроме того, надо исходить из реально существующей действительности, сложившейся практики. В Китае традиционно сильна была идея обеспечения интересов государства в целом, приоритетное удовлетворение интересов не отдельного человека, а коллектива. Это характерно и для сегодняшнего дня, и для монархического Китая, и взглядов революционера-демократа Сунь Ятсена.

В Китае особое внимание уделялось национальным меньшинствам с учетом приоритета целого, единого, хотя и разнообразного. В демографической политике (ограничение рождаемости) им предоставлялось больше привилегий, по сравнению с ханьцам. Если для оппозиции вопрос о правах человека является чуть ли не главным, то для руководства КНР такими основными задачами являются устойчивое развитие экономики, поддержание стабильности, преодоление социальных противоречий, проведение политики мира и развития на международной арене¹.

Решение таких проблем будет, прежде всего, содействовать улучшению жизни народа в целом, а, значит, появляются условия для решения проблем большего числа отдельных граждан. И такая политика пока входит в конфликт с пониманием прав человека на Западе и у представителей оппозиции в КНР. Как заявил один из лидеров движения «Оккупай Централ»² преподаватель права Гонконгского университета Бенни Тая, гражданские

¹ Делюсин Л. Вопрос о правах человека в Китае // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2006. Июнь. Вып. 6(18). С. 5, 8, 28.

² По названию центральной площади Гонконга, где в 2014 г. была сделана попытка начать очередную «цветную» революцию.

свободы имеют примат над целостностью страны¹.

Как и положено ответственной державе, КНР активно поддерживает обучение правам человека, теоретические дискуссии, возникающие в этой сфере, международное сотрудничество по правам человека. Среди китайских ученых наблюдается оживленный интерес к теоретическим исследованиям в области прав человека и демократии; сформировался крупный отряд профессиональных исследователей, костяком которого стали ученые и специалисты разных профилей из университетов и НИИ. Созданы Всекитайское общество по изучению прав человека и другие научные организации общенационального уровня, центры, кафедры и научно-исследовательские кабинеты по правам человека. В то же время появилось большое количество специализированных организаций, занятых изучением прав человека применительно к определенным общественным группам (права женщин, детей, инвалидов, студентов, пожилых и т.п.). Проводятся симпозиумы общегосударственного значения, посвященные исследованиям демократии и прав человека, семинары и дискуссии.

Правительство КНР оказывает активную моральную и материальную поддержку в этой области социальных и гуманитарных наук. Каждый год Государственный комитет по делам образования и Академия общественных наук Китая, а также местные правительства выделяют средства для поддержки исследований. Также различные слои общественности учредили Китайский фонд изучения демократии и прав человека, разворачивается работа по изысканию средств для содействия таких исследований.

За последние годы в КНР было издано более ста книг по этой тематике; несколько тысяч научных статей опубликовано на страницах газет и журналов. Результаты научных исследований имеют позитивное значение для разработки государством политических директив в области прав человека, оказывают положительное влияние на расширение в народной среде

¹ Цветная революция или черно-белый конфликт. URL: <http://el-murid.livejournal.com/2020115.html> (дата обращения: 23.11.2014).

представлений об этой ценности, содействует общественному прогрессу. Переведено и издано на китайском языке большое количество произведений зарубежных авторов о правах человека, собраны и систематизированы материалы и данные для проведения исследований по этой проблеме.

Придается большое значение распространению знаний о правах человека и просветительной работе в этой области. Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала ряд документов, в частности «Права человека в Китае», «Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека», «Как перевоспитываются преступники в Китае» и т.д. В программах радио и телевидения, на страницах газет и журналов развернуты специальные рубрики для массовой пропаганды и горячего обсуждения вопросов прав человека. Во всех вузах введены курсы лекций о правах человека, в некоторых вузах открыты научные направления, с тем, чтобы систематизировать преподавание теоретических основ прав человека.

В соответствии с целями и принципами Устава ООН Китай налаживает широкое международное сотрудничество и обмен в области прав человека. Правительство КНР активно сотрудничает с учреждениями ООН, ответственно подходит к изучению тем, предлагаемых Советом ООН по правам человека и его специальными докладчиками, своевременно отвечает на их запросы, излагает факты, свои взгляды и мнения.

Как считает руководство КНР, в силу разнообразия исторических, социальных, культурных и других условий различных обществ расхождение между ними в понимании прав человека представляется нормальным явлением. В целях углубления взаимопонимания и усиления сотрудничества между всеми странами в области прав человека Китай выступает за двусторонний диалог и обмен мнениями по всем вопросам, активно расширяет свою деятельность в этой сфере. В то же время, содействуя защите прав человека, КНР вместе с многими развивающимися странами отстаивает принципы равноправия государств, невмешательства во внутренние дела, прилагает неустанные усилия в интересах защиты суверенитета и борьбы против

гегемонизма.

Китай считает, что осуществление прав человека неотделимо от мира и развития во всем мире. Мир и развитие – два основных вопроса для современного мира, являющиеся необходимой предпосылкой для осуществления прав и основных свобод человека. Без мирной и безопасной международной среды, без справедливого и рационального международного экономического порядка не возможно осуществление всеобщих прав человека. Международное сообщество может долговременно и эффективно развиваться только в том случае, если оно будет увязывать поощрение прав человека с защитой мира во всем мире и содействием развитию человечества¹. А для этого необходимы состоятельные государства, способные сохранять целостность, проводить взвешенную национальную политику.

Обобщая рассмотренный в первой главе материал, необходимо отметить, что Синьцзян представляет собой регион, который в силу своего геополитического положения, особенностей социально-экономического развития, национального состава, будет привлекать к себе внимание многих государств. Но у КНР есть возможности устранять возникающие здесь угрозы, а воспроизводящиеся вызовы трансформировать в ресурсы укрепления национальной и международной безопасности, развития региона и целостного Китая. С одной стороны, существующие в СУАР сепаратистские движения могут стать питательной почвой для объединения сил международного терроризма, в том числе, связанных с исламским фундаментализмом. Внешние силы и политическая оппозиция, заинтересованные в дестабилизации политической системы КНР, могут использовать в этих целях также дискуссии о демократии и правах человека.

Вместе с тем, СУАР концентрирует факторы, способные стать объединяющим ресурсом для формирования в регионе в целом системы международной безопасности. Важнейшим фактором становится стабильное раз-

¹ Прогресс Китая в защите прав человека: «Белая книга», 2002. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2002-06/10/content_2032917.htm (дата обращения: 30.05.2014).

витие СУАР и КНР, а также региона в целом, отношений КНР с Россией и ЦА. Синьцзян обладает богатыми природными ресурсами и выгодным геополитическим положением, благодаря чему становится выгодной транзитной территорией между Европой и Азией. Особый интерес приобретает рассмотрение государственной политики КНР, ее эффективности для развития СУАР в контексте укрепления международной безопасности.

Выводы по первой главе:

1. КНР исходит из недопустимости какого-либо вмешательства в решение ее внутренних проблем. Любые попытки ограничить государственный суверенитет рассматриваются руководством КНР как угроза национальной безопасности, ее международному авторитету, как препятствие возрастанию роли Китая в формировании мирового порядка. С таких позиций проводится политика постепенного расширения гражданских и политических прав человека и формирования институтов демократии в соответствии с национальными интересами и традициями народов КНР.

2. Концепт «ответственной державы», стремящейся к гармоничному миру», предполагает взаимозависимость внутренней и внешней политики: укрепление национальной безопасности и субъектности КНР в мировой политике рассматривается в последовательной увязке с успешными реформами собственной экономики и постепенным совершенствованием политической системы общества; такое сочетание реформ и консерватизма рассматривается как традиционный ресурс, способствующий повышению роли Китая в системе международной безопасности.

3. Внимание к продвижению «на запад» – важный элемент становления концепта «ответственной державы»: расширение присутствия КНР в государствах ЦА, свидетельствует о возрастании роли СУАР, развитие которого, играет важную роль, с одной стороны, в ослаблении экономико-территориальных диспропорций внутри Китая, с другой, в выстраивании геополитических балансов «суши и моря», что продвигает решение задач, и территориальной целостности (в том числе, относительно, Тайваня), и укреп-

пления позиций Китая в системе международной безопасности Азии и мирового сообщества в целом. Руководство КНР, выстраивая балансы сил во внешней политике, соотносит значение западных (континентальных) районов и ЦА с развитием приморских (восточных) регионов. Об этом свидетельствует подготовка мега-проекта «один пояс, один путь», включающем, как сухопутные маршруты в Европу через территорию ЦА и России, так и морские маршруты, вдоль южных побережий морей и океанов¹.

4. СУАР представляет собой регион, который может рассматриваться, с одной стороны, как источник вызовов для безопасности КНР и международной безопасности, особенно в связи с радикализацией течений ислама и активизацией сепаратизма. С другой стороны, развитие СУАР создает дополнительные ресурсы становления «ответственной державы», укрепления национальной и международной (глобальной и региональной) безопасности. И здесь многое зависит от государственной политики КНР.

¹ Китай, наряду с этими маршрутами, проявляет внимание и к Северному морскому пути вдоль побережья российских восточных и полярных морей. См.: Эксперты СПбГУ и представители ЦК КПК обсудили перспективы возрождения Великого шелкового пути. URL <http://sir.spbu.ru/new/?id=1667> (дата обращения 17.03.2015).

Глава 2. ПОЛИТИКА КНР ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕСУРСОВ СИНЬЦЗЯНЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Государственная экономическая и социальная политика в СУАР

Исходя из сформулированного в исследовании подхода к понятию международной безопасности и тех вызовов, которые связаны с историческими и геополитическими особенностями Синьцзяна, рассмотрим основные направления государственной политики КНР в СУАР. Это позволило бы выявить эффективность использования внутренних ресурсов региона для укрепления национальной безопасности, сформулировать предложения по дальнейшему совершенствованию такой политики.

Для социального и экономического развития региона, как правильно отмечает А.Н. Фартышев, существуют объективные и субъективные ограничения. Так, к объективным ограничениям он относит, в частности, природно-географические характеристики, которые в целом не зависят от воли и желания населения и политических субъектов: запасы водных ресурсов, рудных и углеводородных ископаемых, ограничения, задаваемые рельефом, близость региона к морю, климатические характеристики. Субъективным фактором исследователь считает, в частности, состоятельность государства, государственное управление, отношение к региону со стороны государственной власти и агентов экономики, влияющих на выделение ресурсов для развития региона. Объективные факторы (ресурсы и ограничения) могут быть изменены субъективным фактором, но пока такого изменения не произошло, они должны приниматься во внимание в своем настоящем состоянии¹.

¹ См.: Фартышев А.Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 1. С. 144–145.

Синьцзян богат природными ресурсами; к значительным стратегическим ресурсам относятся нефть и газ, которые могут существенно влиять на политику КНР. В XXI в. СУАР стала базой добычи углеводородов, дающей возможности заменять истощившиеся скважины. По данным геологоразведки, здесь на площади 950 тыс. кв. км выявлены слои, перспективные по залеганию нефти и газа (свыше 30 бассейнов), в которых запасы нефти превышают 2 млрд. тонн, а природного газа – 700 млрд. куб. м. Эти ресурсы составляют 20% нефтяных и 59% всех газовых запасов КНР.

Как это бывает в территориально больших государствах, основные газодобывающие районы географически не совпадают с индустриально развитыми и наиболее населенными регионами КНР. Для доставки газа из Синьцзяна в центральные и восточные районы необходимы газопроводы и дороги. С учетом расходов на транспортировку газа на восточное побережье, конечная цена на сырье достаточно высока. Это объективно ограничивает область потребления голубого топлива в основном высокоэффективными отраслями (химическая промышленность, металлургия, большая энергетика). Тем не менее, в 2000–2010 гг. ежегодный прирост спроса на газ в КНР превышал 10%. Исключением стал 2015 г., когда наблюдался экономический спад. Но с учетом планов индустриального развития КНР и экологии спрос на газ должен серьезно вырасти.

В Синьцзяне сосредоточено 40% всех запасов угля высокого качества всей КНР. В СУАР богатые месторождения руд различных металлов, в том числе, сконцентрированы 40% запасов меди, свинца, олова, 90% запасов редкоземельных металлов, 46% богатых железных руд; кроме того золото, серебро, платина¹. В этом районе есть возможности создания ветряных и солнечных электростанций. СУАР обладает (за исключением пустыни) благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства.

Синьцзян граничит с 8-ю государствами и становится мощным меж-

¹ Политика Китая относительно полезных ископаемых: «Белая книга». URL: <http://russian.china.org.cn/russian/95884.htm> (дата обращения: 12.04.2014).

дународным торгово-экономическим и логистическим узлом, соединяющим КНР с Европой, ЦА, Средним Востоком. Он может стать центром развития туристического бизнеса. По его территории в древности проходил Великий Шелковый путь. Самобытная культура проживающих здесь национальных меньшинств привлекает много туристов из КНР и других стран. Развитие транспорта и туризма находится в тесной корреляционной связи с обеспечением национальной и международной (глобальной и региональной) безопасности.

Что касается субъективного фактора, от которого зависит успешное распоряжение ресурсами Синьцзяна, то государство сформировало специальное направление региональной экономической политики, которое имеет как отраслевые кластеры (транспорт, энергетика, добывающая промышленность, туризм, сельское хозяйство, нефтегазодобыча и нефтепереработка), так и международные выходы (Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС). Это направление постоянно курируется на высшем партийном и правительственном уровне. Определенный водораздел в усилении данного регионального направления обозначился в 2009 г. 29–30 марта 2009 г. в Пекине проводилось совещание, посвященное оказанию помощи Синьцзяну. 24 апреля 2009 г. произведена смена высшего руководства СУАР. ЦК КПК сменил Чжан Чуньсяня на посту первого секретаря комитета КПК СУАР. На этот пост назначили Ван Лэцюаня. 17–19 мая 2009 г. ЦК КПК провел совещание, где обсуждалось положение в Синьцзяне.

Трагические события 5 июля 2009 г. (террористические акты) в Синьцзяне показали, что накопились серьезные проблемы не только в обеспечении национальной безопасности, но экономической и социальной политики. И особое внимание к Синьцзяну не являлось преждевременным или необоснованным. Новая политика предусматривала комплексный подход при решении проблем этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, стала важным шагом не только в вопросах распределения ресур-

сов, но и становлении социально-экономической стратегии¹.

Новая государственная экономическая и социальная политика в СУАР включала три составляющие: акцент на использовании всех социально-экономических ресурсов страны для развития автономного района, пристальное внимание к нуждам местного населения, активизация внутренних сил региона для решения его проблем.

Подключение ресурсов всех провинций для развития СУАР предусматривало, прежде всего, создание институциональных условий для инвестиции частного капитала. Это было своевременной мерой. За одну только пятилетку (1999–2004) в рамках специальной стратегии в строительный комплекс Синьцзяна государство вложило 36 млрд. долл. в рамках финансовой поддержки от правительства КНР². В рамках новой политики инвестиции в социально-экономический сектор увеличились за счет частных инвесторов. В следующей пятилетке 2005–2010 гг. инвестиции в разные отрасли в Синьцзяне удвоились³. Такие же темпы сохранялись и на следующее пятилетие развития СУАР. На конференции ЦК КПК, посвященной развитию Синьцзяна, премьер Вэнь Цзябао отметил, что с 2011 по 2015 г. инвестиции в основные фонды Синьцзяна будут удвоены, по сравнению с 2005–2010 гг.⁴, что, по экспертной оценке, эквивалентно 2 трлн. юаней.

Правительство КНР, обеспечивая условия для вкладывания капиталов, рассчитывало на значительный экономический рост. Но это только составляющая комплексного подхода к развитию региона, государственной стратегии консолидации общества. ЦК КПК стремился к сплочению общества в СУАР и КНР в целом на основе социально-экономического развития и более полной инклюзии Синьцзяна в китайское общество. Поэтому изменения

¹ Шустов А. В Китае снова неспокойно. 2009. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/2483533/post110494234/> (дата обращения: 22.01.2015).

² Афанасьева В.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991–2006 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. Томск, 2007.

³ Бондаренко А.В. Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2007.

⁴ Правительство КНР. Официальный сайт. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2010-05/20/content_1610481.htm (дата обращения: 24.10.2014).

должны носить системный характер, чтобы ослабить критику со стороны некоторых сил, считающих, что ресурсы уводятся из Синьцзяна и не идут на его развитие.

Использование ресурсов всех регионов страны для экономического подъема СУАР предполагало усилия правительства центра по экономической интеграции всех районов СУАР и социальной инклюзии населения района в общество КНР. Поддержка Синьцзяна способствовала росту инициативы во всех его уездах, особенно в 19 местных городах. Особенно масштабны были преобразования в строительстве дорог и другой инфраструктуры. В рамках новой политики разработаны механизмы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров в разных отраслях СУАР, чтобы охватить все направления развития данного автономного района.

А ведь в 1990-е гг. развитие Синьцзяна с его местными традиционными формами хозяйствования уйгуров и других национальных меньшинств сильно отставало от приморских провинций. Научно-технический потенциал СУАР формировался в основном за счет приезжавших из других регионов страны специалистов, которые работали на крупных государственных предприятиях тяжелой и перерабатывающей промышленности, которые, проработав определенное время, возвращались домой. В результате в СУАР не формировался костяк местных (национальных) технических кадров.

ЦК КПК приняло комплексные меры, способствующие экономическому развитию, намечая серьезный рубеж, чтобы к концу 2015 г. ВВП на душу населения в СУАР достиг среднего уровня по всей стране. Отметим, что 1990-е гг. разрыв в социально-экономическом развитии Востока и Запада КНР стал угрожать целостности государства. Разрыв по доходам ВВП на душу населения в 1999 г. в развитом приморском восточном районе ВВП составлял 13084 юаней, а в СУАР – 5300 юаней¹. Улучшение жизни народа в плане увеличения подушевой доли ВВП является необходимой мерой и

¹ The 2001 Green paper on education in China. Beijing: Zhongguo Jiaoyu yu Kexue Chubanshe, 2001. P. 695.

предполагают прямые и косвенные инвестиции в экономику, в том числе, создание рабочих мест, чтобы реально ускорить рост уровня жизни людей.

Интенсивное развитие экономики и социальной сферы также имеет цель достижения долгосрочной социальной и политической стабильности и безопасности¹. Достижение и поддержание стабильности и порядка в Синьцзяне требует становление ресурсной базы Синьцзяна, но не отменяет на данном этапе последовательную помощь из центра и других регионов. В своем выступлении премьер Вэнь Цзябао отмечал, что возможности регионов расширяются в такой огромной стране как Китай, благодаря поддержке народа. Национальные меньшинства Синьцзяна должны полагаться на центральное правительство КНР, поскольку получают значительно больше выгоды, чем в условиях независимости (или зависимости от других государств).

Этот курс КНР подтверждается реальными результатами. По свидетельству Председателя правительства СУАР Нура Бейкли, в 2012 г. рост промышленности в Синьцзяне составлял 12,5%, что на 2,5% выше среднего уровня и обеспечивался он преимущественно электроэнергетической, угольной отраслями и цветной металлургией, где рост достиг 21,4% (на 8,9% выше среднего уровня промышленного роста СУАР²).

Особое место в формировании ресурсов стабильности и безопасности может занять газовая индустрия СУАР, включаемая в единую энергосистему КНР. Рост экономики Китая в немалой степени связан с увеличением потребления эффективных и экологичных энергоресурсов – природного газа, нефти, гидро- и ядерной энергии. Пока в современных условиях их доля в структуре производства энергоресурсов в целом невелика. Но предстоит выходить на повышение потребления газа, что, сопряжено с немалыми трудностями. Важную роль в преодолении трудностей играет энергетическая дипломатия Китая, поддерживающая и расширяющая отношения со

¹ Рецензия // Жэньминь жибао. 2012. 20 мая.

² Фартышев А.Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 1. С. 149.

странами-экспортерами углеводородов, от которых во многом зависит стабильное обеспечение потребностей страны. Нефть и природный газ, идущий из государств ЦА и России (в частности газопровод Алтай)¹ повышает стратегическое значение Синьцзяна.

Вовлечение КНР в процессы глобализации предполагает значительное внимание энергетической безопасности, на которую влияют такие факторы мирового энергетического рынка, как изменение геополитической ситуации и связанное с этим повышение рисков политической нестабильности, волатильность мировых цен на нефть и газ и др.²

Энергетическая политика КНР учитывает специфику нефтегазового сектора страны, в том числе, значительную долю государственного участия в разработке нефтегазовых ресурсов. Взят курс на открытие перспективных месторождений нефти и газа в горных и пустынных регионах. От трети до половины всех разведанных запасов газа КНР сосредоточено на территории Синьцзяна³. Программа развития СУАР нацеливает на ускорение добычи голубого топлива, чтобы направлять средства, вырученные от продажи газа в развитие этого автономного района.

Еще один значимый ресурс в решении поставленных задач – политика оптимизации энергопотребления. Руководство КНР уделяет большое внимание сокращению избыточного потребления энергии. На первой сессии Всекитайского собрания Народных Представителей 11-го созыва (март 2008 г.) этой проблеме было уделено особое внимание. Еще в 2006 г. с целью экономии энергоресурсов было запланировано снижение их использования на единицу ВВП на 20% за пятилетку. Однако в 2006–2007 гг. план экономии энергоресурсов не был выполнен. За 2007 г. экономия составила

¹ Матвеев В. Газовая политика Китая в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5(59). С. 93–104.

² Островский А.В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. Новосибирск, 2008. Август.

³ Матвеев В. Газовая политика Китая в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5(59). С. 94–95.

3,7% вместо 5% по плану¹. Существенная часть привлеченных иностранных инвестиций направлялась в энергоемкие отрасли хозяйства, что затрудняло экономию. В связи с такими негативными тенденциями правительство предприняло ряд мер (закрытие многих мелких неэффективных теплостанций, малых угольных шахт, устаревших энергоемких производств в металлургии, производстве цемента и др.).

В начале 2010-х гг. из-за роста дефицита нефти правительство КНР отдавало приоритет развитию газовой промышленности и инфраструктуры трубопроводов. И сейчас, несмотря на падение цен на нефть в 2014–2015 гг., применение газа становится определяющим фактором подъема экономики КНР. Увеличение потребления газа в электроэнергетике ведет к улучшению экологии, переходу промышленности на более совершенные технологии, повышению качества жизни населения (отопление углем заменяется отоплением газом).

Но высокая капиталоемкость этой сферы требует разработки четкой и обоснованной стратегии. В среднесрочной перспективе предполагается быстрый рост потребления газа. КНР в принципе могла бы удовлетворить повышенный спрос на природный газ, т.к. располагает его значительными запасами. По оценкам китайских экспертов, в абсолютном исчислении они составляют 46,2 трлн. куб. м². Как сообщают СМИ страны, отмечается активный прирост доказанных запасов в газодобывающих районах государства³.

Принятые государственные программы добычи, распределения, переработки газа, экономии расходов энергоресурсов предполагают развитие научных исследований. Уже, в Программах на 11-й пятилетку (2006–2010 гг.) развитие науки и техники объявлялось приоритетной и стратегической

¹ См.: Островский А.В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. Новосибирск, 2008. Август.

² Зачем МИД РФ Лавров прилетел из Вены в Ташкент? URL: <http://centrasia.org/news-Arhp4 st= 1150200540> (дата обращения: 14.11.2014).

³ Так, Китайская национальная нефтегазовая корпорация объявила об открытии четырех месторождений в юго-западной провинции Сычуань. Предварительная оценка их суммарных запасов равна 160 млрд куб. м. Всего в этой провинции открыто более ста месторождений.

задачей. КНР вступила в исторический период, когда развитие идет в значительной степени за счет научно-технического прогресса и инноваций. В целях реализации инновационных проектов разработаны «Основные положения государственной среднесрочной и долгосрочной программы развития науки и техники», где предусматривалось увеличить расходы на повышение эффективности добычи газа, совершенствовать технологии извлечения метана из угольных пластов и др.

В настоящее время добыча газа в КНР ведется в основном в Сычуани, на шельфе Южно-Китайского моря и в СУАР. Наиболее крупные месторождения – в районе Тарима (СУАР), Ордосского плато (провинции Шэньси, Ганьсу, Нинся) и в Цайдаме (провинция Цинхай). Причем, большая часть запасов газа в СУАР находится в его западной и центральной частях (около 80%). Там сосредоточено более 34% всех запасов природного газа КНР. К эксплуатации месторождений уже приступили¹.

Условия разработки месторождений здесь сложные. Они находятся в высокогорных пустынях с суровым климатом и отсутствием удобных путей сообщения. Месторождения имеют большую глубину залегания и сложную структуру подземных пластов. Тем не менее, месторождения в Таримском бассейне перспективны для промышленной разработки. Там открыты несколько крупных месторождений; их потенциальные запасы оцениваются в 8,4 трлн. куб. м (это – 25% резервов), а разведанные – в 658 млрд. куб. м².

Для решения задач социальной политики государства, направленных на улучшение жизни людей, как подчеркивал ранее Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, поддержка развития Синьцзяна должна носить целевой характер и улучшать условия, как производства, так и жизни всех людей. Доходы, получаемые из средств налогообложения ресурсной базы Синьцзяна, также должны быть использованы для улучшения социальной

¹ Матвеев В. Газовая политика Китая в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5(59). С. 94–95.

² Алтай трансграничный. Новости. URL: <http://www.altaiinter.info/news/?id=16418> (дата обращения: 16.10.2014).

сферы СУАР. Разработку ресурсов, а в перспективе и их переработку, необходимо по возможности осуществляться в Синьцзяне, привлекая местное население. Важным является преодоление диспропорций в развитии регионов. Доходы населения СУАР были ниже среднего уровня по всей стране, что давало людям основания чувствовать себя несправедливо обделенными, неуверенными в завтрашнем дне.

Председатель КНР Ху Цзиньтао 21 мая 2010 г. также отмечал, что первоочередная задача – всестороннее продвижение стратегии развития и трудоустройства населения СУАР. Решение проблемы создания рабочих мест, в свою очередь, повысит уровень социальной стабильности и консолидации¹. В настоящее время социально-экономическое развитие уже демонстрирует определенные успехи, но, в целом, сохраняется более низкий уровень благосостояния в СУАР, чем в среднем по стране. Низкий уровень развития индустрии особенно заметен на юге СУАР, что серьезно влияет на трудоустройство такой важной социальной группы как местная молодежь. Если молодежь теряет работу, у людей возникают деструктивные мысли и настроения, что приводит к социальной нестабильности. Именно на трудоустройство молодежи, особенно из национальных меньшинств, необходимо обращать первостепенное внимание. Развитие местной экономики, повышение уровня занятости местного населения повышает стабильность общества и способствует формированию новой ментальной установки общества, содействующей консолидации.

Важно отметить, что продолжается утечка рабочей силы из Синьцзяна. Часть населения мигрировала внутри СУАР в крупные города на севере Синьцзяна. Но в силу того, что требование к китайскому языку в этих городах является достаточно высоким, а возможность свободного владения китайским языком у национальных меньшинств юга Синьцзяна пока недостаточна. Отсюда их шансы трудоустроиться, напрямую зависящие знания ки-

¹ На центральном рабочем совещании по развитию СУАР определен стратегический план развития Синьцзяна. URL: <http://russian.dbw.cn/system/2010/05/21/000236066.shtml> (дата обращения: 14.10.2014).

тайского языка, существенно ниже ханьских рабочих. Некоторые предприятия все же принимают на работу местное население из числа национальных меньшинств СУАР, но из-за разницы в культуре, образе жизни и языковых особенностей нередко возникают разногласия и конфликты. Так, в 2008 г. в г. Шаогуань провинции Гуандун произошло столкновение на заводе между национальностями хань и уйгурами. Информация о конфликте быстро обрела огласку в социальных сетях Интернет и, дойдя до Синьцзяна, стимулировала начало крупных волнений в регионе.

Кроме того, некоторые сельские жители Синьцзяна, приезжая в другие провинции Китая, не находя работу, попадают в маргинальные группы городского населения, нередко становятся акторами правонарушений. Местные управления общественной безопасности, не всегда готовы справляться с этническими конфликтами между хань и уйгурами. Это – серьезная проблема городов СУАР, особенно Урумчи, где пребывают много переселенцев хань из других провинций КНР, а также мигрантов-представителей национальных меньшинств из сельских уездов СУАР. Индекс занятости выпускников вузов среди национальных меньшинств невысок, что создает условия для роста недовольства. Согласно статистике, в последние 20 лет индекс занятости выпускников вузов из числа национальных меньшинств Синьцзяна составляет лишь около 20%¹. Взят курс на развитие местной экономики Синьцзяна, проведение льготной политики в трудоустройстве, чтобы создавать больше рабочих мест для занятости местного населения, особенно молодежи из национальных меньшинств, открыть более широкие возможности для молодых специалистов.

Таким образом, развитие экономики, требуя соответствующего социального развития общества, предусматривает особые требования к системе образования и культуры. Благодаря этому можно также обеспечить современный уровень экономики, развитие новых технологий.

¹ Чэн Цзюнь. Синьцзян дан циан цз из син ши юуй цзин хо дуй цэ (Анализ текущего положения в сфере занятости Синьцзяна и предложение будущих контрмер) // Синьцзян Цай цзин. 2008. № 1. С. 42.

В январе 2014 г. проводилось совещание Постоянного комитета Политбюро КПК по Синьцзяну, носившее закрытый характер. Известно, что корректировалась стратегия развития Синьцзяна. Наряду с продолжением укрепления национальной безопасности, используются ресурсы Синьцзяна и других регионов для трудоустройства местного населения, особенно граждан уйгурской национальности и других национальных меньшинств, улучшения социальной политики в регионе за счет строительства дорог, предприятий, расширения сферы услуг, в том числе при реализации планов экономического пояса Шелкового пути¹.

Государство особое внимание обращает на социальную роль общего и высшего образования в решении региональных проблем. На втором рабочем совещании ЦК КПК (28 мая 2014 г.) в Синьцзяне, подчеркивалась именно роль образования. Принято решение, что средняя школа второй ступени в южной части Синьцзяне работает на бесплатной основе. В том же 2014 г., когда Председатель КНР Си Цзиньпин инспектировал политику в Синьцзяне, он указал, что наряду с созданием условий для изучения родного языка, социальная политика должна учитывать необходимость помогать местному населению в изучении китайского языка.

Слабое изучение государственного языка имеет негативные социальные последствия. Заканчивая среднюю школу в СУАР выпускники из национальных меньшинств не могут конкурировать с представителями нации хань по уровню знания государственного языка и школьной программы в целом. Такие недостатки – это вовсе не проявление шовинистической политики. Причины в не всегда достаточном финансировании и неэффективном руководстве сферой образования на уровне СУАР, уездов и в населенных пунктах. Тем, не менее, это может стимулировать возрастание социальной

¹ Скосырев В. Китай сталкивается в Синьцзяне с теми же проблемами, что Россия на Кавказе // Независимая газета. 20 января 2014.

напряженности, особенно в среде уйгурской молодежи¹.

С учетом сказанного, имеет перспективу направление государственной политики в СУАР, связанное с активизацией внутренних ресурсов социально-экономического развития региона, как природных, материальных, технических, так и людских, интеллектуальных, в том числе, представителей национальных меньшинств. ЦК КПК, комитеты КПК в СУАР стремятся реализовать долгосрочную политику для Синьцзяна, оказывая ему финансовую помощь. Но только такая поддержка не может решить проблему социально-экономического отставания. Как отмечал Вэнь Цзябао, требуется предоставление льгот для эффективного использования местных ресурсов, чтобы использовать преимуществ самостоятельного развития, с более полным задействованием рыночных механизмов².

Геополитическое положения Синьцзяна (граница с 8-ю государствами) уже само по себе даёт комплексное преимущество приграничной торговли. Но предстоит более полно использовать такие возможности благодаря социально-экономической политике. Проведение соответствующих изменений таможенной, налоговой, пограничной политики может серьезно стимулировать развитие местных хозяйствующих субъектов, их экономической активности.

Особое значение имеет привлечение внешних и внутренних инвестиций. Как заявил один из местных руководителей города Кашгара, они могут построить свой «западный Шэньчжэнь». В лице прибрежного восточного г. Шэньчжэня КНР, находящегося рядом с Гонконгом, Макао, Гуанчжоу, имеет успешный опыт привлечения иностранных инвесторов. Конечно, рядом с СУАР нет таких богатых районов, и зарубежные страны рядом с Синьцзяном не обладают такими свободными капиталами. Тем не менее, немало инвестиций в СУАР может прийти от частных инвесторов из внутренних (цен-

¹ Яо Ван. Образование как инструмент формирования национальной идентичности малых народов КНР // Вестн Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2012. № 3. С. 99.

² Вэнь Цзябао о работе правительства в годы 11-й пятилетки. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7309083.html> (дата обращения: 14.11.2014).

тральных и восточных) районов КНР. Но для китайских бизнесменов характерно стремление к максимизации выгоды. Особенно в этом преуспели частные компании и индивидуальные инвесторы. Наиболее распространено такое стремление у бизнесменов из внутренних районов Китая.

В 2015 г. после «черного понедельника» 24 августа несколько изменилась конъюнктура с частными инвестициями на биржах. Индивидуальные инвесторы стали меньше и осторожнее играть на биржах. Менее выгодным стали также инвестиции в недвижимость. Если будут найдены удачные формы привлечения капиталов, кредитования, налогового регулирования для развития Синьцзяна, то инвестиции будут перенаправляться из названных выше сфер финансовой активности в развитие местной дорожной инфраструктуры, промышленности. Развитие экономики СУАР, укрепление инвестиционных и хозяйственных связей внутренних районов и Синьцзяна будет способствовать стабилизации социально-экономической ситуации, укреплению национальной безопасности, как в Синьцзяне, так и в КНР в целом.

Проведение такой политики предполагает совершенствование финансовой, кредитной, налоговой политики, а также финансового и бюджетного контроля. Сильным тормозом инвестиционной активности и угрозой национальной безопасности Китая, в том числе в СУАР остается коррупция. Конечно, государство также будет вкладывать значительные средства в развитие Синьцзяна. В таких условиях коррупция имеет свойство активизироваться, особенно при реализации масштабных проектов. Она резко снижает эффективность проводимой экономической политики¹. Проявления коррупции используют экстремистские внутренние и внешние силы для обострения ситуации, роста социальной напряженности, в частности, в СУАР. Тема коррупции – одна из наиболее востребованных в ходе развертывания технологий «цветных» революций.

¹ Смирнова Л.Н. Борьба с коррупцией и политическая реформа в КНР: международный опыт и китайская модель // Международная жизнь. 2014. № 8. С. 63–77.

Учитывая, что в последние годы вкладываются крупные инвестиции в Синьцзян, ЦК КПК, правительство КНР уделяет особое внимание этой проблеме. Ученые считают, что в ближайшее десятилетие уровень коррупции в стране останется довольно высоким¹. Если на местах не проводится отлаженный мониторинг при направлении большой финансовой помощи от государства, остается лазейка для коррупционных действий. Недостаточно отработаны механизмы контроля за частными проводками инвестиций из других городов, что создает дополнительные стимулы коррупции. Были случаи, когда чиновники в Синьцзяне посягали на дотации, выделенные церкви². Ван Лисюн справедливо отмечает, пока не решены политические вопросы, в том числе вопросы финансового контроля, экономическое развитие не будет эффективным, даже при значительных финансовых вложениях. Наоборот, может быть получен даже противоположный эффект³. Такие факты влияют не только на использование средств и работу конкретных организаций, они разрушают доверие людей к правительственной политике. Люди, в том числе бизнесмены, не уверены, что инвестиции не дойдут по назначению.

Другой проблемой, от которой зависит эффективность проводимой политики, является ее комплексность, обеспечиваемая, в том числе, правильным учетом имеющихся и привлекаемых из других регионов государственных и частных ресурсов, объединением и координацией усилий центральных и местных органов власти и управления.

Помощь от сравнительно развитых в экономическом отношении восточных провинций КНР принесла СУАР капитал и технику, позволила воспитать значительное число квалифицированных кадров, стимулировать эко-

¹ Ву Бо. Чжон го фу буэ де чжон цзин ци цу ши юуй чжан луи ин дуй (Институт марксизма при Китайской академии социальных наук) // Форум Хунань. 2010. № 2. С. 13.

² Цуй Цзаньминь, Чжо Фан. Тан лан шуо шу сиан син цзи (Запись обнаружения своего подлинного обличья жадной крупной мыши, 13 страница 12-ого этапа строительства Синьцзян) // Бин туан цзан ше. 2005. № 12. С. 43.

³ Ван Ли Сюн. Во де си юуй ни де дон ту (Мой западный район, твоя восточная земля) // Тайбэй. Октябрь 2007. С. 46.

номическое развитие региона. Однако, несмотря на то, что темпы экономического развития СУАР повысились, по сравнению с прошлыми показателями, в сравнении с восточными регионами КНР, СУАР по-прежнему является относительно отсталым. К этому есть объективные причины, например расположение СУАР, особенно его южной части, затрудняющее транспортное сообщение. Но сейчас дороги уже проложены и через пустыню и в Кашгар, улучшено сообщение в приграничье и с государствами ЦА. Значит нужно больше анализировать субъективный фактор. Другая причина — постоянная помощь со стороны центра, привыкнув к которой, кадровые работники экономических отсталых регионов довольствуются текущей ситуацией, выжидая и выпрашивая помощь из центра. В результате, они значительно уступают своим коллегам из прибрежных районов в конкурентной силе и рыночной сознательности.

Подводя итоги рассмотрению социально-экономической политики, отметим, что проблемы национальной и также и региональной безопасности все в большей степени зависят от развития социально-экономической политики. При этом следует учесть, что остаются в силе закономерности формирования социальной солидарности общества. Логика народного благодеяния опирается на ценности социальной справедливости. И далеко не всегда выделение больших инвестиций в экономику непосредственно влияет улучшение социальной ситуации. Немало опосредованных механизмов, которые, так или иначе, отражаются на настроениях людей Синьцзяна, а в определенных состояниях питают сепаратизм. Как показывает практика, небогатые люди не обязательно выступают в поддержку экстремизма и сепаратизма в СУАР.

Многое здесь зависит и от распределения благ, справедливости вознаграждения за труд, возможности трудоустройства, социальной политики в целом, борьбы с коррупцией. А также правильного информирования населения, местного самоуправления, формирования достойного образа власти. Даже при эффективной социальной политике, сепаратизм и экстремизм в

Синьцзяне может поддерживаться и усиливаться из-за нерешенности вопросов взаимоуважения народов, проявления неуважения к национальным и религиозным чувствам жителей, языку и традициям.

А это наряду с нецелевым и неэффективным использованием дотаций и инвестиций СУАР, несовершенством механизмов внутреннего рынка, финансовыми злоупотреблениями проблемы национальной безопасности возникают и в связи с нерешенностью социальных, национальных, конфессиональных вопросов. Все это может привести к формированию негативного образа власти в центре и на местах, чем могут воспользоваться экстремисты и сторонники сепаратизма. Нельзя сбрасывать со счетов и следующий момент. С развитием городов и экономической инфраструктуры в СУАР (дороги, сервис, логистические центры, газо- и нефтедобыча, внутренние и международные газопроводы, предприятия со сложными и опасными производственными циклами), возникают дополнительные проблемы национальной безопасности, связанные с охраной опасных объектов. Этим могут пользоваться террористы, поэтому правительство и местные органы власти осуществляют наряду с ведомственными службами на хозяйственных объектах напряженную работу по обеспечению безопасности государства, общества и человека.

Отметим, что активная социально-экономической политики развитие Синьцзяна, руководство КНР, партийные, законодательные и исполнительные органы СУАР демонстрируют решимость в вопросах поддержания социальной стабильности в Синьцзяне. Содействие развитию СУАР в качестве неотъемлемой части Китая имеет стратегическое значение для национальной и региональной безопасности в целом. В следующем параграфе более подробно рассмотрим такие направления политики государства, как национальное строительство, демографическая и миграционная политика.

2.2. Национальная политика в СУАР

С учетом специфики Синьцзяна, как уже было отмечено, особое внимание уделяется такому направлению, тесно связанному с социальной политикой, как национальная политика. Наряду с трудностями экономического развития СУАР вызывают социальную напряженность и вызовы, в том числе, в отношениях Китая с ЦА и Россией демографические, национальные и конфессиональные вопросы.

Из объективных условий, способных при определенных обстоятельствах осложнить политическую ситуацию, можно назвать национальные и конфессиональные особенности региона, прежде всего, национально-этнический состав населения СУАР и его религиозные верования. Синьцзян – многонациональный район. Проблема СУАР вписывается в общий контекст КНР, характерный тем, что именно в 9 приграничных провинциях и автономных районах проживает около 60% людей из китайских нацменьшинств¹. 6-я национальная перепись населения 2010 г. показала: в СУАР постоянное население насчитывало 21 813 334 чел., в том числе 8 746 148 ханьцев, составлявших 40,1% численности всего населения региона. Национальные меньшинства насчитывали 13 067 186 чел., что составляет 59,9% численности населения². С национальной обстановкой в Синьцзяне тесно связаны многие проблемы его безопасности.

Всего в настоящее время в СУАР проживает 47 этнических групп. Шесть народов, которые можно считать коренными по времени их проживания в Синьцзяне (казахи, киргизы, узбеки, таджики, монголы, русские), имеют соотечественников их титульных наций в сопредельных государствах. Уйгуры наиболее плотно населяют район, называемый Кашгари-

¹ Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей: «Белая книга». URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата обращения: 12.04.2014).

² Press Release on Major Figures of the 2010 National Population Census (No 1-2) URL: ru.knoledgr.com/10923467/ (дата обращения 16.06.2015).

ей, что объясняется ее историческими связями с Ферганской долиной, где в пестром национальном составе уйгуры находили свое место, а также в приграничных с Алмааты (Казахстан) местностях.

Уйгуры – наиболее многочисленный этнос СУАР. Около 300 тыс. уйгур проживают в соседнем Казахстане, до 30 тыс. – Киргизии, 12 тыс. – Туркмении, 40 тыс. – Узбекистане. Уйгур немало было в Ферганской долине Узбекистана. В результате многолетней национальной политики руководства Узбекистана, уйгуры были в значительной степени ассимилированы узбеками, в том числе и с применением административных методов (по паспортам они учитываются как узбеки). В последние годы отмечается возрождение национального самосознания уйгурской общины Узбекистана. Существуют уйгурские общины в США, Канаде, Австралии, Саудовской Аравии. В Турции уйгуры уже во втором поколении ассимилируются турецким населением.

Многонациональный состав населения СУАР коррелирует с такой переменной величиной как многоконфессиональность (ислам, несторианство, зороастризм, православие, буддизм, в том числе ламаизм). Из всех религий национальных меньшинств в СУАР наиболее распространен ислам. Исламизированными тюркскими этносами в СУАР являются уйгуры, казахи, киргизы, туркмены, татары; из ираноязычных – таджики. Уйгуры исповедуют суннизм.

КНР с начала своего образования 1949 г. начала поддерживать культурную самобытность и самоидентичность народов Синьцзяна. В Синьцзяне с учетом компактности проживания и этнонационально выраженных признаков были сформированы пять автономных национально-территориальных образований. В то же время, народы Синьцзяна могли приобщаться к китайскому языку и культуре. Китайский язык способствовал культурному общению и экономическому обмену всех народов страны. Его утверждение как общего языка межнационального общения и государственного на всей территории страны, стало приоритетным направлением

национальной политики КНР, что отразилось в государственном управлении, делопроизводстве, военной политике, правосудии, образовании, здравоохранении КНР. Для этого были и демографические основания, когда около 90% населения были представители ханьских народов. Это подкреплялось официальной идеологией государства. Вера народов страны в идеалы социализма стала для народов Китая основой единой идеологии. Система образования заимствовала в основном советскую модель: школа настраивалась на воспитание уважения не только к знаниям, но культуре, традициям разных народов, равенству всех национальностей КНР.

Вместе с тем, одним из направлений противодействия сепаратизму в Синьцзяне стала миграционная политика. Дж. Миллвард отмечает, что такое политика в значительной степени стимулировалось установками КПК, выстраивающей политическую стратегию фронта – обозначения и укрепления государственной границы и связанного с этим освоения малозаселенного приграничного края¹. В этом краю было сильным влияние СССР, и руководство КПК стремилось такое влияние нейтрализовать.

Эта миграция представляла собой в основном переселение ханьцев в Синьцзян. Сыграл свою роль и фактор необходимости трудоустройства значительного числа жителей крупных городов, а также занятости демобилизованных солдат после окончания войн. 103 тыс. солдат, в том числе 80 тыс., из находившихся ранее в Синьцзяне остались в регионе, после войны в 1952-1954 гг. Первая волна ханьских мигрантов в Синьцзян шла в 1950-е гг. из Шанхая и прибрежных районов, что объяснялось перенаселенностью Шанхая. К тому же режим Чан Кайши еще блокировал этот порт, что увеличивало безработицу населения в прибрежных районах. На стройки Синьцзяна ехали инженеры и патриотически настроенная молодежь из Шанхая, других городов, а также из самого Синьцзяна².

¹ Millward J.A. Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 251.

² Millward J.A. Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 251–252.

Ханьская миграция в Синьцзян поддерживалась также путем формирования размещенного с начала 1950-х гг. в СУАР на милицейской основе Производственно-строительного корпуса (Bingtuan). Возникший сначала на основе демобилизованных воинских частей, в дальнейшем корпус вобрал в себя тысячи мигрантов. В его составе преобладали ханьцы. Это также отвечало стратегии фронта, способствовало освоению края, влияло на уменьшение доли уйгур в общей численности населения. Корпус решал одновременно и вопросы безопасности, и производственные (строительство, промышленность, сельское хозяйство), и социальные; много сделал для развития дорожной инфраструктуры, жилищного строительства, выполнения продовольственных программ, а также развития здравоохранения и образования в СУАР. Как и предполагалось, все это снижало негативистские этноконфессиональные ресурсы для сепаратистских настроений и деятельности националистических уйгурских организаций.

В 1980 г. бывший заместитель председателя Постоянного Комитета ВСНП КНР Фей Сяотун в своей книге «Стратегия интеграции многообразия народов Китая» разработал ряд основополагающих положений для национальной политики страны. Он сделал вывод, что КНР объединил 56 народов Китая в новую интернациональную общность. Консолидирующую роль в формировании такой общности народов играет титульная нация (ханьцы). Эта роль не означает, что ханьцы ассимилирует все остальные народности страны. Национальные отношения под руководством КПК вышли на более высокий уровень. Высокий уровень национально-государственной идентичности имеет в своей основе многие достижения ханьской культуры, что, однако, не означает подавления и игнорирования культуры национальных меньшинств, он отражает стремление национальностей к сохранению общих базовых культурных констант, сочетающихся с ценностями, выражающими этнонациональные особенности меньшинств, что позволяет формировать на такой основе многоязычное, неантагонистичное, поликультур-

ное общество¹. На формирование национальной идентичности малых народов влияла образовательная политика, которой было суждено в СУАР стать важнейшим направлением внутренней политики и составляющей национальной безопасности.

На пути к такому состоянию КНР были периоды тяжелых испытаний для народов СУАР. В годы «культурной революции» (1966–1976) рушились скрепы, соединяющие культуры, что начиналось с реформ образования. Мусульманские народы Синьцзяна подверглись гонениям; закрывались мечети. В государственной политике принижалось значение национальных языков². Окончание культурной революции позволило (с 1980 г.) года возобновить религиозную деятельность мусульман, открыть центры национальной культуры, возобновить развитие образование на родных языках. Внедрялись новые методы интеграции в начальной и средней школе обучения на родном языке с овладением государственного языка на основе общенационального варианта языка «путунхуа».

Стратегия развития национальных районов не сразу дала результаты. Так СУАР, несмотря на богатство природных ресурсов, в 1990-е гг. уступал по уровню социально-экономического развития, развития системы образования, здравоохранения, не только, восточным приморским провинциям, но и центральному Китаю, населенному в основном ханьцами.

Рассматривая основные тенденции в сфере развития Синьцзяна, подчеркнем, что официальная концепция единого и целостного Китая в идеологии КПК подразумевала становление народов Синьцзяна в качестве органичной составной части китайского общества, а СУАР – неотделимая часть государства КНР. Национальная политика КНР предусматривала как поддержание национальной идентификации народов, так и усиление эффективного взаимодействия всех народов, что сохраняет целостность великой дер-

¹ Fei Xiaotong. *Zhonghua Minzu Duoyuan Yiti Geju* (Интеграция многообразия народов Китая). Пекин: Издательство политической литературы, 1989. С. 37.

² Benson L. *National Minority Policy in the Sinkiang-Uighur Autonomous: 1949–1974*. Philadelphia, 1978.

жавы. В этой связи важная миссия возлагалась на культурную и образовательную политику КНР.

Уже в 1949 г. руководство страны провозгласило равенство перед законом всех проживающих в КНР народов и право на свободное развитие национальных культур. Но значительная дифференциация в социально-экономическом и культурно-образовательном уровне развития центра и автономных районов обострила множество проблем. Распад СССР и образование независимых государств на постсоветском пространстве ЦА усилили стремление народов к национальной идентификации и порождению сепаратизма у некоторых групп среди народов, живущих в СУАР. Это даже стало угрожать национальной безопасности КНР, когда усилились сепаратистские настроения и националистические движения уйгуров Синьцзяна.

Руководство КПК разработало ряд мер, направленных на повышение качества образования. Важнейшая цель – преодоление резкой дифференциации регионов, в том числе через подготовку местных квалифицированных кадров для разных отраслей народного хозяйства. В школах СУАР внедрялось образование на двух языках, с тремя модификациями (моделями)¹. Родной язык различается в зависимости от доминирующей национальности в автономных округах СУАР. Первая модификация предусматривала, что основным языком обучения в общеобразовательной школе (1-я ступень – 9 лет) является национальный, а китайский язык выступает как вспомогательный. С третьего класса все школьники, независимо от национальности, учат государственный язык. Как самостоятельная дисциплина общенациональный государственный (китайский) язык изучается и в средней школе (высшая ступень)².

Вторая модификация предусматривает, что большая часть предметов в средней школе ведется на родном языке, но для некоторых из предметов

¹ Клиновский В.А. Языковая политика в КНР во второй половине XX века. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.

² Яо Ван. Образование как инструмент формирования национальной идентичности малых народов КНР // Вестн Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2012. № 3. С. 97.

рабочим является китайский язык. Во многих школах СУАР используется вторая модификация двуязычного обучения: на китайском языке ведется математика, физика, химия, иностранный, а для остальных предметов основным остается родной язык («сбалансированное соотношение родного и китайского языков»). Согласно третьей модели, ведущий язык обучения в средней школе второй ступени – китайский: на нем идет обучение по основным предметам и специальным курсам (кроме политической теории и родного языка). Это необходимо для будущих абитуриентов (поступление в университет). Согласно социологическим опросам в Урумчи в 2007 г., изучение китайского языка считают полезным ок. 95% опрошенных уйгур. Около 64% из них выбрали вариант ответа: уйгуры должны владеть национальным и китайским языками. Около 93% хотели бы знать в совершенстве китайским языком¹.

Введение таких моделей и отклик на них населения показывает, что основные тенденции развития языковой реальности прозондированы правильно. Сама практика двуязычного образования и использование результатов такого обучения в жизни дает ценный материал. Выясняется, что дифференциация по уровню знания китайского языка нередко служит важным индикатором успешности. Плохое знание китайского языка осложняет поступление в вуз, социализацию в целом, трудоустройство и трудовую мобильность местной молодежи внутри СУАР и на территории других провинций КНР. Развитие южных уездов и городов СУАР отстает в определенной степени в связи с отставанием в знании населением китайского языка.

Вскрылись и недочеты в обучении на национальных языках. В СУАР нет достаточного количества учебников на национальных языках, а те имеющиеся страдают методическими и содержательными недостатками. Мало учебников для обучения ханьцев национальным языкам, а это затрудняет общение, понимание национальной культуры автономных уездов, биз-

¹ Чжао Пин. Двуязычное обучение в Синьцзяне и его влияние на язык и культуру национальных меньшинств // Вестник НГУ. Серия «История. Филология». 2012. Том 11. Вып. 10: Востоковедение. С. 174.

нес-коммуникацию, профобучение на предприятиях. Учителя в местных школах слабо знают государственный язык, от чего страдает обучение школьников по предметам¹.

Большое значение приобретает также преподавание истории в школе и вузах: зарубежной, Китая и Синьцзяна. На основе изучения и обобщения исторического опыта можно сформулировать концепцию «гармоничного мира» и «ответственной державы». Курс строительства «социализма с китайской спецификой» включает в себя составляющую ненациональной политики. В 2005 г. председатель КНР Ху Цзиньтао отмечал: «В результате длительного исторического процесса в Китае была сформирована такая национальная структура общества, что только сообща все этносы страны способствуют развитию государства и социальному прогрессу. Народы Китая в настоящее время тесно завязаны друг на друге, нации взаимозависимы, связаны общей судьбой и живут едиными интересами»².

В КНР принята унитарная форма государственного устройства с предоставлением национально-территориальных автономий ряду народов, проживающим компактно. Власти провинций, автономных районов, уездов выступают как звенья государственного управления и подчиняются администрации вышестоящего уровня. В КНР понятия «самоуправление» и «автономия» употребляются не в том смысле, как в России и, США, Европе; больше похожи на устройство, которое есть в Казахстане, Узбекистане, некоторых других государствах³. В современных условиях использование этих понятий имеет прямое отношение именно к национальной политике (в данном случае мы не берем случай самоуправления в особых администра-

¹ Чжао Пин. Двухязычное обучение в Синьцзяне и его влияние на язык и культуру национальных меньшинств // Вестник НГУ. Серия «История. Филология». 2012. Том 11. Вып. 10: Востоковедение. С. 175.

² Ma Qizhi. Zhonghua Minzu Duoyuan Yiti Geju yu Woguo de Minzu Zhengce. (Интеграция многообразия народов Китая и национальная политика в КНР). Пекин: Издательство политической литературы, 2010. С. 24.

³ Чжон яан тон чжан бу, мин цзу вен иан хуй биан (В Центральное военное Министерство: народ, вопросы литературы, компиляции (1921.09–1949.09) // Коммунистическая партийная школа пресс. 1991. 1266 с.

тивных районах – Сянгане-Гонконге и Аомыне). Элементы самоуправления проявляются именно в области формирования органов, которые отражают компактное проживание определенных народов на территории Синьцзяна, Тибета, Внутренней Монголии и т.д. В китайском языке понятия «цзычжи цюй» («автономный район») и «дифан цзычжи» («местное самоуправление») частично совпадают¹.

Национальная политика привела к институционализации идей и опыта национальных автономий. КПК после своего прихода к власти частично восприняла теорию и опыт национального строительства СССР, но не сочла возможным внедрять в Китае институты федерального устройства. Был одобрен советский опыт национальных автономий и национальных районов. Автономия понималась как право национальных меньшинств, компактно проживающих в определенных районах, «быть хозяином в собственном доме», участвовать в управлении государственными делами, самостоятельно управлять внутренними делами своей народности на территории в соответствии с положениями Конституции КНР и ее законодательства.

Согласно «Закону о национальных автономных территориях КНР», «право самоуправления, которым пользуются органы власти автономных территорий – это право управления внутренними делами народности и территории, осуществляемое в соответствии со специфическими условиями и особенностями данной народности и территории собранием народных представителей и народным правительством данной территории». Органы власти автономных территорий это, с одной стороны, региональные органы власти КНР, а с другой – подчиняющиеся единому руководству страны органы независимого самоуправления национальных меньшинств. С одной стороны, это властные органы, наделенные правом осуществлять административные полномочия государства, а с другой – административные органы, ведающие административными вопросами территориального значения. С

¹ Ван Яо, Капицын В.М. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars administrandi* (Искусство управления). 2013. № 3. С. 107–117.

одной стороны, это органы, гарантирующие осуществление права автономии самоуправляемой народности, а с другой – органы, гарантирующие право демократического равенства других народностей, проживающих на данной территории.

Политическим условием реализации этого права является признание единого руководства страны, унитарного политического устройства и порядка представления интересов национальных меньшинств, провозглашенных в 1952 г. правительством Китая в «Программе осуществления национального территориального самоуправления в КНР». В Конституции КНР статьи о регулировании национального территориального самоуправления, дорабатывались и уточнялись. В 1984 г. был принят и в 2011 г. переработан «Закон о национальных автономных территориях КНР». Национальная территориальная автономия позволяет национальным меньшинствам, имеющим места компактного проживания определенного масштаба, осуществлять национальное самоуправление. Это нашло отражение в названии Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также нескольких национальных автономных округов и уездов в СУАР. Синьцзян – название территории, а уйгуры – наименование национального меньшинства.

Согласно положениям «Закона о национальных автономных территориях КНР», создание автономий возможно на основе одной или нескольких территорий компактного проживания национальных меньшинств, исходя из таких соображений, как: состояние межнациональных отношений, уровень и перспективы экономического развития, а также с учетом обстоятельств исторического развития. Национальные автономии могут, с учетом фактической ситуации в регионе, включать часть поселений или городов, где преобладают ханьцы или представители других национальностей.

В КНР национальные автономии разделяются на три уровня: национальные автономные районы, национальные автономные округа и национальные автономные уезды. В Синьцзяне помимо уйгуров также проживают представители других национальностей, в частности, казахи. Этим обуслов-

лена разнородная структура автономного устройства в районе. Ему подчиняются 5 автономных округов: Или-Казахский автономный округ, Боро-Тала-Монгольский автономный округ, Чанцзи-Хуэйский автономный округ, Баянгол-Монгольский автономный округ, Кызылсу-Киргизский автономный округ, а также 6 автономных уездов. Кроме того, в составе автономного района имеется 7 округов, 4 города, подчиненных автономному району, а также 16 городов окружного подчинения и 62 уезда¹.

Важными проявлениями автономии являются осуществление независимого управления внутренними делами данной автономной народности и территории силами национальных кадров с использованием национального языка и письменности, преимущественно в соответствии с традиционными для данной народности формами.

Национальная политика переплетается с национальной безопасностью, что отражается в создании такого специфического института как производственно-строительные корпуса. Их создавали в пяти автономных районах, затем распускали, потом воссоздали такой корпус в Синьцзяне. Это особое образование, сочетающее в себе черты некоторые черты и административного органа, и государственной корпорации, и силовой структуры милицейского типа. Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК) – важная составная часть современного СУАР. В его управлении состоят 14 дивизий и 179 земледельческо-скотоводческих объединений, университеты, рекламные агентства и т.д. Кроме того, СПСК выполняет существенную роль в поддержании стабильности в приграничных районах.

«Закон о национальных автономных территориях КНР» содержит определенные требования к структуре автономных органов и их кадровому составу. При комплектовании собрания народных представителей (СНП) самоуправляемой территории учитывается квота и пропорциональное соотношение представителей данной автономной народности и других нацио-

¹ Капицын В.М., Ван Яо. Территориальная автономия как институт национальной политики в Синьцзяне // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 5. С. 92-99.

нальных меньшинств. В соответствии с принципами, закрепленными в законодательстве, кандидатуры в СГП определяются постоянными комитетами собраний народных представителей провинций, автономных районов и городов центрального подчинения и затем доводятся до сведения Постоянного комитета ВСНП. В СНП национальных автономных территорий председатель и заместитель председателя должны быть гражданами, представляющими народность, пользующуюся правом автономии. Председатель автономного района, глава автономного округа и начальник автономного уезда также должны принадлежать к народностям, пользующимся правом автономии на соответствующих территориях. Состав правительства автономного района, автономного округа и автономного уезда должны комплектоваться таким образом, чтобы представители народности, пользующейся правом автономии, а также других национальных меньшинств были представлены в разумных соотношениях.

В СУАР в настоящее время в составе председателя и его заместителей около 60% являются представителями национальных меньшинств, а в общем по автономному району порядка 80% начальников автономных округов, уездов, мэров городов и глав районов – кадровые руководители из национальных меньшинств. В целом, в настоящее время в СУАР работает примерно 363160 административных сотрудников из числа национальных меньшинств, что составляет 52% от общего числа руководящего состава автономного района¹.

В то же время, существует ряд представителей уйгурской и казахской народностей, представителей других национальных меньшинств, которые занимают должности в центральных органах государственной власти КНР. В составе ВСНП представители СУАР имеют 60 мест, среди них представители уйгурской и казахской народностей имеют 36 мест, т.е. 60%. В Постоянном совете ВСНП различных созывов пост заместителя председателя По-

¹ Ван Яо, Капицын В.М. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars administrandi* (Искусство управления). 2013. № 3. С. 112.

стоянного совета занимали такие деятели из числа представителей национальных меньшинств как Сайфудин Айцэцзы, Темуэр Давамайти, Сымаи Аймайти, Сымаи Теливаэрди. В составе Государственного совета Сымаи Аймайти занимал должность члена Государственного совета.

Не только Синьцзян направляет своих представителей в органы центральной власти, существует и обратное движение. Так, в СУАР существует еще одна система политической власти – партийный комитет СУАР, который действует под руководством КПК и осуществляет партийно-политическое управление на территории всего автономного района. Его руководители не всегда являются выходцами из Синьцзяна и приезжают из других мест. Они занимают довольно высокий статус, являясь членами политбюро КПК, уступая по значимости лишь лидерам общенационального уровня. Такая система создана, с одной стороны, чтобы обеспечить руководящую роль КПК, а с другой стороны, чтобы гарантировать присутствие центра в делах управления в автономном районе.

В целях реализации права на самоуправление СУАР наделен полномочиями, которые по объему превосходят полномочия других регионов материкового Китая. Среди них следует назвать:

– право автономного района применять нормативные акты, изданные органами вышестоящего уровня, сообразно с обстоятельствами. Согласно положениям «Закона о национальных автономных территориях КНР», в случаях, если резолюции, решения, приказы и директивы, принятые вышестоящими государственными органами, в чем-то не соответствуют специфике региона, автономный район может, с санкции вышестоящего органа, применять нормативный акт сообразно с обстоятельствами или приостановить его применение. Так, например, в 2002 г. 9-ым съездом собрания народных представителей автономного района были приняты «Положения о народонаселении и контроле за рождаемостью в СУАР». Статья 15 содержит следующее положение: «Супруги ханьской национальности, проживающие в городах, могут воспитывать одного ребенка, супруги — предста-

вители национальных меньшинств могут воспитывать двух детей; занимающиеся сельским хозяйством супруги ханьской национальности могут воспитывать двух детей, представители национальных меньшинств могут воспитывать трех детей. Если один из супругов является представителем национальных меньшинств, то к семье применяются правила контроля за рождаемостью, установленные для национальных меньшинств»;

– расширенный объем законодательных прав. Собрание народных представителей СУАР пользуется правами принятия административных актов местного уровня, как и другие провинциальные собрания народных представителей. Кроме того, оно пользуется правом принятия автономных уставных положений и специальных предписаний, обусловленных спецификой политического, экономического и культурного развития народностей (каждая автономная территория обладает более широкими законодательными правами по сравнению с неавтономной территорией аналогичного уровня. Законодательные акты местного значения в остальных регионах могут приниматься только органами провинциального уровня. Уезды, обладающие автономией, вправе самостоятельно принять уставные положения);

– расширенные права автономии: согласно положениям «Закона о национальных автономных территориях КНР», содержание прав автономии включает в себя несколько аспектов; в области политического управления национальная автономная территория независимо решает вопросы внутреннего управления данной национальностью и данной территорией, а также обладает правом принятия автономных нормативных положений и специальных предписаний; в области экономики автономии пользуются правом самостоятельной организации, управления и развития в деле экономического развития; в области культуры в их компетенции вопросы языка и письменности, религии, традиций, образования, науки и техники и др.; в области социальной жизни в их компетенции – контроль за рождаемостью, социальное обеспечение, медицина и здравоохранение, охрана окружающей среды;

– право на использование и развитие национального языка и письмен-

ности: в СУАР были приняты такие нормативные акты, как «Временные правила управления использованием национальных языков», «Положения о работе в области языка и письменности»; в официальной переписке и при проведении разного рода собраний на разных административных уровнях автономного района используются национальные языки автономных народностей автономных территорий и китайский язык; в процессе судопроизводства гарантируется право сторон, являющихся представителями национальных меньшинств, пользоваться языком и письменностью своей национальности¹.

СУАР занимает первое место по количеству официально используемых языков нацменьшинств среди других районов и провинций Китая. Синьцзянская народная радиостанция осуществляет вещание на 5 языках: уйгурском, китайском, казахском, монгольском и киргизском. Синьцзянское телевидение создает программы на уйгурском, китайском и казахском языках. По неполным данным, в настоящее время из числа 87 издаваемых в Синьцзяне газет 36 пользуются уйгурским языком, 11 – казахским, 3 – монгольским, 3 – киргизским, 1 – сибирским и 81 – китайским. Среди 203 периодических изданий 69 издаются на уйгурском, 93 на китайском, 32 на казахском, 5 на монгольском и 2 на киргизском. В начальных и средних классах школ автономного района осуществляется преподавание на семи языках: уйгурском, китайском, казахском, киргизском, монгольском, сибирском и русском. В старших классах школ и учреждениях высшего образования используется 4 языка: уйгурский, китайский, казахский и монгольский;

– предоставление благоприятных условий религиям национальных меньшинств; в СУАР были приняты «Временные правила об управлении местами отправления религиозных мероприятий в СУАР», согласно которым каждое религиозное объединение может в рамках, установленных законом, самостоятельно организовывать мероприятия религиозного характе-

¹ Ван Яо, Капицын В.М. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars administrandi* (Искусство управления). 2013. № 3. С. 111-113.

ра, издавать религиозную литературу. Власти утверждают создание необходимого количества мест проведения мероприятий религиозного характера, а также найм необходимого количества работников с тем, чтобы удовлетворить потребности верующего населения, принадлежащего к разным национальным группам, в нормальном проведении мероприятий религиозного характера.

В СУАР уже санкционировано 24100 мест проведения мероприятий религиозного характера, среди которых 23900 мест для проведения мусульманских религиозных церемоний, а также ламаистские храмы, китайские буддийские храмы, протестантские, католические и православные храмы. Некоторые религиозные деятели занимают должности в консультативных советах и в собраниях народных представителей национального и регионального уровней.

Органы власти СУАР также внесли такие традиционные праздники мусульманских народностей, как курбан-байрам и новруз, в число официальных выходных дней, в дополнение к общенациональным выходным дням. Посредством всех этих мер правительство надеется обеспечить поддержание нормального жизненного порядка каждой народности, а также поддержать общественную стабильность.

Если обобщить изученный материал, а также проанализированную политическую практику в СУАР, можно выделить основные тенденции развития национальной автономии. Во-первых, это развивающаяся поддержка политики национально-территориальной автономии. Согласно отчету XVIII съезда КПК, предложено «укреплять и совершенствовать систему автономного управления в национальных регионах». Правительство КНР рассматривает национальные территориальные автономии в качестве базовой структуры, требующей укрепления.

Решение этой сложной задачи требует очень осторожной национальной политики. Сохранение унитарной формы государственного устройства, поддерживаемое идеологией КПК о всеобщем единстве народов КНР, до-

вольно жесткой политической линии опирается на исторический опыт. Предоставление широкой национально-территориальной автономии противоречит такой линии и грозит усилением сепаратизма¹. Расширение национально-территориальной автономии означает ее политизацию, и может привести к возникновению у различных национальных меньшинств последовательного стремления к полной политической независимости. Признание принципа политического самоопределения наций в соседних странах ЦА вплоть до обретения ими политической независимости оказало определенное влияние на настроения националистических сил в Синьцзяне. А это стратегический регион КНР, нестабильность которого влияет помимо всего и на настроения китайцев во всех регионах, их доверие к КПК и центральному правительству. Уступки в этой сфере воспринимаются большинством граждан КНР как nepозволительная слабость и снижают политический авторитет КПК.

С другой стороны, отказ национальных автономных территорий нежелателен и невозможен, т.к. в Китае национальный вопрос является чувствительным. КПК и правительство КНР стремятся к сохранению социальной стабильности. Отмена даже отдельных проявлений автономии может вызывать недовольство в автономных округах, особенно в Синьцзяне и Тибете. Нельзя не учитывать и отношения с Тайванем, где правящая партия, в отличие от Демократической партии, сделала шаги по сближению политических курсов с КПК. КНР продолжает осторожную интеграцию систему государственного устройства два особых административных района Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао). Хотя они и населены китайцами, но это особые внутренние отношения, влияющие, в том числе, и на курс национальной политики, особенно в отношении Синьцзяна и Тибета.

Поэтому курс КПК в национальной политике ориентируется на дальнейшее развитие системы национальной территориальной автономии. В публичных мероприятиях продолжают обсуждаться этот вопрос полити-

¹ КПК учитывает также опыт СССР и Югославии конца 1980-х и начала 1990-х гг.; опыт России в 1990-е гг.

ками, экспертами, учеными, направленные на убеждение граждан по всему Китаю о нежелательности политизации этого вопроса. Первый заместитель отдела по делам единого фронта ЦК КПК Чжу Вэйцюнь опубликовал статью, где говорится, что требования к эффективности конкретных политических решений и методов, реализуемых в рамках системы автономного управления в том виде, в котором она была разработана изначально, являются дифференцированными для разных регионов в зависимости от настроений населения. В некоторых случаях националистические силы выдвигали требования, несовместимые с потребностями эпохи; согласие с ними противоречит тем планам и целями, которые были закреплены на этапе разработки системы. Но время идет, и некоторые моменты можно переосмысливать с учетом дифференциации. Необходимо, опираясь на опыт последних 60 лет и с учетом реалий нового общества, развивать, совершенствовать и дополнять эту систему согласно требованиям времени¹.

В академической среде возникают новые мнения по синьцзянскому и тибетскому вопросам, связанные с переосмыслением политики КНР в отношении национальных меньшинств. Актуализированы понятия «национальная идентификация» и «нации», а в связи с ними вопрос о содержании национальной автономии. Национальную самоидентификацию 55 национальных меньшинств необходимо последовательно «избавлять от политизации». Но сохранение традиционных представлений о культурной самоидентификации, уважение к культурным традициям национальностей, включая язык, религиозные верования и обычаи повседневной жизни остается магистральным, без придания им политического смысла остается магистральным в национальной политике КПК².

И работу КПК, СМИ, школы, вузов следует ориентировать в этом на-

¹ Чжу Вэйцюнь. Гуан юй дан Цяньмин зу гон цуо де зи ге си ко. (Размышления о нескольких вопросах, связанных с национальной работой на нынешнем этапе) // Чжунго тунъи чжаньсянь. 2011. № 1. С. 14.

² Ма Жун. Чжон го мин цзу вен ти де ли ши юй сян чжуан (История и текущее состояние национального вопроса в Китае) // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ, 2011. С. 19.

правлении, чтобы стимулировать рост признания значения национальной автономии со стороны представителей ханьских народов. Рост популярности внутреннего туризма в КНР ведет к тому, что все большее число населения из восточных районов приезжает в СУАР; растет понимание развития региона, его культуры, укрепления взаимодействия с ним других провинций. Рост признания особенностей национальной культуры Синьцзяна ведет к постепенному формированию общей культуры, стремлению к консенсусу.

Такая поддержка касается некоторого расширения самостоятельности региона в вопросах внешней торговли, самостоятельного развития его потенциала, обмена в трудовой миграции (из СУАР в города внутренних регионов КНР, поддержка переезда специалистов в Синьцзян для создания предприятий в рамках предоставления помощи со стороны восточных регионов), а также воспитания кадров. Все это может привести к значительному росту ресурсов СУАР и укрепления поддержки в нем курса правительства КНР.

Таким образом, политическая практика свидетельствует о том, что государство, последовательно учитывает региональные особенности. Выравнивание социально-экономического развития не означает нивелирование национальной специфики, но направлено в конечном счете на ее деполитизацию. Ст. 61 закона об автономных территориях гласит: «Государство разрабатывает льготную политику, оказывает поддержку развитию внешней торговли на национальных автономных территориях, расширению независимости предприятий, расположенных в национальных автономных районах, в осуществлении внешних торговых связей, содействует развитию импорта продукции, в выпуске которой регион обладает особыми преимуществами». Все это направлено на укрепление региональной, но не национальной автономии.

Лозунг и программа «развития Западного Китая» подчеркивают значение развития региона, но не обособление национальностей, проживающих в нём. По итогам 60 лет развития, устройство СУАР выдержало ряд испыта-

ний; сформировались определенные характерные черты. Хотя было немало трудностей, в целом было обеспечено формирование стабильной западной государственной границы, что позволяет правительству КНР продолжать укреплять и совершенствовать сложившуюся систему.

Программа развития запада КНР в «срезе» национальной политики учитывает внешнеполитические факторы, влияющие на безопасность в Синьцзяне, остаются серьезной силой, сохраняют некоторые негативные вызовы. В частности стремление американцев разыграть против КПК и КНР «уйгурскую карту». Тем более, в аналогичных ситуациях США уже использовали подобные силы, в частности, по отношению к России, Югославии (затем Сербии), Украине, Сирии и т.д. С территорией КНР «соседствуют» американские базы, что создает дополнительные вызовы национальной и региональной безопасности. В том числе, в 2000-х гг. базы США появились вблизи Синьцзяна, на «западе» (страны ЦА). Сохраняется нестабильность режимов, граничащих с Синьцзяном (Пакистан, Афганистан, в определенной степени Таджикистан, Узбекистан, Киргизия).

Национальная политика должна учитывать также нерешенные вопросы в оформлении законодательных полномочий региона. В период с 1980 по 2015 гг. в СУАР было разработано и принято порядка 700 законодательных актов, регламентов и других регулятивных документов. В то же время, в области законодательной деятельности в СУАР остаются проблемы, требующие последовательного решения. Конституция КНР, «Закон о национальных автономных территориях КНР», «Закон о законодательной деятельности» предусматривают, что Собрания народных представителей (СПН) национальных автономных территорий обладают правом разработки автономных уставных положений и специальных предписаний в соответствии со специфическими политическими, экономическими и культурными потребностями национальностей, проживающих на данной территории. Автономные уставные положения – это законодательное проявление права автономии автономного района. Однако в СУАР, равно как и в пяти автономных

округах и шести автономных уездах СУАР, не принимались автономные уставные положения, есть только специальные предписания, принятые отдельными автономными округами СУАР. Получается, что при столкновении с реальными проблемами не хватает нормативных, особенно законодательных актов, на которые можно было бы опереться властям СУАР.

Работа по разработке автономных уставных положений в СУАР началась еще в 1980-е гг. Но, в силу того, что вопросы политической стабильности остаются в КНР чрезвычайно чувствительными, а содержание законопроекта затрагивало баланс интересов государства и регионов, дальнейшая его разработка и утверждение столкнулись с большими сложностями. Ограниченность содержания территориальных законодательных актов и сложность их утверждения вели к тому, что процесс национального законодательства в КНР и в частности в СУАР, остается несовершенным. Законы не обладают достаточной силой, чтобы служить обязующей нормой для регулирования развития региона и национальных меньшинств. На практике это вело к фактическому ослаблению и обеднению права на автономию.

Ощущается недостаточность экономической самостоятельности автономий. СУАР сильно зависит от ресурсов, выделяемых из центра. Как сочетать самостоятельность и помощь из центра? В таких вопросах нужны нормативные уточнения. В 2001 г. был исправлен «Закон о национальных автономных территориях КНР». Его краткую ст. 58, предусматривавшую, что в целях финансовой поддержки автономных территорий «национальные органы власти высшего уровня в разумных пределах осуществляют утверждение или урегулирование показателей доходов и расходов национальных автономных территорий», законодатель заменил более подробной ст. 62. Последняя гласит: «По мере развития народной экономики и увеличения финансовых поступлений, финансовые органы высшего уровня последовательно увеличивают масштабы финансовых трансфертов национальным автономным территориям. Посредством обыкновенных финансовых трансфертов, специальных финансовых трансфертов, льготных финансовых

трансфертов, адресованных национальным меньшинствам, а также других мер, определенных государством, увеличиваются капитальные инвестиции в национальные автономные территории, что позволяет постепенно ускорить сокращение разрыва между национальными автономными территориями и экономически развитыми территориями по показателям экономического развития и общественного прогресса». Такая законодательная основа способствует дальнейшему нормотворчеству в данных вопросах.

Наряду с национальной политикой в укреплении межнационального согласия необходимо уделять больше внимания демографической и миграционной политике. Правительство КНР проявило гибкость в отношении демографической политики в автономных районах: для семей, где супруги относятся к национальным меньшинствам, смешанным семьям (уйгурско-ханьским, казахско-ханьским и т.п.) предусмотрено смягчение норм планирования рождаемости. КПК активно поощряет внутреннюю миграцию, в том числе, призывая жителей провинций КНР приезжать на строительство объектов (дорог, предприятий) в СУАР. Одновременно с этим, также поощряется переезд жителей Синьцзяна для работы в других частях страны.

Вопросы миграционной политики являются весьма острыми, т.к. имеют ярко выраженные этнонациональные следствия. В течение второй половины XX в. политика руководства КНР способствовала существенному изменению этнической структуры населения СУАР. Если в 1949 г. население СУАР было в основном тюркоязычным, а самым многочисленным народом были уйгуры, составлявшие абсолютное большинство. Уйгуры составляли в 1953 г. СУАР 80% его населения. В настоящее время в составе населения региона более 40% – ханцы (еще в 1940-е гг. они составляли всего 5% населения); в Урумчи, по разным данным, ханцы составляют от двух третей до трех четвертей населения)¹. Социальные последствия массового переселения, направляемого китайским государством, имеют позитивные

¹ См.: Соллогуб А. Уйгурская угроза. Цветная революция? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1257715260> (дата обращения: 14.03.2015).

последствия, но их трактовки некоторыми силами приобретают нередко и негативное звучание¹.

П.С. Пшенцов отмечает эффект от возросшей миграции: возросшее «взаимодействие между ханьцами и уйгурами»: «Первоначально ханьцы селились в местах, где не были расположены уйгурские города. Это и явилось причиной ограничения контактов между мигрантами и местным населением. Позже новые мигранты стали селиться не только в городах, но и в сельских районах. Кроме того, уйгуры сами стали перемещаться в районы, заселенные ханьскими мигрантами, поскольку это открывало новые возможности найти хорошо оплачиваемую работу, новые рынки сбыта товаров и возможность получения качественного образования»².

В то же время среди горожан в СУАР актуальной стала проблема трудоустройства, обеспечения жильем. В этих сферах заметны акты дискриминации национальных меньшинств в пользу ханцев, социальный статус в силу знания государственного языка, уровня образования и профессиональной квалификации остается заметно выше. Проявляются проблемы взаимоусиления настроений ханьского шовинизма и уйгурского национализма, накладывающиеся на традиционные социальные проблемы СУАР (бедность, слабость системы здравоохранения и образования, коммуникационной инфраструктуры, частного сектора).

Политика миграции людей из других частей, участвующих в развитии экономики СУАР, помогла решению не только экономических вопросов. В определенной степени, эти люди стали силой, стабилизирующей ситуацию в регионе. Хотя антиправительственные силы, недовольные этим, чтобы бросить вызов власти центрального правительства, подчас вызывают смуту, терроризируя местных людей других национальностей. Однако, такие насильственные инциденты, как правило, не влияют на решимость людей из

¹ Чжу юКэ. Урумчии де нан чжен бэ чжен (Южный и Северный город Урумчи) // Нанфанчжоумо. 2011. 28 июля.

² Пшенцов П.С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Вестник Чувашского университета. 2007. Вып. 4.

внутренних районов КНР мирно жить и работать в СУАР.

Таким образом, государственная политика, направленная на ослабление социальной напряженности в регионе, обеспечивает в целом национальную безопасность и стабильные позиции КНР в системе международной безопасности. Национальная политика, прежде всего, направлена на решение внутренних проблем СУАР, влияющих в свою очередь, на региональную безопасность. В такой политике широко используются, прежде всего, ресурсы этой СУАР и всей страны, мирные средства, имеющие стратегическое значение для развития КНР как многонационального и стабильного государства. Вместе с тем, когда решаются проблемы национальной безопасности, необходимо при определенных условиях использовать весь арсенал ресурсов и средств, включая и силовые.

2.3. Борьба с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом и противодействие «цветным» революциям

В нейтрализации угроз безопасности КНР наряду с активной социально-экономической политикой, формированием и реализацией программ стабилизации межнациональных отношений, используются также такие методы, которые связаны с привлечением органов государственной безопасности, вооруженных сил Китая, органов внутренних дел и других силовых структур. В условиях, когда ЦК КПК проводит единую политику развития Синьцзяна, такие методы становятся необходимыми для борьбы с такими тремя группами сил, как этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм, которые противодействуют этой политике и создают нестабильность в регионе.

Такие силы используют в своих действиях насилие, подрывая доверие иностранных инвесторов, в то числе оказывая влияние на их безопасность. Сторонниками сепаратистских и других антигосударственных движений могут стать представители самых различных социальных групп, в том числе и зажиточные люди. Так, например, Ребия Кадир, с 2006 г. президент «Ме-

ждународного уйгурского конгресса» (МУК), центры которого находятся в Мюнхене и Вашингтоне, была самым богатым человеком в Синьцзяне.

Для активизации сепаратизма используется прежде всего уйгурский вопрос. Актуальный для многих стран, в КНР он связан с подпольной террористической деятельностью уйгурских **сепаратистских** организаций, направленной на отделение СУАР от КНР и создание независимого государства Восточный Туркестан. «Малый национализм — политическое явление, всегда ставящее перед собой задачу построения независимого и суверенного национального государства. Эта задача может реализоваться в два этапа: получение относительной административно-политической автономии (автономизация) и окончательный выход из состава данной нации и образование новой нации с полностью независимой государственностью (сепаратизм)»¹.

Безусловно, стремление каждого, в том числе и уйгурского, народа к самоопределению можно понять. Однако, достижение данной цели не должно приводить к использованию насильственных методов и средств. Тем более, когда такие действия используют также идеологию религиозного экстремизма. «Общей чертой терактов в Китае является их религиозная подоплека. До совершения нападения террористы получают наставления, смотрят видеоролики о распространении религиозного экстремизма, изучают информацию террористического характера сами распространяют идеологию религиозного экстремизма»².

Проблема уйгурского сепаратизма для КНР усугубляется сочувствием уйгурскому народу в странах исламского мира, прежде всего в арабских, где их мятежные представители получают не только духовную поддержку. Аль-Каида и другие международные террористические организации также оказывают поддержку сепаратистам Синьцзяна. Опасность сепаратизма усиливается, например, такими религиозными сектами, как Хаваби, которые на

¹ Дугин А.Г. Этносоциология. М., 2011. С. 309–310.

² Даосю Х. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 1(30). С. 166-174.

юге Синьцзяна в силу исламского менталитета переходят к консерватизму от светского мировоззрения¹.

Особую озабоченность вызывает вовлечение в такие движения китайской молодежи, которые составляют большую часть таких «этнических сепаратистов». По данным китайских источников, среди таких «этнических сепаратистов», которые оказываются в поле зрения правоохранительных органов, более 90% являются лицами моложе 30 лет, значительную часть которых составляет молодежь в возрасте около 20 лет. Многие из них – студенты. По мнению экспертов, часть уйгурской молодежи, которая не нашла себе места на родине, сегодня тайно покидает Китай, чтобы влиться в ряды мусульманских террористов всех мастей². В целом, молодежь настроена более радикально, чем старшее поколение. Особую роль играет такая группа, как уйгурские дети, которые выросли в условиях нарастания бытовой неприязни к китайцам-переселенцам³.

Говоря о предпосылках сепаратизма, нельзя не отметить и влияние советской модели, когда в Синьцзяне была провозглашена региональная автономия. Синьцзян, как в другие провинции, пережил Большой скачок и движения народной коммуны. Это значительно повлияло на местную экономику и жизнь народа. Культурная революция принесла разрушительные последствия для общественной жизни целого региона. Ухудшение отношений между Китаем и Советским Союзом также принесло побочные эффекты. В 1962 г. 60 тыс. пограничных жителей бежали за границу в СССР. 13 августа 1969 г. на советско-китайской границе произошел пограничный конфликт у озера Жаланашколь, жертвами которого стали 68 китайцев и 12

¹ Турвэньцзан – Турсюнь ту ер вэн циан ту ер суин, нан циан юан циао чжи си чжао диао чжа би цзи (Запись обследования фундаменталистского менталитета южной части автономного района Синьцзяна) // Чжон го син вэн чжоу канн. 2014. № 661. 29 мая. С. 20.

² Соллогуб А. Уйгурская угроза. Цветная революция? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1257715260> (дата обращения: 17.04.2014).

³ Ван Вэй. Вы бо, ан ва нир я шеен, цэ се ли бу я суйн чжо бао ко фэн цэй, чжон го син вэн чжоу канн (В поисках вооруженных террористических элементов) // «Новости Китая». Еженедельник. 2014. № 5. С. 22.

граждан СССР.

После прихода к власти Дэн Сяопина, для СУАР, как и всего Китая, наступила эпоха реформ. Социально-экономическое и национальное развитие с 1980-х годов проходило в новых условиях и на новом качественном уровне. Тем не менее, напряженное положение в СУАР сохранялось. 19 мая 1989 г. уйгурские демонстранты разгромили партком КПК в Урумчи. С 1990 г. в СУАР не прекращаются массовые беспорядки, вооруженные выступления, диверсии и теракты под лозунгами «священной войны». Они начались 5 апреля 1990 г. в Баринской волости Кызылсу-Кыргызского автономного округа с протестов против контроля над мусульманскими общинами. В том же году возникла Исламская партия Восточного Туркестана, ставшая во главе последующих массовых выступлений протеста (как отмечалось в документах КПК, «в острой и демонстративной форме»). Сеть подпольных организаций радикального исламского толка объединила прежде всего уйгурскую молодежь 18-30 лет со средним и высшим образованием. В 1990-1998 гг. в СУАР произошло около 700 вооруженных выступлений и диверсий, а в целом «несколько тысяч происшествий». В этих событиях участвовали 16 (из 27 существующих) уйгурских оппозиционных организаций. По мнению экспертов, в современных условиях насчитывается 53 основных очага сепаратизма, суммарно охватывающих территорию 12,7 млн. кв. км, населенную примерно 220 млн. человек¹.

Как отмечает профессор Хуан Даосю, терроризм в Китае тесно связан с зарубежными террористическими организациями и часто финансируется ими. На территории Восточного Туркестана действуют «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламская освободительная организация Восточного Туркестана», «Всемирная уйгурская молодежная конференция» и «Информационный центр Восточного Туркестана». Согласно опубликованной 6 мая 2014 г. в Пекине первой Синей книге по государственной

¹ Цит. по: Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014, февраль. № 7 (244). С. 91.

безопасности «Исследовательский доклад о государственной безопасности Китая (2014)», в 2013 г. на территории КНР в очередной раз была зафиксирована активная террористическая деятельность. В 2013 г. в СУАР произошло около 200 терактов, 10 из них были самыми кровопролитными¹.

В целом, организации сепаратистов в Синьцзяне можно разделить на две категории, одной из которых являются политические организации, как, например, Всемирный Уйгурский Конгресс, получающий поддержку от Запада (его представительства расположены в ряде городов США, Европы, Австралии). Другую категорию составляют террористические организации, основания отнесения к которым отличаются друг от друга в разных странах. Террористические организации с точки зрения правительства КНР не обязательно могут быть признаны такими правительством США. В то же время, например, «Восточно-Туркестанское Исламское движение» характеризуется экспертами на международном уровне как одна из «самых жестоких организаций». Совет Безопасности ООН 11 сентября 2002 г. официально включил эту организацию в список террористических организаций и частных лиц, связанных с терроризмом. США также признали «Восточно-Туркестанское Исламское движение» террористической организацией и осуществляли определенную дипломатическую поддержку и поставки снаряжения Китаю, чтобы правительство КНР осуществляло в Синьцзян эффективную борьбу с террором, одобряемую мировым сообществом. Но с 2002 г. США отказались признавать террористическими любые иные организации, которые Китай считает террористическими или связанными с сепаратистским движением уйгуров в этом районе². США надеются на присоединение Китая к международному антитеррористическому лагерю, в то же время часто об-

¹ Даосю Х. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 1(30). С. 166-174.

² Shirley Kan. CRS Report for Congress «U.S. – China Counter-Terrorism Cooperation: Issues for U.S. policy». 2010. 15 июля. Р. 6.

виня Китай за операции, связанные с внутренней борьбой с терроризмом¹.

В настоящее время насильственная деятельность, терроризм во имя «независимости Синьцзяна» наносит ущерб не столько правительству и силовым структурам, полиции, сколько невинным людям, гражданскому населению. Террористы «Независимости Синьцзяна» пытаются распространить свое влияние из Синьцзяна на другие внутренние районы Китая. Они надеются вызвать панический страх в Синьцзяне и даже во всем Китае. Важно отметить также конкуренцию между террористическими организациями.

С тех пор, как КПК пришла к власти, в целях защиты объединения страны и обеспечения ее безопасности и стабильного развития, в том числе и в Синьцзяне, были использованы различные политические практики. Основная из них связана с направлением войск в качестве основной силы, способной при возникновении угрозы для внутренней безопасности Синьцзяна, обеспечить стабильность ситуации.

Правительство Китая предпринимает активные шаги в сфере противодействия терроризму как в организационно-правовом плане, так и в сфере китайского уголовного законодательства. Так, 12 ноября 2013 г. при ЦК КПК был образован Совет государственной безопасности, являющийся органом по принятию решений высшего звена в области государственной безопасности и координационной структурой, обладающей наивысшим авторитетом и ответственной за осуществление единого планирования внутренней и внешней ситуации государственной безопасности. Реализация же стратегических и оперативных задач в сфере борьбы с терроризмом возложена на специальные элитные полицейские антитеррористические бригады «Барс» и «Сокол»².

Все это сужает потенциальную базу сепаратистских и экстремистских организаций. Понимание этого присутствует у лидеров уйгурского сопро-

¹ См.: Сыроежкин К. Вопрос об «уйгурском вопросе». М., 2002 URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060401010721934&mode=print> (дата обращения: 23.01.2015).

² Даосю Х. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 1(30). С. 166-174.

тивления, предпринимающих в последнее время усилия по привлечению на свою сторону других народов КНР. В частности ими снят лозунг создания государства Уйгурстан в пользу старого лозунга – «независимой государственности Восточного Туркестана». Вместе с тем, силы, поддерживающие механизм стабильности КНР, по численности и по качеству несопоставимо превышают силы уйгурских подпольщиков. А после падения режима талибов в Афганистане резко ослабла и помощь извне, тем более, что среднеазиатские соседи КНР из страха перед великим соседом фактически помогают китайцам в подавлении уйгурского освободительного движения.

Так, властям КНР выдавались уйгуры из СУАР, пытавшиеся спастись в Казахстане. СМИ развернули антиуйгурскую пропаганду, представляя уйгурскую общину Казахстана как пособника террористов. Аналогичная ситуация сложилась в Кыргызстане, где в уйгурской общине произошел раскол по вопросу о поддержке движения за отделение Восточного Туркестана от КНР и был убит лидер этой общины за отказ оказать материальную поддержку уйгурским подпольным группам из СУАР.

После того, как в начале 1990-х гг. исламские экстремисты Центральной Азии в лице организации «Исламское движение Узбекистана» устроили выступления в нескольких странах, в сентябре 2000 года Государственный департамент США включил эту организацию в список международных террористических организаций. После того, как США начали войну в Афганистане, Центральная Азия, которая граничит с Афганистаном, приобрела еще более серьезное значение. Страны ЦА стали территориями для размещения важных военных баз США для борьбы с терроризмом. Они надеются на обмен информацией в ходе сотрудничества с правительства стран ЦА, а также на устранение влияния террористов в этом районе благодаря социальным программам оказания помощи этим государствам.

С другой стороны, США хотят превратить военные базы в средства транспортного обеспечения службы тыла. Средства обеспечения, которые нужны американской армии и армии НАТО в Афганистане, перевозили в

основном с помощью сухопутного транспорта через Пакистан. Но из-за того, что этот маршрут связан с существованием серьёзных скрытых угроз для безопасности, США и НАТО хотели перевозить топливо и еду в северную часть Афганистана через ЦА. В связи с тем, что этот маршрут затрагивает интересы России и стран ЦА и учитывая сложность их отношений с США, а также отношение всех названных акторов к проблемам в Афганистане, проблема ЦА и расположенных там государств приобретала особое звучание.

После андижанских событий в мае 2005 г. в Узбекистане и последовавшего в феврале 2009 года требования Кыргызстана вывести американские войска из военной базы в Манасе, отношения между США и ЦА ухудшились. Хотя стратегия Обамы в отношении нового Афганистана была неотделима от поддержки ЦА, в том числе борьбы там с терроризмом.

Все это усиливало внимание КНР к состоянию своих вооруженных сил, их готовности к поддержанию общественной стабильности и национальной безопасности, в том числе и в таком регионе, как Синьцзян. В ответ на террористические и другие насильственные действия в СУАР правительство приняло исчерпывающие меры для защиты своих интересов. Особая роль в этом отводилась Ланьчжоускому военному округу, который является одним из существующих в настоящее время семи крупных военных округов НОАК. Территория его действия охватывает наряду с СУАР, связанного с охраной северо-западной линии обороны Китая, также Ганьсу, Цинхай, Шэньси и Нинся-Хуэйский автономный район.

Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК), созданный 7 октября 1954 г. как специальный орган управления в КНР, представляет собой организационную форму, объединяющую функции военных и других правительственных органов, включает в себя сельскохозяйственные и инженерно-строительную дивизию, в которые объединены сельскохозяйственные и животноводческие полки – госхозы, промышленные, автотранспортные предприятия, а также самостоятельные торговые и иные предприятия. Этот корпус находится под руководством, и центрального

правительства, и народного правительства СУАР, и министерства обороны. В корпусе – 13 сельскохозяйственных дивизий (по районам распашки), общей численностью 2 453 600 чел., в том числе 933 000 управленцев.

Среди задач, которые ставятся перед подразделениями СПСК – противодействие этническому сепаратизму. Они участвовали в «умиротворении» «Баринских событий» в 1990 г., «Кульджинских событий» в 1997 г. Принятый ЦК КПК в 1996 г. «Документ №.7» предусматривает участие подразделений СПСК в решении задачи противодействия этническому сепаратизму в Синьцзяне. В 2000 г. принят также специальный закон «Об участии народных ополченцев СПСК в поддержании общественного порядка»¹.

Военное ведомство СПСК отвечает также за мобилизацию на военную службу, подготовку группы военной службы запаса, работу ополчения и т.д. Подчиненное подразделение аварийного реагирования ополчения является важной силой для поддержания стабильности и решения неожиданно возникающих кризисных событий в СУАР. Все эти силы представляют собой важный ресурс для поддержки и защиты национальной безопасности и внутренней стабильности в СУАР.

Полиция под руководством бюро общественной безопасности СУАР несет ответственность за повседневную работу по поддержанию стабильности. КНР также увеличивает полицейские силы. В 2012 г. расширили до 8 тыс. полицейских, готовых также и для обороны государства.

В соответствии с действующим порядком военная сила Китая может поддерживать суверенные права над Синьцзяном, а также может справиться с крупномасштабными и экстремальными насильственными террористическими актами. Полиция и другие силы, поддерживающие ежедневную стабильность, могут обеспечить нормальную социальную обстановку. Однако, для предотвращения чрезвычайных ситуаций их еще не достаточно. Полиция также часто становится жертвой насилия. В районах с незначительными полицейскими силами, особенно в сельских районах, в то же время насиль-

¹ Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. Алматы, 2008. С. 120.

ственных действий террористов больше. Поэтому Китай укрепляет единство действий гражданских и вооруженных сил для контролирования ситуации.

Хотя, главными направлениями поддержки стабильности в СУАР остается использование вооруженных сил, в том числе, за счет увеличения полицейских, усиления интенсивности предварительного расследования, мобилизации гражданских сил, центральное правительство КНР прилагает усилия и по другим направлениям. Среди них особое место занимает задача, связанная со стремлением повлиять на стабильность в других регионах. Это касается, прежде всего, волнений в Лхасе – столице Тибетского автономного района в марте 2008 г. Выступление с требованием о предоставлении Тибету государственной независимости были поддержаны тибетскими диаспорами в Индии, Непале, США, странах Евросоюза и далай-ламой, духовным лидером Тибета, уже 50 лет проживающим в эмиграции.

Но, как пойдет дальнейшее историческое развитие СУАР, при всей значимости внешних факторов зависит, в первую очередь, от политики нынешнего руководства КНР в области национальных отношений, от успеха проводимых им не только социально-экономических, но и политических реформ, от того насколько они будут предпочтительнее, чем, например, для народов Восточного Туркестана, прежде всего мусульман-уйгуров, идея самоопределения вплоть до выхода из состава КНР.

Борьба с терроризмом в СУАР является непростой задачей, но в настоящее время она не способна изменить стратегию на запад. Хотя такие угрозы, как этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и международный терроризм, в современных условиях усиливаются действием других вызовов. Среди них, прежде всего, с учетом геополитического положения Синьцзяна следует обратить внимание на распространение международной преступности в виде наркобизнеса, а также стремления отдельных государств использовать сценарии «цветных», гибридных революций в Центральной Азии для достижения своих интересов.

Угрозы роста наркотрафика через страны ЦА, в том числе через тер-

риторию Синьцзяна, связаны с тем, что сохраняется нестабильность в Киргизии, в которой в силу проблем с экономическим развитием, получит транзит наркотиков, в том числе и в Россию. Как известно, проблема наркотиков уже серьёзно угрожает российскому обществу.

В настоящее время определенные преступные силы Китая и стран ЦА постоянно мобилизуются для того, чтобы обеспечить удобные условия для вовлечения в транснациональную преступность. Для наркокартелей «Золотого полумесяца» ЦА Китай в будущем рассматривается в качестве нового рынка потребления наркотиков, а также новой транзитной дороги для распространения наркотиков. Это для КНР может стать серьезной угрозой, как для страны в целом, так и ее социальной стабильности.

Китай, в том числе и с участием СУАР, подписали с западными странами ряд соглашений по борьбе с преступлениями, связанными с наркотиками. В рамках Шанхайской организации сотрудничества были проведены совещания, на которых обсуждались меры по оказанию помощи странам-членам, в том числе и КНР, на многосторонней и двусторонней основе по борьбе с наркотиками и прекурсорами, обучение их специалистов методам химического контроля в рамках ШОС¹.

Кроме того, например, по мнению Ю.В. Морозова, Россия может извлечь определенные уроки из опыта борьбы в Китае с сепаратизмом, конечно, с учетом собственных реалий. В частности, внимание исследователя привлекла прежде всего системность такой борьбы, она ведется сразу же по нескольким направлениям: социальное и экономическое развитие СУАР, проблемного с точки зрения сохранения сепаратистских идей. Во-вторых, развитие промышленности и инфраструктуры депрессивных районов с активной миграционной политикой, когда титульная нация не только «разбавляет» местное население, но и снижает уровень напряженности. В-третьих, реализация на практике китайского законодательства, в том числе содейст-

¹ Лю Кун. Чжан кун, чжон го юуй чжон я х цзуо Джин ду хе Цзо сиан чжуан юуй чжан ванн (Китай: Положение и перспективы по борьбе с наркотиками в сотрудничестве со странами Центральной Азии) // Синьцзян да сунь сунь бао. 2013. № 9. С. 99.

вующего развитию местных автономий. И, наконец, сочетание передовых информационных технологий в борьбе с идеями и лидерами сепаратизма, с применением силы либо угрозы ее применения в рамках действующего законодательства¹.

Как уже подчеркивалось, такие явления как этнический сепаратизм, религиозных экстремизм и терроризм в современных условиях становятся благоприятной почвой для развертывания на таких территориях сценариев «цветных», гибридных революций. Одной из таких территорий стала Киргизии, в которой, в результате поддержки оппозиции со стороны внешних сил, ей удалось захватить власть.

Как справедливо указывает К.Л. Сыроежкин, в определении внешней политики КНР в ЦА важное место занял также фактор «цветных революций», необходимость учета в связи с событиями, прежде всего, в Кыргызстане и Узбекистане (2005 г.) позиций США и России². КНР, как соседняя страна и член ШОС, обращает большое внимание на меняющуюся внутреннюю обстановку в Киргизии, особенно в Южной части страны. Стабильность в ней имеет важное значение не только в силу общей государственной границы и наличия уйгурской диаспоры в Киргизии и кыргызской в СУАР. Хотя общий объем не очень крупный, тем не менее, это касается интересов китайских предприятий и китайских бизнесменов. Поэтому в последние годы Китай усиливает защиту своих интересов за границей.

Кроме того, с этим связан и другой важный момент: китайское правительство должно заботиться о своем имидже в глазах собственного населения. В период революции тюльпанов 2005 г. в Киргизии китайские бизнесмены часто подвергались насилию и ограблению. С перспективной точки зрения, китайские бизнесмены, достаточно смело начавшие свой бизнес в опасном регионе, заслуживают поддержки, т.к. это оказывает влияние на их

¹ Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014, февраль. № 7(244).

² Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006. С. 223-225.

активность в инвестиционной деятельности за границей.

Опасность «цветных» революций в этом регионе также возрастает в силу того, что сохраняется противостояние США и России, преимущественное положение последней в ЦА (государства СНГ, ОДКБ, ЕАЭС), признает КНР. На фоне мировой политики, США является той страной, которая оказывает самое большое влияние на место КНР в мировой политике. Военная база США в Киргизии, действовавшая фактически в течение 14 лет до 2015 г., по мнению некоторых китайских экспертов, угрожала западному району китайской границы. Как и военная база США в Узбекистане.

С учетом сказанного, представляется возможным, что сепаратисты Синьцзяна могут искать возможности для начала революции, подобной революции тюльпанов в Киргизии и других государствах, используя сохраняющиеся трудности в социально-экономическом и политическом развитии государства. В частности, проблему коррупции. Поэтому, как вынуждены признавать даже западные СМИ, отличительной чертой правления Си Цзиньпина стала его антикоррупционная кампания, которая оказалась куда более серьезным и затяжным мероприятием, чем ожидалось. Эта кампания нашла поддержку у народа. Так, правительство официально предъявило обвинения бывшему министру общественной безопасности КНР Чжоу Юнкану и объявило о начале расследования по делу Лин Цзихуа, который когда-то был главным помощником бывшего председателя страны Ху Цзиньтао¹.

В противостоянии угрозам «цветных» революций в современных условиях Китай объединяет свои усилия, в частности, с Россией. Так, по итогам переговоров российского министра обороны Сергея Шойгу с китайским коллегой Чан Ваньцюанем в 2014 года было отмечено, что это только кажется, что эти «цветные революции», эти эксперименты западных политтехнологов, в том числе американских, проходят, реализуются где-то далеко от Китая или России. Все это на самом деле близко к нам, и мы считаем, что

¹ Рахман Г. Китайская боязнь «цветных революций» (Оригинал публикации: China's strange fear of a colour revolution // The Financial Times. 2015. 9 febr.). URL: <http://inosmi.ru/fareast/20150211/226211997.html> (дата обращения: 14.04.2015).

Россия и Китая должны работать вместе, чтобы противостоять этому новому вызову безопасности наших государств. Как заявил замминистра обороны России А. Антонов, Россия и Китай будут прилагать совместные усилия для противостояния этому вызову¹.

Выводы ко второй главе:

1. КНР официально обозначил в качестве «трех сил зла» терроризм, религиозный экстремизм и сепаратизм». Аналогичные вызовы, которые создают эти деструктивные силы, являются опасными для многих государств региона, в том числе, России и ЦА. Китайское руководство, ведя последовательную борьбу с такими силами, старается применять не только силовые средства, но также обращает внимание на социально-экономические стороны возможного недовольства населения, а также духовные источники, невнимание к которым может создавать негативистские ресурсы и подпитывать «три силы зла». Но силовое противодействие «трем силам зла» сохраняет свое значение.

3. Национальная политика КНР во взаимодействии с демографической, миграционной, образовательной и конфессиональной политикой становится действенным средством для создания основы межнационального и межконфессионального мира, профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В отношении к национальным меньшинствам учитываются особенности и потребности той или иной народности, их история, современная численность. Успешно действует система национально-территориальных автономий (районов, округов, уездов). Благодаря этому удается, например, успешная профилактика религиозного экстремизма среди таких довольно значительных по численности национальных меньшинств, как казахи, киргизы, монголы. Это помогает смягчать напряженность и в отношении ханьцев с таким крупным народом СУАР, исповедующим ислам, как уйгуры.

¹ Россия и Китай договорились о совместном противостоянии «цветным революциям». URL: <http://vz.ru/news/2014/11/18/715882.html> (дата обращения: 17.01.2015).

3. Руководство КНР обращает внимание всех государств на связи между мировой политикой и региональными последствиями ошибок великих держав, в том числе на примере последствий ошибочной политики США и его союзников в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии. Важнейший вывод – необходимость коллективного согласования действий против террористических сил, религиозного экстремизма, решений по оценке последствий действий сепаратистов. Анализ деятельности сепаратистских движений в СУАР, сотрудничающих с террористическими организациями, показывает, что их усиление, взаимодействие с террористическими силами в Афганистане, Ираке, Сирии несет опасные угрозы не только Синьцзяну и КНР, но и всему региону. Это способствуют и недальновидные действия некоторых НПО в США и Турции, оказывающих поддержку уйгурским сепаратистам.

4. Значительную угрозу могут представлять попытки использовать «цветные» революции, построенные на нагнетании недовольства национальных меньшинств политической системой, государственным устройством и определенными недостатками в государственной политике КНР, в том числе в Синьцзяне. Технологии «цветных» революций являются дифференцированными, подстраивающиеся под любые формы ненасильственного социального и политического протеста и приводящие к его обострению. В ситуации протеста в Гонконге («революция зонтиков») 2015 г. правительство КНР и административного округа Гонконга благополучно разрешили данную ситуацию. В таких ситуациях деятельность некоторых НПО, финансируемых из-за рубежа, вызывает обоснованные опасения. Существует практика повышения государственного контроля над такими НПО. Некоторые НПО ежегодно составляют списки недемократических стран, подлежащих исправлению с помощью «ненасильственной демократической революции». Такие списки публикуются, в частности, американской полугосударственной организацией «Freedom House», и в них, включена КНР, наряду с Рос-

сией и странами ЦА¹. В Синьцзяне подобные технологии могут опереться на националистические сепаратистские силы, что чревато опасным обострением ситуации и скатыванием протестов к массовым беспорядкам, насилию, терроризму и жертвам. Может возникнуть «цепная реакция», подобно «арабской весне» 2011 г., когда беспорядки распространились на территории Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, данного региона в целом.

¹ «Цветные революции»: технологии, спонсоры, организаторы. URL: http://one_vision.jofo.ru/213841.html (дата обращения: 14.11.2014).

Глава 3. УЧАСТИЕ СИНЬЦЗЯНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

3.1. Место СУАР в сотрудничестве КНР, государств Центральной Азии и России

Современная территория Синьцзяна исторически выступали не только как область китайского фронта, но и в качестве важного звена в торгово-экономических и культурных отношениях Китая с Россией и государствами ЦА, а через них и – с Европой. Как нередко бывает во фронтальных областях, купцы и путешественники шли нередко впереди воинов и пограничников, стихийно перемещалось население, что тесно связывало торговлю и культуру с вопросами безопасности¹. С образованием КНР возросла роль Синьцзяна в отношениях с Казахстаном и Средней Азией. После развала СССР возросло значение СУАР в отношениях с государствами ЦА². Особенно значимой эта роль стала в связи с решением проблем энергетической безопасности.

Краткий исторический экскурс в историю таких отношений поможет осветить два аспекта исследования. В параграфе 1.2 мы обращались к истории, но в дополнение к выше изложенному материалу следует подчеркнуть роль народов ЦА для истории Синьцзяна. Во-первых, важен аспект выявления наиболее перспективных направлений сотрудничества с ЦА, в том числе, в обеспечении энергетической безопасности. Во-вторых, такой экскурс помогает выявить те «узкие места», которые следует «расширять» для плодотворного экономического и культурного сотрудничества. Многие из таких проблем имеют исторические «корни»; обращение к ним раскрывает сложность эволюции разных институтов, проясняется стратегическое зна-

¹ Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

² Казахстан и государства Средней Азии (как они назвались в СССР) по совету Н. Назарбаева на одном из совещаний в 1992 г. договорились географически идентифицировать и официально называть свой регион «Центральная Азия».

чение данных отношений в нейтрализации возникающих очагов напряженности и обеспечения региональной безопасности.

Взаимоотношения стран ЦА с Китаем имеют более чем двухтысячелетнюю историю; накоплен многовековой опыт взаимного общения. По мере того, как расширялся географический кругозор древних китайцев, в китайских летописях понятие «Сиюй» («Западный край») соотносилось с территориями, связывающими Китай с другими частями Евразии через знаменитый Великий Шелковый путь, проекты возрождения которого в новых условиях активно продвигаются руководством КНР в последние годы.

Первые сведения о народах ЦА в Китае связаны с именем дипломата и путешественника Чжан Цяня, открывшего путь из Китая на «запад»: в земли ЦА, в частности, область Семиречья, земли вокруг озера Иссык-Куля, оазисы Ферганской долины и в области Ташкента в 137–127 гг. до н.э. Приобретения, связанные с его путешествиями, неоценимы. С ними, в частности, связывается заимствование у народов ЦА культуры возделывания винограда, огурцов, люцерны, грецкого ореха, фигового дерева. Культура выращивания овощей и фруктов в Синьцзяне во многом связана с такими торговыми контактами. Из ЦА (и через ЦА) в Китай шли значительные поставки золота, яшмы, негорючей асбестовой ткани, высококачественного войлока, а также верблюдов, лошадей, и экзотических птиц (павлинов). Оттуда же пришло в Китай искусство виноделия. ЦА с того времени была для Китая как бы «окном» в мир по этому направлению.

Через территории Джунгарии и Кашгарии развивались весьма плодотворно и взаимовыгодно культурные контакты Китая с народами ЦА. Вместе с потоками товаров через центрально-азиатские земли из Кушанского царства шло одно из направлений культивации буддизма в Китае¹, влияние буддийского искусства и архитектуры, скульптуры и музыки. Выходцы из ЦА составляли важный контингент переводчиков буддийских религиозных текстов на китайский язык; с ними связывают титаническую работу по ин-

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 2001. С. 303.

терпретации текстов, составивших философскую основу буддизма в Китае. Не менее интересны путешествия на «запад» китайских паломников буддизма¹. Среди них: Чжу Шисин – в 260 г., Фасян – в 399 г. и особенно Сюань Цзан – в 630 г. Последний оставил наиболее подробное описание географии, быта, обычаев, народов Кашгарии, юго-Восточного Казахстана, Средней Азии².

В раннесредневековом Китае, в Кашгарии и Джунгарии распространялась музыкальная культура и культура танца народов ЦА. О значении такого влияния свидетельствуют реконструкции элементов музыки и танца Китая и других стран, а также литература и памятники Китая, Ирана, арабских стран, в частности, стихи китайских поэтов эпохи Тан (VI-IX вв.)³.

Политические отношения стран ЦА с землями Кашгарии, Джунгарии и Китая не всегда были такими стабильными, как их торговые и культурные связи. Через «западные» земли из Китая в ЦА и, наоборот, проходили войны и властители. Впрочем подобные отношения были характерны для всех стран того времени. В данном случае было такое обстоятельство, как высокий уровень технических, духовных, государственностроительных достижений древнего Китая. При знакомстве с цивилизациями ЦА (со II в. до н.э.) этот уровень Китая был выше, чем у его соседей в ЦА. Это создавало условия для ментальных изменений, в частности, формирования китайско-центричной картины мира. Важна и такая особенность менталитета китайских элит: в китайских учениях государственный аспект традиционно имел приоритет над другими сферами. Тем не менее, несмотря на то, что земли Джунгарии и Кашгарии помнят военные столкновения между китайцами и народами ЦА, это не помешало развитию торговых, культурных и дипломатических контактов.

Для укрепления своего влияния среди народов ЦА в древности и

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 2001. С. 305.

² Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань Цзана. Фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. М., 1991.

³ Цзян Чжи. Ли Бай. Юуй си юуй вен хуа Мяньян (Normal University и западная культура Мяньян) // Миан ян ши фан сун юан сун бао. 2006. № 3. С. 15.

средневековые китайские императоры сочетали дипломатию с военной силой, стремясь выигрывать «мудростью». Интересен в этой связи трактат Сунь Цзы, древнего военного теоретика. Ряд положений из его труда остаются актуальными долгое время¹. Влияние учения Сунь Цзы сказывалось в том, что в политической традиции Китая сильна роль психологического фактора и учет долговременной перспективы.

Во времена династии Хань осуществлялось военное и политическое проникновение на «западные земли», создание там опорных пунктов в борьбе с разными племенами. Но наиболее серьезным такое присутствие стало после объединения Китая под властью династии Тан в 640 г. Земли будущего Синьцзяна (Джунгарии и Кашгарии) и отдельные территории ЦА, входившие в Восточнотюркский каганат, после его разгрома танскими войсками были присоединены к Танской империи. Это имело большое значение для государственного строительства на этих землях. Но затем сюда пошли войска Арабского халифата. В 751 г. у реки Талас (около г. Тараз) войска Арабского халифата вступили на земли западной части ЦА. Танские войска пришли на помощь правителям территорий ЦА, но были отброшены арабами далеко на восток, после чего Китай на целое тысячелетие утрачивает свое влияние в ЦА. Ослабилось влияние Китая в Джунгарии и Кашгарии.

Китайские империи, особенно при династии Мин, сами подвергались экспансии со стороны кочевых народов ЦА и монгольских степей. Великая Китайская стена, возводившаяся в течение почти двух тысяч лет для обороны от кочевников, протянулась на 6 тыс. км². Начиная с III в. до н.э., со времени создания империи сюнну (гуннов) и вплоть до 1644 г., когда кочевники-маньчжуры одолели династию Мин, части империй Поднебесной, нередко на столетия, входили в состав государств, возникавших на ее территории правителями, представлявшими народы Азии, в том числе, народы ЦА.

¹ Сунь Цзы. Бин фа (Искусство войны). URL: <http://www.synologia.ru/a/Сунь-цзы> (дата обращения 16.06.2015).

² История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд. М.: МГУ; Высшая школа, 2002. С. 92.

К XVIII в. Китай, к этому времени находящийся по властью маньчжурской династией Цин, присоединяет территории, относящиеся к нынешнему СУАР. Границы Цинской империи вплотную продвинулись к землям казахов и среднеазиатских народов. Здесь с начала XVIII в. значительно возрастает влияние расширяющейся Российской империи, формирование внешней политики которой учитывало данные земли как сферу своих интересов. С этого периода судьбы народов ЦА, Кашгарии, Джунгарии решались в условиях изменившихся геополитических балансов. Казахстан и Средняя Азия входили в состав или испытывали сильное влияние России, а Синьцзян становился частью Китая.

Исследователи отмечают, что речные и сухопутные пути в казахских степях (в районах Семипалатинской и Семиреченской областей) были очень удобны и пользовались спросом у торговцев. Железные дороги, построенные Россией в Казахстане и Средней Азии, сделали эти пути сообщением еще более выгодные, по сравнению с китайскими путями и путями в Синьцзян из Индии. Товары в Синьцзян было выгоднее везти из России и Средней Азии, чем поставлять из Внутреннего Китая. В Синьцзяне в конце XIX–начале XX вв. действовала почта и телеграф, связывающие регион с Россией; имели хождение российские деньги; русские банки были наиболее активными; российские консульские службы имели широкую юрисдикцию, опираясь на специальных помощников аксакалов и джигитов¹.

Образование КНР в конце 1949 г. по-новому расставило акценты в отношениях с Россией и Средней Азией. Синьцзян, пребывавший несколько лет как квазинезависимая республика под сильным советским влиянием, утрачивает это неопределенное состояние и превращается де-юре и де-факто в часть КНР. К середине 1950-х гг. образуется СУАР КНР. Отношения СУАР с советскими республиками Средней Азии и Казахстаном регламентировались из Москвы и Пекина и зависели от характера отношений между дан-

¹ Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 1997.

ными державами. 14 февраля 1950 г. был заключен «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР. Создавалась принципиально новая основа для отношений между двумя государствами как военно-политическими союзниками.

Помощь, оказываемая со стороны СССР, дала мощный толчок индустриальному развитию КНР, способствовала изменению социальной структуры общества, упрочению позиций Китая на мировой арене. КНР вступила в «клуб ядерных держав», хотя с этим связаны серьезные разногласия в отношениях руководства СССР и КНР. Территория СУАР непосредственно связана со становлением атомного оружия Китая: именно здесь был основан центр Лобнор, где проводились испытания атомного оружия.

В дальнейшем, политические позиции советского и китайского руководства расходились; отношения между двумя странами приобретали все более напряженный характер. Споры по поводу государственных границ, доходили порой до вооруженных пограничных конфликтов. Затрагивались некоторые точки на границах СССР в районах Казахстана и республик Средней Азии. В 1962 г., 67 тыс. жителей уйгурской, а также казахской и киргизской национальности, пересекли советские границы и были приняты в основном в Казахстане и республиках Средней Азии. На советско-китайской границе в 1969 г. во время вооруженного конфликта погибло 68 китайских граждан и 12 граждан СССР. В 1980 г. действия «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» прекратилось в силу его непродления высокими сторонами.

С начала 1980-х гг. китайско-советские отношения развивались на бездоговорной основе, хотя КНР заявляла о готовности возобновить диалог по культурно-экономическим и политическим вопросам. В 1983 г. возобновилась приграничная торговля, что способствовало оживлению двусторонних отношений с более активным участием дипломатов, а также общению приграничного населения СУАР с родственным в этническом отношении народами Средней Азии и Казахстана в составе СССР.

Ослабление, а то и разрыв, кооперационных связей ЦА с Россией тяжело отразился на экономике и социальной сфере многих стран, вызвав депрессионный эффект. Относительно ситуации с депрессивностью региона интересный анализ дают Г.И. Арутюнова и А.А., Султыгова. Они ищут ответ на вопрос: «Зачем Китаю Центральная Азия?» Регионы, располагающие природными ресурсами и удобным местоположением, несмотря на экономическую депрессию, востребованы в соперничестве более сильных государств. Депрессивность экономик Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, с одной стороны, и СУАР, с другой, они рассматривают в необычном ракурсе. Приграничные районы чрезвычайно важны для торговли соседей и особенно – для создания транзитных коридоров из КНР через СУАР с «запада» и на «запад», особенно для импорта сырья и энергоресурсов.

С такой точки зрения, депрессивность не только проблема (вызов), но и ресурс развития. Руководство КНР стратегическую роль своего экономически депрессивного СУАР рассматривает через призму макроэкономического развития КНР, а также логистики и экономической интеграции с Россией и ЦА, прежде всего, а также Пакистаном, Ираном и другими. Это кардинально меняет взгляд на СУАР. КНР приобрела за 30 лет богатый опыт функционирования открытых экономических зон, научно-технических парков и центров. Она готова применить его в СУАР и «делиться» этим опытом, а также инвестициями с соседями, что придает новый импульс многоуровневым интеграционным процессам в ЦА¹.

На наш взгляд, особое внимание следует обратить на исследование роли отношений КНР и ЦА в обеспечении энергетической безопасности. Об этом пишут многие эксперты. Причем, такая оценка не девальвируется в связи с событиями 2015 г., когда снизился экономический рост КНР, а страны ЦА, как и Россия, испытали экономические трудности.

Е. Верлин (в 1990-е гг. работал первым секретарем российского по-

¹ См.: Арутюнова Г.И., Султыгова А.А. Зачем Китаю Центральная Азия? // Наука и образование в XXI веке: теория, практика, инновации: Сб. науч. трудов. Международная научно-практическая конференция. 2 июня 2014 г. В 4 частях. Ч. II. М., 2014.

сольства в КНР) дает оценку роли Синьцзяна в обеспечении энергетической безопасности и показывает причинно-следственные и корреляционные связи энергетических переменных. СУАР «находится на перекрестке энергетических маршрутов», что для КНР имеет «стратегическое значение». Китай заинтересован в стабильности, как СУАР, так и государств ЦА, и отдает отчет в опасности сепаратистов и экстремистов для экономики этого транзитного региона. Беспорядки, помимо всего прочего, ослабляет контроль за несанкционированными отборами углеводородов из трубопровода, как это происходило на Украине. «Если волнения в Синьцзяне не прекратятся, китайцам придется пустить трубопроводы через Россию и Монголию, однако это неоправданно дорого и к тому же вдвое дольше по расстоянию»¹.

В свете последних лет такие оценки нуждаются в корректировке. Стратегия КНР и России не исключает строительство новых трубопроводов, в том числе через районы Иркутска, Алтая, Монголии. Потребности КНР в углеводородах росли, и даже некоторый спад в 2015 г., не пересилит эту тенденцию. Но Е. Верлин прав в том, что маршрут ЦА остается очень выгодным, что много средств вложено в систему трубопроводов, связывающих Россию и КНР через ЦА и СУАР. И этот маршрут, включающийся в северный проект «Экономического пояса Шелкового пути», должен быть сохранен для укрепления энергетической безопасности КНР и региона. Несмотря на то, что скважины и трубопроводы в ЦА нуждаются в модернизации и требуют крупных инвестиций. Казахстан и Туркменистан также имеют выход к Каспию, Азербайджану и Ирану с их высоким нефтегазовым потенциалом.

Региональная энергетическая безопасность (Россия, КНР, регион ЦА) стала одной из важнейших зависимых переменных в международных отношениях. КНР в 2007 г. опубликовала первый документ по энергетической

¹ Соллогуб А. Уйгурская угроза. Цветная революция? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1257715260> (дата обращения: 12.10.2014).

политике¹. Ее оценка включает в себя несколько составляющих: наличие нормальных внешнеполитических отношений экспортеров и импортеров, что подстраховывается диверсификацией источников и юридической проработкой договоров; наличие удобных путей доставки энергоносителей и их безопасность, зависящая от устойчивости политического режима, нейтрализации внесистемных сил (экстремистов и сепаратистов), баланса вызовов и угроз, а также силовых и несиловых («мягкой силы») ресурсов укрепления энергетической безопасности.

Если же сравнивать эти маршруты с другими маршрутами в плане энергетической безопасности, то вырисовывается следующая картина. КНР к 2011 г. экспортировала около 20% энергоносителей из государств Африки, а около 50% из стран Ближнего Востока, в основном морским путем². Нужно учитывать такие моменты, как нестабильность в ряде государств в регионах Ближнего и Среднего Востока (Сомали, Йемен, Сирия, Ирак, Ливия, Нигерия, Судан, Кения, Эритрея и др.). Кроме того, морские пираты действуют в районах Аденского, Оманского, Молуккского проливов. К тому же ВМФ США усиливается и контролирует морские поставки энергоносителей через Индийский океан, заливы и проливы Ближнего Востока, что усиливает труднопредсказуемость вызовов и угроз. Роль данных факторов меняется в зависимости от реальной ситуации, которая складывается и в мировой политике в целом, и с учетом обстановки в ЦА и Синьцзяне. Поставки через регион ЦА и СУАР становятся наиболее спокойным и выгодным маршрутом для транспортировки энергоносителей. При этом, разумеется необходимо поддерживать нормальную («относительно стабильную») социально-политическую обстановку в ЦА и СУАР.

Помимо энергетической безопасности страны ЦА традиционно имели

¹ China's Energy Conditions and Policies. 2007. P. 13. URL: <http://www.ccchina.gov.cn/WebSite/CCChina/UpFile/File229.pdf> (дата обращения 21.06.2015).

² Фан Т. Энергетическая безопасность Китая и китайско-российское энергетическое сотрудничество в XXI в. // *Ars administrandi. Искусство управления.* 2011. № 1. С. 115.

значение для Китая и Синцзяна как рынок потребительских товаров¹. И с 1991 г. весьма успешно действовали китайские компании, содействующие мелким торговцам (шоп-туристам, «челнокам») из стран ЦА и России, которые обеспечивали себе прибыли и создавали условия для экспорта товаров малых и средних предприятий КНР. Поддержка таких предприятий в КНР возведена в ранг направления государственной политики; с них сняты многие ограничения, им предоставляются значительные льготы в налогообложении. Правда, оживление торгово-экономических контактов КНР со странами ЦА выходило за рамки управляемого государством процесса. Казахстанско-китайское торгово-экономическое сотрудничество не только в 1989–1992 гг., но и позднее («китайский бум» на казахстанском, а также и российском рынке), ухудшало ситуацию с местными производителями. Неблагоприятная ситуация относительно спроса-предложения и курсов валют порождала негативное отношение к китайским товарам, с точки зрения их качества. Правда, постепенно эта ситуация улучшалась.

В качестве основных принципов центрально-азиатского направления внешнеэкономической политики КНР выделим следующие:

- экономические связи на основе принципов рыночной экономики с учетом обоюдной выгоды и соблюдения балансов экспорта и импорта;
- сохранение многообразия форм сотрудничества, организация взаиморасчетов через банковские структуры, разрешение предпринимателям из государств ЦА осуществлять торгово-экономические связи со всеми провинциями и городами КНР;
- развитие экономического сотрудничества с ЦА в зависимости от потребностей рынка и исходя из возможности максимального использования средств и сырья;
- постоянное совершенствование условий транспортировки, технического состояния дорог;

¹ Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 1997.

– развитие многостороннего сотрудничества без претензий на расширение сферы экономического влияния КНР в регионе¹.

Эти принципы распространялись в основном и на предпринимателей из России, особенно из приграничных районов Дальнего Востока и Алтая. Международно-правовой основой сотрудничества КНР, ЦА и России стали договоры, заключение которых началось после развала СССР и установления дипломатических отношений с новыми государствами. Они создали хорошие условия для торговли, в том числе, через систему рынков оптовой продажи продукции на приграничных территориях. Была установлена система возврата НДС при экспорте китайских товаров и введены другие меры экономического стимулирования предпринимателей². Все это позволило обеспечить рост экспорта китайских товаров.

Железные и автомобильные дороги через территорию СУАР и ЦА позволяют КНР непосредственно доставлять грузы: в пять постсоветских стран ЦА; в порты Ирана; через Казахстан (по железным и автомобильным дорогам и через Каспий) в Азербайджан и Иран; через Казахстан в Россию и далее в Европу. Страны ЦА, Россия и Китай обсуждают строительство новых железных, в том числе и высокоскоростных дорог, а также логистических центров, в целях увеличения грузовых потоков. КНР помог построить железную дорогу от Кашгара (СУАР), в том числе, по высокогорным участкам в Киргизии. Китай накопил опыт строительства высокогорных дорог, что важно также и для соседей Синьцзяна – Таджикистана, Казахстана и отчасти России в Алтае. КНР помогает Казахстану и России в строительстве высокоскоростных железных дорог.

Правда, сотрудничество между КНР, странами ЦА и Россией в строительстве и использовании железных дорог, осложняется некоторыми техническими проблемами. Например, техническая проблема с шириной колеи. В

¹ См.: Ходжаев А. О Центральноазиатской политике КНР (на основе китайских источников) // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3(51). С. 38-39.

² Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дули дэ Чжунья гоцзя гуаньси (Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии). Харбин, 1996. С. 152-153.

СССР, соответственно, в странах ЦА, ширина колеи составляет 1520 мм (аналогично в других постсоветских странах, Финляндии и Монголии). Часть трансасиатской магистрали России и сейчас проходит через Казахстан. А железнодорожные рельсы в КНР имеют общепринятый в Азии и Европе стандарт 1435 мм. Поэтому на границе происходит смена колесных тележек. Россия хочет сохранять свою систему, в том числе из-за больших расходов на смену колеи. Поэтому колея шириной в 1520 мм будет сохраняться в России и ЦА в ближайшем будущем, хотя планы железнодорожной магистрали через Казахстан включают обсуждение использования колеи шириной в 1435 мм.

Другая проблема касается конкуренции магистралей. Строительство железной дороги по северному маршруту «Экономического пояса Шелкового пути» конкурирует с такими магистралями как транссибирская и БАМ. В рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2008 г. Россия и страны ЦА подписали документ «Концепция формирования Единого транспортного пространства», предусматривший, что государства – участники создают единую систему с использованием общих принципов, единого технического параметрического стандарта «Пространство 1520».

КНР приходится также считаться с имеющимися возражениями местного населения, в том числе, в странах ЦА. К примеру, в Киргизии отдельные учёные высказывают опасения по поводу чрезмерного влияния КНР, выдвигая лозунги защиты окружающей среды. Имеются определенные проблемы также с таможенными переходами, в том числе, на границах с Россией и ЦА.

СУАР занимает одно из центральных мест в планах развития транспортных магистралей. Через южную часть его пролагается железная дорога, параллельно с имеющейся автомобильной трассой в Пакистан. Еще в 1960-х гг. началось строительство государственной дороги в Каракорум. Планируется проложить железную дорогу «Китай – Пакистан» вплоть до порта Гвадар. В конце 2012 г. китайские корпорации уже эксплуатировали этот порт.

В выступлениях китайских лидеров неоднократно отмечалось, что руководство страны в своей экономической политике придает приоритетное значение отношениям с государствами ЦА. С другой стороны, КНР ориентируется на развитие экономических связей по разным направлениям. Китай учитывает интересы России в государствах ЦА¹. Многие проекты, реализуемые в сотрудничестве КНР с государствами непосредственно или опосредованно захватывают интересы СУАР.

Из государств ЦА ключевым является торгово-экономическое взаимодействие КНР с Республикой Казахстан (далее, РК), имеющей самую протяженную из всех стран, границу с СУАР. Осуществляются совместные масштабные коммерческие проекты. Казахстан дальше всех стран ЦА продвинулся в экономическом сотрудничестве с КНР. Заключены договоры о механизме совместного финансирования крупных инвестиционных проектов, на сумму около 5 млрд. долл. И не только в нефтегазовой сфере, но и металлургии, телекоммуникации, информационных технологиях.

Объемы торговли между КНР и РК на протяжении 1992–1999 гг. находились в пределах 210–560 млн. долларов. Устойчивая тенденция к интенсификации китайско-казахстанской торговли обозначилась лишь после 1999 года и за период 1999–2006 гг. двусторонний товарооборот вырос в 15,8 раза. По итогам 2007 г., товарооборот между КНР и РК вырос на 41% по сравнению с предыдущим годом и составил 12,4 млрд. долларов (около 15,7% казахстанского и 0,57% китайского товарооборота). В 2013 г., по данным китайской таможенной службы, объем торговли между КНР и Казахстаном составил 28,6 млрд. долл., т.е. по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. увеличился на 11,4%. Из них китайский экспорт составляет 12,55 млрд. долларов, сопоставимый рост при котором составляет 14,1%, а

¹ Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дули дэ Чжунъя гоцзя гуаньси (Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии). Харбин, 1996. С. 95-96, 300.

импорт – 16,05 млрд. долларов (рост на 9.3%)¹.

Ежегодные объемы торгового оборота между КНР и Кыргызстаном в период 1992-2003 гг. претерпевали скачкообразные изменения и находились в пределах 30–96 млн. долл. Начиная с 2003 г., китайско-кыргызская торговля характеризовалась высокой интенсивностью и поступательным ростом объемов. Так, в период 2003–2007 гг. двусторонний товарооборот увеличился более чем в 10 раз. Для Киргизии особенное значение имеет транзит товаров широкого потребления, приходящих через Синьцзян, в другие страны СНГ. По оценкам ряда экспертов, транзит китайских товаров в постсоветские страны приносит Киргизии не менее 250 млн. долларов в год, что было в отдельные годы примерно сопоставимо с размером его государственного бюджета. Такой транзит китайских товаров составлял 5,073 млрд. долларов, увеличившись на 3,7%, а импорт снизился на 9.4%, что составляет 88,96 млн. долларов².

Вплоть до 2004 г. китайско-таджикские торгово-экономические связи развивались очень медленно, а их объемы были незначительны. Шла гражданская война в Таджикистане (с первой половины 1990-х гг.). Кроме того, общая граница КНР с Таджикистаном (более 500 км) была труднодоступна для торговли, т.к. проходила по высокогорной местности, где отсутствовала транспортная инфраструктура. Поэтому на протяжении 1992–2003 гг. ежегодные объемы китайско-таджикской торговли колебались от 5 до 15 млн. долл. в год. Открытие в 2004 г. автомобильного сообщения между КНР и Таджикистаном через перевал «Кульма» резко увеличило объемы торговли с КНР, соответственно выросло его значение как торгового партнера Таджикистана. По сравнению с 2003 г., уже в 2007 г. двусторонний товарообо-

¹ Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604210/sbgx_604214/ (дата обращения: 15.01.2015).

² Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604258/sbgx_604262/ (дата обращения: 15.01.2015).

рот увеличился более, чем в 46 раз¹. Правда, после этого были и колебания импортных и экспортных объемов торговли.

КНР инвестирует в строительство очень важных объектов. Экспортно-импортный банк КНР финансировал в Таджикистане строительство гидроэлектростанции на р. Зеравшан, линии электропередач и реконструкцию отдельных участков автомобильных дорог. По данным китайской таможенной службы, в 2012 г. объем товарооборота составил 1857 млн. долл., снизившись до 10,26%. Из этой суммы китайский экспорт составил 1748 млн. долларов, составив, по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. падение на 12,47%, а импорт – 109 млн. долл., увеличившись на 50,67%². Для Таджикистана на фоне всех остальных стран региона КНР важна, в первую очередь, как инвестор. Собственные финансовые возможности у Душанбе сильно ограничены. Надежды на масштабные инвестиции из России не всегда оправдывались³.

Торгово-экономические контакты КНР и Узбекистана вплоть до 2002 г. оставались на достаточно низком уровне, не превышая 135 млн. долларов. Главная причина, по заявлениям руководства Узбекистана, заключалась в отсутствии в республике конвертации национальной валюты. После 2002 г. наблюдался поступательный рост китайско-узбекистанской торговли. В течение 2002–2007 гг. двусторонний товарооборот увеличился в 12,2 раза. В последние годы отмечается рост интереса Узбекистана к экономическому взаимодействию с КНР, особенно в нефтегазовой сфере. Узбекистан стре-

¹ Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_29/sbgx/ (дата обращения: 15.01.2015).

² Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604618/sbgx_604622/ (дата обращения: 15.01.2015).

³ В 2013 г. российские инвестиции в Таджикистан сократились по сравнению с 2012 г. на 23,8%. Хотя Газпром успешно инвестировал в геологоразведку месторождений газа и нефти. В то же время товарооборот России и Таджикистана в 2014 г. увеличился на 21,8%, по сравнению с 2013 г., но в 2015 г. за первое полугодие снизился на 16%. В то же время переводы от трудовых мигрантов из России в Таджикистан составляют до 30% и более пополнения валютных резервов. См.: Основные итоги инвестиционного сотрудничества РФ с Республикой Таджикистан // Портал внешнеэкономической информации. URL: www.ved.gov.ru/exportcountries/tj/tj_ru (дата обращения: 16.07.2015).

мится привлечь китайских инвесторов и для участия в проводимой в стране программе приватизации крупных экономических объектов, хотя китайский бизнес пока не столь активно реагирует на такие сигналы из Ташкента. 19 апреля 2011 г. Китайская Национальная Нефтегазовая корпорация и Национальная Холдинговая компания «Узбекистанский Нефтегаз» подписали «Соглашение о строительстве газопровода между Китаем и Узбекистаном». КНР финансировал строительство и модернизацию железных дорог в Узбекистане.

Торгово-экономические связи между КНР и Туркменистаном на протяжении постсоветского времени развивались крайне медленно. В 1990-е гг. ежегодные объемы китайско-туркменской торговли не превышали 37 млн. долларов¹. Тенденция к их интенсификации начала просматриваться с 2001-2002 гг. и уже в 2007 г. по сравнению с 2000 г. двусторонний оборот увеличился в 10 раз. Вероятно, доля челночной торговли в китайско-туркменских отношениях крайне мала. В 2013 г. объем торговли с Туркменистаном составил 10,03 млрд. долларов, уменьшившись на 3,3%. Из них объем экспорта Китая составил 1,13 млрд. долларов, составив по сравнению с аналогичным периодом прошлого года падение на 32,9%, а импорт – 8,89 млрд. долларов, поднявшись на 2,5%². В 2011 г. Народный Банк Китая и Центральный Банк Туркменистана в Пекине подписали своп-соглашение, который составил 700 млн. юаней.³

Руководство Туркменистана рассматривает КНР в качестве важного партнера в нефтегазовой сфере. Уже в 2009 г. на основании договора с КНР Ашхабад планирует начать поставку в Китай до 30 млрд. куб. метров газа или 30% своего газового экспорта ежегодно по трубопроводу, который

¹ Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_32/sbgx/ (дата обращения: 15.01.2015).

² Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604690/sbgx_604694/ (дата обращения: 15.01.2015).

³ Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604762/sbgx_604766/ (дата обращения: 15.01.2015).

пройдет по территории Узбекистана и Казахстана и строительство которого финансируется китайской стороной. Казахстан, Узбекистан также стали сотрудничать с КНР в сфере нефтегазовой промышленности. Начиная с 2009 г. начали использоваться газопроводы, особенно три направления – ветки «А», «В», и «С». Ветка «D» также была завершена.

Эти трубопроводы были проведены из Казахстана в Китай через Алашань. Отправным пунктом переброски газа с запада на восток является СУАР. Трубопровод, общей протяженностью 10 тыс. км, проходя и через другие провинции, доходит до Шанхая и Гонконга. Плановый расчет подачи газа в год составляет от 30 до 40 млрд. кубометров. По данным на 25 декабря 2013 г., газопровод «Центральная Азия – Китай» может перекачивать до 70 млрд. кубометров «голубого топлива».

Говоря о СУАР как транзитной территории, важно подчеркнуть, что, рассматривая энергоресурсы как стратегические, Китай в настоящее время заинтересован в их импорте, но стремится к диверсификации путей импорта таких энергоресурсов. В данный момент доминирует транспортировка морским путем. Для стратегии равновесия перевозки морскими и сухопутными путями, нужно сбалансировать пути импорта энергоресурсов в Китай. Исходя из этого, можно констатировать, что роль СУАР будет возрастать. Тем более, как уже отмечалось, этот регион богат такими природными ресурсами, как нефть, газ, золото, уран, хлопок, которые привлекают внимание многих стран и повышают экономическую значимость региона.

Одновременно с этим, быстрый рост экономики Китая и ее торговых связей способствуют укреплению экономического и торгового сотрудничества в такой форме, как приграничная торговля с участием Синьцзяна, что также играет важную роль в стабилизации ситуации в этих странах. Китай заинтересован в этом в целях укрепления региональной экономической интеграции.

Так, еще с 1986 г. с санкции Министерства внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества КНР СУАР развернул пограничную тор-

говлю, еще с бывшим СССР и Восточной Европой. С тех пор многое изменилось. Объемы приграничной торговли выросли. Общий объем двусторонней приграничной торговли между СУАР и 5-ю странами ЦА за период с 1991 по 2000 гг. составил 6 млрд. 892,5 млн. долларов США (среднегодовой прирост составлял 45%). В целях создания более удобных условий для ведения пограничной торговли, а также снижения риска коммерческой деятельности деловых людей, в настоящее время в г. Урумчи действует пограничный КПП второй категории. Туристы могут совершать покупки непосредственно в Урумчи, оплата производится наличными в долларах США и юанях¹. Ставится вопрос о разработке системы продажи товаров в Синьцзяне на рубли и валюты стран ЦА.

Влияние России на отношения с Китаем в плане развития СУАР можно рассматривать, разделяя его на прямое и опосредованное. Прямое влияние можно рассмотреть через развитие приграничных связей в Алтае, где Россия на небольшой территории граничит с КНР через СУАР. Приграничная торговля, строительство трубопровода «Алтай», строительство дорог, инвестирование в совместные предприятия в Алтайском крае, Горно-Алтайской республике и СУАР, туризм, образовательные контакты, контакты диаспор, обмен делегациями активистов общества дружбы – основные направления прямого сотрудничества СУАР и российского Алтая, которые имеют значительные, еще не использованные ресурсы. Прямые российские контакты с СУАР не ограничиваются приграничьем. Многие регионы РФ, особенно из Сибири выходят на контакты с жителями Синьцзяна и их представителями.

Опосредованное влияние России на развитие СУАР – это взаимодействие с государствами ЦА, инвестирование в проекты железных и автомобильных дорог и трубопроводов из России через ЦА в Синьцзян. В этих вопросах есть некоторые сложности. Кооперация хозяйственной деятельности,

¹ О развитии пограничной торговли в Синьцзяне. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/75042.htm> (дата обращения: 24.09.2014).

сначала в рамках СНГ, затем ЕврАзЭС, теперь ЕАЭС, требует определенного районирования, согласования проектов, в том числе в отношении членов этих организаций с КНР. В мае 2004 г. между Казахстаном и КНР было подписано соглашение о строительстве нефтепровода из Северо-Западного Казахстана до китайской границы, до станции Алашанькоу, с последующим продлением до Центрального Китая. Его первоначальная мощность – 10 млн. тонн нефти в год с возможным увеличением до 30 млн. тонн, что соответствует мощности трубопровода Ангарск-Дацин, от проекта которого ранее отказалась Россия.

Казахстан предложил России использовать новый нефтепровод для поставок своего сырья в КНР в обмен на то, чтобы получить доступ к российским газопроводам для экспорта казахстанского газа в Европу. Это позволило бы России увеличить экспорт нефти в КНР, несмотря на то, что в качестве приоритетного восточного маршрута ею ранее был выбран ориентированный на Японию проект нефтепровода. Реализация предложения Казахстана не требовала от России больших затрат, поскольку может быть использован построенный еще в конце 1980-х гг. нефтепровод Омск-Чарджоу, пересекающийся с трассой казахстанско-китайского трубопровода в начальной точке его маршрута – у поселка Атасу. Казахстану же участие России в проекте позволило бы снизить возможные риски.

В сложном переплетении энергетических интересов экспортеров энергоносителей на постсоветском пространстве РК поддерживала Россию, когда ее пытались обойти в проектах трубопроводов через Грузию и Азербайджан. Также было и с Туркменистанским газом. Россия также шла навстречу данным государствам по ряду вопросов. Президент РК Н.А.Назарбаев, с учетом разведанных месторождений в ЦА, предлагал вариант разделения экспорта энергоносителей: России – с ориентацией в основном на западные страны, а также на загрузку российских энергоносителей в трубопроводы ЦА, а Казахстан и ЦА в целом – с ориентацией на восточные страны, что, по его мнению, отвечало задачам организации экономического пространства

СНГ, а теперь ЕАЭС. Однако, расположение месторождений в России, а также политические и экономические кризисы на Украине, в Молдавии, Грузии, подтвердили необходимость диверсификации российских маршрутов, с упором растущих энергетических потребностей Китая и Японии.

Позитивное влияние России на ситуацию в СУАР возможно также через сотрудничество в рамках северного маршрута «Экономического пояса Шелкового пути», а также через двухсторонние и многосторонние договоры, работу в региональных международных организациях. В частности, в ШОС, в которой практически все члены граничат с СУАР как частью КНР. Так, инвестируя в развитие железных дорог в ЦА, Россия повышает реализуемость проектов Шелкового пути. Строя свой участок автомобильной магистрали из Санкт-Петербурга в Оренбург и в Казахстан, Россия прокладывает, таким образом, пути сообщения в Синьцзян, связывая последний (а также другие районы Китая) с Европой. Такие разнообразные форматы проявляют наличие общих интересов, утверждение России как важного партнера в решении вопросов экономического и культурного сотрудничества, региональной безопасности, в том числе в СУАР.

В борьбе с «тремя силами зла» Россия, Китай, страны ЦА, блокируя экстремистов в России и каждой из данных стран, вносят опосредованный вклад в обеспечение спокойной жизни СУАР. Экстремистские и террористические организации, в своем направлении подрывной работы, тесно взаимодействуют от Африки до Восточной Азии. И такая организация как ОДКБ, в которой Россия играет ведущую роль, борется с наркотрафиком и экстремизмом в ЦА, тем самым создает условия для успешной борьбы с ними в СУАР. Тем более это можно сказать о ШОС, в котором Россия играет важную роль. И эффективно бороться с этими «силами зла» можно только коллективными усилиями.

Важные, хотя и опосредованные предпосылки развития Синьцзяна, Россия вместе с Казахстаном, Белоруссией, Арменией и Киргизией, Таджикистаном, частично с Узбекистаном и Туркменистаном, создает, благодаря

инициативам СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза, а теперь и ЕАЭС, в формировании единого экономического пространства. Такое пространство, уменьшающее число административных барьеров на границах и таможнях, поможет облегчить реализацию проекта «Экономический пояс Шелкового пути», маршруты которого проходят через СУАР, подготовить договоры и регламенты, чтобы быстрее проезжали пассажиры через границы, свободнее шли грузы через таможни, реализовались энергетические проекты, осуществлялся обмен специалистами.

Через такую призму относительно развития СУАР можно рассматривать направления двухсторонних китайско-российских отношений, которые не направлены против каких-либо стран, а работает на взаимовыгодное сотрудничество сторон и развития всего региона. Интересным примером может служить газопровод «Алтай» через границу России в Синьцзян. Он проходит по 6 субъектам РФ, обеспечивая занятость населения, решение социальных вопросов в России, а затем идет в Синьцзян, где решает вопросы энергетической безопасности, развития предприятий, занятости населения и решения социальных вопросов, в том числе и улучшая экологическую обстановку при переводе на газ как более экологичный продукт¹.

В двухсторонних отношениях России и КНР немало противоречий. Правительство РФ занимает в ряде моментов колеблющиеся позиции, например в выборе энергетических приоритетов относительно Японии или КНР в связи со значительным продвижением проектов на Сахалине, в сотрудничестве с Японией и АТЭС. Влияют еще стереотипы российских чиновников и населения о «китайской угрозе» в лице массовой миграции китайцев на дальний Восток и Сибирь. По вопросам реализации проектов трубопроводов «Алтай» и «Сила Сибири» есть также разногласия. Китай предлагает значительно удешевить реализацию российских проектов с помощью китайских инвестиций, путем поставки своего оборудования, привлечения

¹ Алтай // Газпром. URL: www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelins/altai/ (дата обращения: 15.08.2015)

специалистов и рабочей силы. Но в правительстве РФ на это не соглашаются. При этом теряется время, снижается доверие сторон. Китайские компании и правительство КНР может переориентировать свои инвестиции на другие проекты. Упущенные возможности трудно наверстывать.

Восприятие Россией и КНР друг друга, а также формирование в силу этого внешнеполитических отношений, происходит под влиянием сложного комплекса геополитических, экономических, исторических и культурных факторов. В целом, это восприятие имеет двойственный характер, как, с одной, так и с другой стороны. И все же, российская политика в отношении КНР, как и Китая в отношении России, за последние 23 года руководствовалась в основном прагматическими соображениями. Это способствовало постепенному сближению и упрочению контактов между двумя странами. «Стратегическое партнерство», о котором в 1996 г. договорились президент России Б. Ельцин и Председатель КНР – Цзян Цзэминь, первоначально содержало больше риторики, чем содержания. С приходом в 2000 г. В. Путина на пост президента РФ такое партнерство стало приобретать реальные очертания, поскольку экономическое и политическое сотрудничество между странами неуклонно расширялось. В течение последующих десяти лет отношения стратегического партнерства еще более укрепились. Тем более, что с 2014 г. Китай столкнулся с конфликтом в восточном приморье, а Россия подверглась экономическим санкциям из-за событий на Украине.

Все это оказывает влияние на китайско-российские отношения. Тем не менее, сделано очень много мероприятий, идущих на пользу обеим странам. Россия пользуется поддержкой населения в КНР. По опросам общественного мнения (2292 респондента в КНР), на вопрос «Считаете ли Вы Россию близкой Вам страной?» ответы китайцев распределились следующим образом: «очень близкой» Россию назвали 6,24%; «близкой» – 36,47%; «более менее близкой» – 46,9%; «неблизкой» – 4,1%; «совсем не близкой» – 1,75%;

4,54% опрошенных затруднились с ответом¹.

Особенно успешно двусторонние отношения развиваются в последнее десятилетие, в том числе, и непосредственно с СУАР. Только за январь–февраль 2015 г. был отмечен стремительный рост торговли между СУАР и Россией. Объем двусторонней торговли составил 116 млн. долларов США, увеличившись на 113,4%. Торговля с Россией стала бурно растущим направлением внешней торговли СУАР². Российско-китайские отношения динамично развиваются во всех областях, но особенно в экономической и военной сферах.

Россия не стремится к стратегическому военному альянсу с КНР, но нарастающая напряженность в отношениях между США и Россией, а также между странами ЕС и Россией объективно способствует ориентации России на Китай. Пока с российской стороны нередко звучат опасения, что Россия со временем может стать «младшим партнером» КНР или даже превратиться в его сырьевой придаток. Эта тревога стихала по мере того, как Россия становилась более уверенной в себе, благодаря достижениям последних лет. Российское руководство и эксперты по международным отношениям так же, как и политическая элита КНР, понимают, что разрушение союза 1949–1959 гг. между СССР и КНР, и почти полный разрыв отношений между двумя странами в 1960–1970-х гг., были серьезной ошибкой двух стран³.

Отношение России к КНР в определенной степени отражает ее самоидентификацию, то есть представление о себе как об уникальной евразийской державе. Ныне и Китай представляет собой альтернативный центр притяжения, главный «противовес» вызовам и угрозам (политическим, экономическим и культурным) со стороны США. После своего прихода к власти В. Путин в своей первой поездке по Азии, программа которой включала и посещение КНР (2001 г.), указал на важность баланса во внешней полити-

¹ Хорбаладзе Э.Л. Восприятие Китаем России на международной политической арене // Новое слово в науке и практике. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2014. С. 76.

² Жэньминь Жибао. 2015. 24 марта.

³ История Китая. М., 2002.

ке своей страны: «Россия большое и сложное государство, которое расположено и в Азии, и в Европе... Россия опиралась, и будет опираться как бы на два крыла – европейское и азиатское...»¹.

Б. Ельцин обозначил роль КНР как противовеса Западу еще в 1995 г.: «Китай является для нас важнейшим государством. Это наш сосед, с которым мы имеем самую длинную границу в мире и с которым нам навечно суждено работать бок о бок. От успеха сотрудничества с Китаем зависит будущее России. Отношения с Китаем чрезвычайно важны для нас и с точки зрения глобальной политики. Мы можем опереться на плечо Китая в отношениях с Западом. Тогда Запад станет относиться к России с большим уважением». В. Путин неоднократно предпринимал шаги в сторону улучшения отношений с КНР в качестве альтернативы прозападной внешней политики, когда США недостаточно принимали во внимание интересы России.

Продажа российского оружия КНР вызывают беспокойство в США. В 1990-х гг. Россия поставляла КНР оружие в среднем на 1-2 млрд. долларов в год. В 2000 гг. объем ежегодных продаж был доведен уже от 2 до 3 млрд. долларов (примерно от 30 до 40 % от общего объема продаж российского оружия). В настоящее время китайско-русская двусторонняя торговля оружием продолжается увеличиваться. Беспокойство в США по поводу сближения России с КНР усилилось в 2005 г., когда Москва и Пекин оказали поддержку президенту Узбекистана И. Каримову, подавившему в мае восстание в Андижане, что привело к протестам США и выдворению их авиабазы из узбекистанского Карши-Ханабада.

Российская политика в отношении КНР определяется традиционными соображениями реальной политики, всегда реагирующей на динамику возвышения и упадка великих держав. Восприятие КНР при этом часто зависит от состояния российско-американских отношений и в целом уровня партнерства России с Западом. В 1990-х гг., когда Россия испытывала серъ-

¹ Интервью В. Путина китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. 16 июля 2000 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24168> (дата обращения: 27.09.2014).

езное недовольство политикой расширения НАТО, позициями НАТО по Боснии и Герцеговине, Косово, отношением США к ОСВ и ПРО, правительство Б. Ельцина начало сближаться с КНР. В последние годы политика США по продвижению «демократии» и рост американского влияния в постсоветских странах, в том числе ЦА, затем нападение Грузии в августе 2008 г. на российских миротворцев и ее граждан в Южной Осетии, события на Украине в 2014–2015 гг. также побуждают руководство России искать сближения с КНР.

Прагматизм такого курса КНР и России дает определенные плоды. В 2008 г., когда Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, КНР, всегда осуждавшая сепаратизм, весьма сдержанно отнеслась к данным актам России. Это помогло России нейтрализовать информационную атаку СМИ в США и ЕС. В 2014 г. КНР не стал осуждать присоединение Крыма к России и помощь Донбассу, хотя и не принял во время совместных учений военных кораблей России и США в Средиземном море (2015 г.) приглашения посетить базу в Севастополе. Но сдержанная позиция КНР к политике России помогла ослабить последствия действий США, Канады, Австралии, ЕС по экономической и политической изоляции России. Россия осудила заявление официальных кругов США ввести санкции против КНР в связи с обвинениями в киберских атаках в августе 2015 г.

Символами политического взаимопонимания сторон стало и личное участие Председателя КНР Си Цзиньпина с супругой на праздновании 70-летия победы СССР в Великой Отечественной войне. Главы США и государств ЕС демонстративно отказались от такого участия. Президент России В.В. Путин, в свою очередь, принял приглашение участвовать в праздновании 70-летия победы китайского народа в войне с империалистической Японией.

3.2. Роль внешнеполитической деятельности КНР в политической стабилизации в СУАР и Центральной Азии

После развала СССР и мировой системы социализма (в частности, в Совет экономической взаимопомощи – СЭВ входили такие азиатские страны как Монголия и Вьетнам) в ЦА образовалось пять новых суверенных государств у западных границ КНР. СССР в 1989 г. вывел свои войска из Афганистана (по этому вопросу между СССР и КНР были серьезные разногласия). Формирование новых государств шло преимущественно на основе национального и конфессионального размежевания, которое поддерживалось националистическими силами.

Новым субъектам международного права еще предстояло осознать модели и направления дальнейшего развития, определиться с приоритетами во внутренней и внешней политике. Развал СССР, который значительная часть населения в советских республиках Средней Азии не ожидала и не поддерживала, привел, как в России, так и в новых государствах ЦА, к состоянию социально-экономического, политического и идеологического хаоса.

Это потребовало изменения стратегически важных внешнеполитических подходов КНР в таком регионе, как ЦА, где, как казалось еще в середине 1980-х гг., сферы влияния уже были четко определены. ЦА рассматривалась теперь как сфера жизненных интересов КНР, серьезно влияющая на региональную безопасность и политическую ситуацию в Синьцзяне. В дальнейшем от внутривнутриполитического состояния в данных государствах и их внешних сношений все более зависела энергетическая безопасность КНР. Этот регион оказался в зоне постоянного внимания руководства КНР и китайских экспертов. Считаясь с интересами России в данном регионе и национальными интересами государств ЦА, КНР, тем не менее, оказывал сильное политическое, экономическое и культурное влияние.

КНР одна из первых объявила о дипломатическом признании новых государств ЦА. В начале 1992 г. установлены дипломатические отношения:

2 января с Узбекистаном, 3 января – Казахстаном, 4 января – Таджикистаном, 5 января – Кыргызстаном, 6 января – Туркменистаном. В Пекине, Шанхае, Ланьчжоу, Урумчи, затем в Кашгаре появились научные центры, в которых работали исследователи из КНР и государств ЦА, развернувшие всесторонние исследования региона и выработку рекомендаций для корректировки центральноазиатской политики руководства КНР.

В реализации этой политики КНР по отношению к государствам ЦА выделяются четыре этапа, на каждом из которых решались специфические задачи, обеспечивающие стабилизацию политических процессов и определяющие место Синьцзяна в них. Китай традиционно рассматривал ЦА как зону жизненно важных интересов сначала царской России, затем СССР, и на протяжении почти 200 лет практически не оспаривал российскую гегемонию в регионе. После распада СССР и образования государств в ЦА и вокруг нее руководство КНР столкнулось с острой необходимостью срочного формирования центральноазиатского вектора своей внешней политики.

Развал СССР привел к возникновению на постсоветском пространстве 15-ти новых государств, в том числе, 5-ти новых азиатских государств и России. Для многих людей в этих республиках такая независимость свалилась неожиданно¹. Россия и три центрально-азиатские страны граничат с КНР по территории Синьцзяна; в них существуют достаточно крупные этнические диаспоры уйгуров, а в пределах СУАР, помимо уйгуров, живет немало тюркских народов (казахи, киргизы, узбеки, туркмены) и ираноязычных таджиков.

Внезапное появление в непосредственной близости от КНР новых независимых государств и последовавший вслед за этим спешный «уход» России из региона было довольно неожиданно, в том числе для Пекина. Эти события привели к образованию в ЦА геополитического вакуума и превратили регион в зону столкновения интересов внутренних и внешних сил

¹ Задорин И.В. Интеграционные ориентации населения стран СНГ // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 139.

Первый этап (начало 1990-х гг. – середина 1995 гг.) связан с переоценкой Китаем новых реалий в ЦА и вокруг него, установление дипломатических отношений, формирование доверия и договорно-правовой базы, прежде всего в контексте территориальных споров, унаследованных от противостояния КНР и СССР. Ослабление позиций Москвы в регионе ЦА и Среднего Востока, потенциальная угроза негативного воздействия происходивших там процессов на население СУАР требовало от руководства КНР пересмотра своей внешней и внутренней политики. В Афганистане политическая и гуманитарная ситуация обострилась по мере активизации талибов, имевших базы, в том числе, в Пакистане и оттеснивших правительственные войска из ряда районов афганского государства. В войне участвовали немало объединений, построенных по национально-территориальному принципу и укомплектованных таджиками, узбеками и другими народами, имевшими соотечественников, как в ЦА, так и Синьцзяне. По сути, вблизи границ СУАР разгорелась гражданская война в Таджикистане (1992–1996 гг.). Все это создавало угрозы безопасности СУАР и КНР в целом, предпосылки усиления сепаратистских сил, религиозных экстремистов и террористических организаций в Синьцзяне.

В силу неопределенности развития ситуации в регионе, руководство КНР оказалось не сразу готово к проведению концептуально осмысленной внешней политики в ЦА. КНР старалась не углубляться в анализ «внутренних проблем» региона, сосредоточиться на решении первоочередных межгосударственных вопросов с центрально-азиатскими государствами: налаживание дипломатических контактов; урегулирование совместно с Россией территориальных споров, унаследованных от китайско-советского периода; выработка согласованных подходов к решению проблем уйгурского сепаратизма и экстремизма в ЦА. Требовалось скорейшее обновление договорно-правовой базы и формирование доверия между КНР, Россией, государствами ЦА.

Встречное движение было и со стороны центральноазиатских госу-

дарств. Заявления и политические действия руководства этих республик, особенно Казахстана, влияли на определение внешнеполитической стратегии КНР на постсоветском пространстве. Еще в рамках существования СССР в июле 1991 г. состоялся визит в КНР Н.А. Назарбаева. Достигнутые в его ходе договоренности означали, что крупнейшая и обладающая наибольшим социально-экономическим потенциалом республика была готова к укреплению торгово-экономических, а в случае радикального изменения ситуации в СССР и политических контактов с КНР¹.

В декабре 1991 г. министр внешней торговли КНР Ли Ланьцин в составе правительственной делегации совершил ознакомительную поездку в Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. Цель поездок – подготовка базы для подписания двусторонних торгово-экономических соглашений. В течение 1992 г., в свою очередь, КНР посещают председатель Правительства Казахстана С. Терещенко, Президенты других четырех суверенных республик И. Каримов, А. Акаев, С. Ниязов и Э. Рахмонов. Подписаны документы о двухстороннем торгово-экономическом, научно-техническом и информационном сотрудничестве этих государств с КНР. В ходе визитов руководители данных республик заверяли китайское руководство, что опасения по поводу «возрождения исламского фундаментализма» на территории постсоветской ЦА не имеют серьезных оснований. После этих переговоров стремительно увеличивался объем торговли с КНР, прежде всего, из СУАР и через территорию СУАР для заполнения товарного недостатка на центральноазиатском рынке после разрушения внутрисоюзных экономических связей.

Второй этап (середина 1990-х гг. – 11 сентября 2001 г.) характеризуется формированием в ЦА с участием КНР механизмов и институтов регионального сотрудничества и решения споров, расширением китайского экономического присутствия. В течение этого периода США укрепились в ЦА.

¹ Кан Цзэ минь. Чжон го юуи. ха са ке си тан чжан луе хе цзо хо бан гуан си шу пин, цзе цзун вэ го юуй сие юуан се бао (Стратегическое партнерство Китая и Казахстана) // PLA, Институт международного Studies Review. 2006. № 6. С. 115.

КНР строила свои торгово-экономические контакты с государствами ЦА дифференцировано, исходя, прежде всего, из интересов экономического развития. Появились «приоритетные» государства, которым отводилась первостепенная роль в развитии политических и экономических связей. В то же время не ослаблялись связи и с республиками «второго эшелона». Их внешнеполитический вес, в первую очередь, зависел от позиций руководства государств и приоритетами их внешнеэкономической деятельности.

В «приоритетную» группу помимо России входили государства, связанные с КНР общей границей (Казахстан, Киргизия, Таджикистан) и общими проблемами сохранения национальной и региональной безопасности в условиях нарастающей угрозы терроризма. Именно эти страны вместе с Россией и КНР подписали в апреле 1996 г. в Шанхае Договор об укреплении доверия в военной области в районе границы («Шанхайская пятерка»). Проводились ежегодные саммиты «пятерки», образовались постоянные структуры, на основе которых сначала образовалась «шестерка» государств (плюс Узбекистан), ставшая потом Шанхайской организацией сотрудничества в 2001 г. (далее – ШОС)

Третий этап, мы определяем рамками от событий 11 сентября 2001 г. до 2011 г. Период изобилует военными столкновениями и обострением политической ситуации, в том числе и в ЦА. В декабре 2001 г. Совет Безопасности ООН одобрил начало военной операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане под эгидой США. Против этого решительно выступило исламское духовенство Пакистана. Действия коалиции способствовали вытеснению талибов в северо-западный Пакистан (Вазиристан) и стало толчком к началу там в 2004 г. войны пуштунских племен с правительственными войсками, в результате чего пуштуны устанавливали контроль в этом районе; трижды заключалось перемирие, но возобновлялись военные действия. В Пакистане активизировалась Аль-Каида. Подразделения военных сил США пытались помочь правительственным войскам Пакистана. Вместе с тем США проводили там и секретные операции, не со-

гласованные с правительством страны. Произошло обострение отношений Пакистан – США. В этот период произошли трагические события в Узбекистане (теракты в Ташкенте и Бухаре, 2004 г. и вооруженные беспорядки в Андижане 2005 г.), Синьцзяне (2009), свидетельствующие о сохранении почвы для межнациональной напряженности в данном регионе. В Киргизии за этот период дважды произошла смена власти в 2005 г. (с множеством жертв). После этого переворота Руководство Киргизии разрешило США перевести на базу МАНАС части транспортных самолетов США, выводимых из Узбекистана.

Данный этап характеризовался и позитивными моментами. Образовался ШОС, который институционально постоянно укреплялся, прирастая государствами в статусе стран-наблюдателей и стран-партнеров по диалогу ШОС (Монголия, Иран, Шри-Ланка, Белоруссия). Пакистан начал сближаться с ШОС. Активность внешней политики КНР наблюдалась практически по всем направлениям сотрудничества. Поступательно развивался ШОС. Активизировалась роль КНР в становлении ШОС. Последний рекомендовал на своем саммите членам ШОС определить конечные сроки пребывания баз США в ЦА. Узбекистан после событий в Андижане 2005 г., года Вашингтон официально потребовал независимого расследования этих событий, добился вывода войск США из военной базы в Карши-Ханабаде. В 2010 г. новое правительство Киргизии заявило о необходимости вывода авиабазы США из Манаса. Интенсифицировались контакты РИК (Россия – Индия – Китай), затем образования БРИК, переросшего в БРИКС.

Граница окончания третьего периода совпала с обострением обстановки в Сирии и Ливии, событиями «арабской весны» в Тунисе и Египте, отразившимися на ситуации во всем Среднем Востоке и ЦА. 2011 г. связан и с внутривосточными изменениями, в частности, подготовкой смены руководства в КНР и корректировкой внешнеполитических ориентиров Китая. Бывший тогда заместителем Председателя КНР, заместителем Центрального военного совета КПК и Центральным военным советом КНР Син Цзинь-

пин 17 января 2011 г. обозначил первоочередные задачи КНР во внешней политике. Это создание мирного и благоприятного международного климата для использования важных стратегических шансов Китая¹. Этот год обозначился подготовкой возвращения В.В. Путина к президентству в России и активизацией оппозиции (события на Болотной площади в Москве). С июля 2001 г. начался вывод войск США и коалиции из Афганистана.

Четвертый период с 2011 г. по настоящее время связан с ужесточением позиции США в регионах ЦА и АТР, а также по отношению к России и КНР. На ситуацию в регионе влияло и обострение отношений России с ЕС по мере обострения ситуации в Молдавии и Украине, руководство которых приближалось к подписанию с ЕС соглашения об интеграции. Но в целом в регионе ЦА в этот период Россия и КНР усилили свои позиции, сыграли основную роль в укреплении ШОС. Си Цзиньпин стал Генеральным секретарем КПК, Председателем Центрального военного совета КНР, Председателем КНР. В.В. Путин был избран в 2012 г. Президентом России (срок президентства к этому времени продлялся до 6 лет). Правительство Киргизии добилось начала вывода базы США из Манаса.

Для анализа политической стабилизации в регионе особое значение имело разрешение территориальных споров, которые неизбежно обострились после распада СССР и возникновения новых государств. Разрешение таких споров способствовало бы долгосрочному и стабильному сотрудничеству с использованием такого ресурса как геополитическое положение СУАР для укрепления безопасности в регионе и национальной безопасности и дальнейшей интеграции государств. Китай уже имел положительный опыт разрешения таких споров, подписав договоры о нерушимости границ с Монголией (1962), Афганистаном (1963) и Пакистаном (1965).

В решении территориальных споров приоритетное значение имела Республика Казахстан (РК), диапазон отношений с которой стал наиболее широким, в том числе в обеспечении региональной и национальной безо-

¹ Каукенова Т. «Наследный принц» Китая // Forbes. Kazakhstan. 2012. No 8.

пасности. Решение данных вопросов могло ослабить, действующие в Казахстане уйгурские организации, выступающие за отделение Синьцзяна от КНР. В КНР проживает более 1,5 млн. этнических казахов, являющихся гражданами КНР, а протяженность государственной границы (в 1,7 тыс. км), что позволило вопросам уточнения границ приобрести особое значение.

В результате четырехлетних переговоров Казахстан и КНР получили юридически оформленную границу на всем ее протяжении. Казахстан стал первым из государств ЦА, с которым Китаю удалось урегулировать территориальные споры. 26 апреля 1994 г. между КНР и РК был заключен договор «О казахстанско-китайской государственной границе», определивший линию прохождения границы на всем ее протяжении, за исключением двух участков – в районе Сары-Чельды и перевалов Чаган-Обо и Баймурза. Спор шел о 944 кв. км территории. Лишь в сентябре 1997 г. было подписано дополнительное соглашение о границе. 4 июля 1998 г. это дополнительное соглашение было подтверждено, а в 1999 г. ратифицировано парламентом РК.

По соглашениям, 407 кв. км спорной территории отошли к КНР, а 537 кв. км – РК. РК удовлетворила требование КНР о ликвидации сооружений, возведенных в СССР в качестве единой оборонительной системы. В частности, Хоргосского укрепрайона, прикрывавшего пути на Алма-Ату, с разветвленной системой огневых точек, мощными минными полями и дислоцированными двумя полками, имевшими на вооружении, в том числе, огнеметные танки¹. 29 июля 2003 г. протокол «О Казахстанско-китайской государственной границе» вступил в силу, определил линию прохождения государственной границы (1782,75 км)².

Был решен также территориальный пограничный вопрос и де-юре оп-

¹ О ратификации Дополнительного Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе. 1999 г. URL: [www.http://tengrinews.kz/zakon/docs?ngr=Z990000351_](http://tengrinews.kz/zakon/docs?ngr=Z990000351_) (дата обращения: 22.09.2014).

² Чжон хуа жен мин гон хе гобиан цзе ши ву тиао юе цзи, чжон ха цзуан (Китайско-казахстанская граница: Обзор / Народная Республика Китай. Министерство департамента иностранных дел. Договорно-правовой кодекс «Границы Народной Республики Китая: коллекции Договора деятельности» // Дела World Press. 2005. С. 2.

ределена граница между КНР и Кыргызстаном. Двусторонние консультации между Пекином и Бишкеком по пограничным вопросам начались в 1992 г. До 1996 г. КНР и Киргизии частично удалось согласовать линию границы протяженностью более 1000 км. Наиболее сложными стали переговоры о спорных участках в районе перевала Бедель (водозабор реки Узенгю-Кууш) и горного пика Хан-Тенгри. 4 июля 1996 г. Киргизия и КНР подписали соглашение «О кыргызско-китайской границе», а 17 марта 1997 г. парламент Киргизии его ратифицировал. Спорные участки соглашением получали особый статус, по ним решение вопроса было отложено. По договору 1996 г. киргизская сторона уступила КНР 87 тыс. га своей территории.

В 1999 г. стороны подписали дополнительное соглашение о территориальных уступках в пользу КНР. В 2002 г. они были ратифицированы парламентом Киргизии. В дополнительном соглашении от 26 августа 1999 г. предусмотрено, что от спорного Бедельского участка (площадь 2480 кв. км), к КНР отошли около 900 кв. км, включая из участка, прилегающего к пику Хан-Тенгри – 161 кв. км (из спорных 450 кв. км), а также участок Боз-Амир-Ходжент площадью в 20 га (полностью).

После смены власти в Киргизии в мае 2005 г. новое руководство не раз заявляло о желании пересмотреть подписанное при Аскаре Акаеве соглашение с КНР. Но в ходе своего первого государственного визита в КНР 9–10 июня 2006 г. тогдашний президент Киргизии Курманбек Бакиев и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию об окончательном решении пограничных споров и отказе от пересмотра ранее подписанных документов в этой области¹. Протяженность согласованной межгосударственной китайско-киргизской границы после двусторонних переговоров между КНР и Киргизией составляет 1086 км.

Решение данных споров помогает поддерживать лояльность синьцзянских кыргызов в Кызылсу-Кыргызском автономном округе. Кыргызы,

¹ Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_13/sbgx/ (дата обращения: 18.09.2014).

как правило, не поддаются антиханьской пропаганде и не включаются в антиханьские движения уйгуров¹.

Китайско-таджикские отношения по общей направленности схожи с китайско-кыргызскими контактами. Решение погранично-территориальных споров с Таджикистаном, где КНР претендовал на часть Горно-Бадахшанской автономной области, оказалось наиболее длительным по времени, на что повлияла во многом гражданская война в Таджикистане. Стороны долго не могли окончательно урегулировать вопрос о прохождении общей границы, протяженностью 519 км.

В 1999 г. состоялся визит президента Таджикистана в КНР. Было подписано соглашение «О таджикско-китайской государственной границе», по которому Таджикистан сохранял полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Карзак, но уступал КНР около 200 кв. км другого спорного участка близ реки Маркансу². Несогласованным оставался вопрос о Памирском высокогорном участке. Были также подписаны совместная китайско-таджикская декларация, межправительственные соглашения о совместной борьбе с незаконным оборотом наркотиков и автотранспортном сообщении между двумя странами.

17 мая 2002 г. стороны подписали дополнительное соглашение «О демаркации границы и урегулировании территориальных споров», согласно которому Таджикистан передавал КНР 1000 кв. км спорных территорий в районе Большого Памира³. 27 апреля 2010 г. министры иностранных дел Китая и Таджикистана в Пекине подписали протокол «О демаркации границ

¹ Мотыкеева Р.Б. Кыргызская община в Китае: особенности формирования, социально-экономического и культурного развития. Дисс. ...канд. ист. наук. М., 2008.

² URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-01/04/content_5008910.htm (дата обращения: 15.10.2014).

³ Чжон Хуа жен мин гон хе го хе тацзи ке си тан гон хе го гуан юй чжон та го зе де бу чон гуй дин, цюань го жен мин дэ бiao да хуй чан у вы юан хуй гон бао 2003 (Народная Республика Китай и Республика Таджикистан граничат в соответствии с Дополнительным соглашением, как сообщил Постоянный комитет общественности Всекитайского собрания народных представителей в 2003). URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604618/sbgx_604622/ (дата обращения: 27.11.2014).

между КНР и Таджикистаном». 12 января 2011 г. нижняя палата парламента Таджикистана ратифицировала протокол «О демаркации границ».

Правительства КНР, России и Монголии также согласовали вопросы о точках западного и восточного стыка государственных границ трех государств (западный стык касается границ на территории СУАР)¹.

Сохраняются территориальные споры КНР с Индией. В пограничном вопросе между КНР и Индией всегда были разногласия, касающиеся южной части Синьцзяна, граничащей с Индией и насчитывающей 33000 кв.км. Эта территория фактически открывает дорогу в Тибет. Стороны договорились отложить решение спора на неопределенное время. По фактическому положению, население и коммерсанты обеих стран пользуются дорогами, проходящими по этой территории. Тем не менее, Индия строит тоннели, для обеспечения лучшей проходимости дорог, в том числе, при переброске войск в спорных регионах.

Территориальные споры с Россией в прошлом были отягощены, как уже отмечалось, вооруженным конфликтом у озера Жаланашколь 13 августа 1969 г. между советскими пограничниками и китайскими военнослужащими, нарушившими границу тогдашнего СССР. Западные части границы между двумя государствами долгое время были четко не определены. В конце истории СССР между двумя странами начались переговоры об уточнении границ. После распада СССР КНР и страны ЦА продолжили переговоры об уточнении границ. В 1995 г. Россия и КНР ратифицировали соглашение о границе между двумя государствами, протяженностью 55 км, касающейся территории Алтая (выходит на границу с СУАР).

В мае 2005 г. Государственная Дума РФ ратифицировала дополнительное соглашение о российско-китайской границе в ее восточной части.

¹ Постановление Правительства РФ от 22 марта 1995 г. № 294 «О подписании протокола-описания точки Восточного стыка государственных границ трех государств между Правительством Российской Федерации, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Монголии и Протокола-описания точки Западного стыка государственных границ трех государств между Правительством Российской Федерации, Правительством Монголии и Правительством Китайской Народной Республики».

Соглашение урегулировало разногласия по последним спорным участкам, которые проходят по рекам Амур и Аргун, а также о нескольких расположенных там островах. Острова решили поделить примерно поровну. Комментируя данное решение, К. Косачев, тогда председатель комитета по международным делам Госдумы России заявил, что «достигнутый компромисс отвечает интересам России, потому что устраняет возможный очаг напряженности»¹.

Хотя большинство названных приграничных конфликтов и территориальных споров касается сухопутных (в том числе, по рекам) территорий СУАР, государств ЦА и России, значение такой внешнеполитической практики выходит далеко за рамки региональной проблематики. Компромиссы в переговорах по сухопутным границам СУАР, государств ЦА и России дают примеры для разрешения имеющихся территориальных споров в приморских провинциях КНР (территориальные споры с Японией, Филиппинами, Вьетнамом).

Устранение большинства территориальных споров на западных границах КНР стало основой устойчивой стратегии, позволяющей говорить о формировании концепции «ответственной державы». Стабилизация внешнеполитической ситуации в регионе способствовала углублению сотрудничества, перерастающего по ряду направлений в интеграционные процессы, включающие КНР, государства ЦА, Россию, Индию, Пакистан, Афганистан. Все это непосредственно касается СУАР.

Интеграция России и государств ЦА (и других бывших республик СССР) активно продвигалась руководством России еще во время переговоров о судьбе СССР и сразу же после распада СССР. Вслед за образованием Содружества Независимых Государств – СНГ (1991 г.) развернулась работа по формированию единого экономического пространства в рамках СНГ. В работе СНГ участвовали сначала до 12 государств. Особенно активную роль

¹ Территориальных споров между Россией и Китаем больше нет. URL: <http://www.itv.ru/news/polit/52749> (дата обращения: 15.10.2014).

в этом процессе играли Казахстан, Россия, Белоруссия. В 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В 2010 г. был создан Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана. Действовало также Единое экономическое пространство, в котором помимо названных трех государств участвовала еще Украина. В 2014 г. была достигнута договоренность о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), куда сначала вошли Казахстан, Россия, Белоруссия, затем Армения и Кыргызстан. Рассматривается вопрос об участии в ЕАЭС Таджикистана. Интеграционные процессы с участием стран ЦА непосредственно затрагивают СУАР как западную часть КНР, могут открывать перспективы развития его экономики.

КНР, по мере превращения в крупнейшего импортера углеводородных энергоносителей, обусловила ряд зависимостей в области энергетической безопасности, остро влияющих не только на свою экономику, но и на российскую, и государств ЦА. Поэтому безопасность и политическая стабилизация в регионе включает такие аспекты:

1. Геополитическое положение государств, уровень социально-экономического потенциала и характер двухсторонних отношений с Россией, США, КНР, Японией, нефтедобывающими странами мусульманского мира, роль государства внутри отношений между государствами ЦА, вовлеченность его в международную интеграцию.

2. Внешняя политика Китая, ставшего мировым лидером, начинает существенным образом определять обстановку и интеграционный потенциал в том или ином государстве ЦА, а также совместимость моделей социально-экономического и политического развития отдельных государств ЦА с китайской моделью развития и внешнеполитическими установками КНР.

3. Внутриполитическая обстановка в государствах ЦА: влияние правительственных сил и конструктивной оппозиции, наличие и влияние экстремистских сил внутри каждого государства, возможности руководства отдельных стран контролировать развитие экономической и политической ситуации, влияние этнических диаспор, их расположенность к социальным

и межэтническим конфликтам, наличие салафитских течений и их склонность к религиозному экстремизму, степень воздействия исламских организаций на руководство страны, проводимую последним внешнюю и внутреннюю политику.

4. Соотношение политических сил внутри КНР, балансирование интересов политических и экономических элит, соотношение политических сил и степень активности националистических и сепаратистских сил («трех зол» – терроризма, религиозного экстремизма, сепаратизма) в СУАР.

Эти факторы влияют на интеграционные потенциалы России, КНР, стран ЦА. Большинство российских политиков понимали важность сохранения экономических и политических связей с таким регионом, как ЦА. В 1990-х гг. ряд ученых, в частности, А.Г. Дугин разрабатывали теорию постепенного строительства Великой Евразийской Империи. А.Г. Дугин считал, что в случае геополитической интеграции на пространстве Евразии возникнут несколько цивилизационных объединений (империй), которые и будут обеспечивать реальную геополитическую полицентричность. По мнению А.Г. Дугина, «только в таком многополярном мире у России есть шанс и сохранить свой суверенитет и идентичность, и остаться включенной в процесс технологической модернизации»¹. Он ведет речь о будущей Евразийской империи, включающей Россию и со временем большинство стран СНГ. Это позволило бы сохранить цивилизационные границы. Но процесс такой интеграции довольно длительный и неравномерный, как это видно на примере Европейского Экономического Сообщества и Европейского союза².

Эта теория подвергалась жесткой критике, что напоминало старые споры российских западников и славянофилов. Но события 2014 и 2015 гг., когда происходило охлаждение отношений с США и ЕС, подтвердили мнение, что национальные интересы России и стран ЦА связаны не только с

¹ Дугин А. Г. Проект «Евразия». М., 2004.

² Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. 2013. Январь – апрель. С. 9.

Европой, но и в значительной мере с бурно развивающимся Востоком, особенно с развитием КНР, Индии, Ирана. Об этом свидетельствовало и становление ШОС.

Разумеется на этом направлении не обойтись без проблем. Так руководство КНР учитывает зависимость политической стабильности в регионе от ограничения влияния на мусульманские регионы Китая религиозных фундаменталистов и пантюркистов. Ставилась задача «всеми силами поддерживать существующую политическую власть в государствах Центральной Азии», которая «также сохраняет настороженность по отношению к пантюркизму и фундаментализму, строго ограничивая сферы их влияния, особенно исламского фундаментализма»¹. А сохранение стабильности в преимущественно мусульманских районах КНР, по мнению как центрального, так и регионального руководства КНР, находится в прямой зависимости от ситуации в обретших независимость соседних мусульманских республиках.

Значительную активность по участию в разных формах сотрудничества и интеграции проявляет Китай. В настоящее время КНР – член разнообразных межгосударственных организаций, принимает активное участие в создании региональных групп, подписал более 300 международных договоров. КНР входит в состав ООН и ее специализированных учреждений, является постоянным членом Совета Безопасности ООН, а также членом ВТО, ШОС, БРИКС, форума АТЭС, форума сотрудничества Китай-Африка, активно взаимодействует с АСЕАН (АСЕАН+1), принимает участие в работе «Большой двадцатки» и т.д.²

Для СУАР и Китая в целом, особое значение имело создание ШОС. ШОС стала ответом на новые вызовы в сфере безопасности, с которыми сталкивается китайское руководство, преследовавшее цели предотвратить

¹ Чжун'Я. Яньцзю (пилотный номер). Пекин, 1993. С. 29.

² См.: Лисицкая М.В. Китай в современной системе многосторонних институтов // Актуальные проблемы современных международных отношений: вестник ИИиМО СГУ. Вып. 4. Саратов, 2014. С. 15.

такие внутренние угрозы, как терроризм и наркотрафик. Важно было также контролировать влияние на регион, оказываемое в той или иной степени разными внешними силами, как государствами, так и негосударственными объединениями, а также маргинальными движениями. Интерес к данному региону проявляют многие государства, как соседи, так и отдаленные страны, в том числе государства ЦА, Россия, Монголия, Индия, Иран, Турция, Япония, Корея, США. Так Японию разработала стратегию евразийской дипломатии, направленную на страны ЦА, развивает такую форму как «Диалог Центральная Азия плюс Япония» До этого предлагались проекты МИД Японии «Дуга свободы и процветания» (2006), «Евразийский перекресток» (2009) Т. Асо¹. Подобные программы развивает Республика Корея. В США готовили концепцию «Большой Центральной Азии».

Руководство КНР осторожно относится к таким концепциям, поскольку они могут быть направлены на ослабление влияния КНР и его союзников путем предложения различных моделей развития. Борьба за энергетические ресурсы предполагает ожесточенную конкуренцию, в результате которой может нарушиться сложившийся баланс в регионе.

Так японская концепция «Евразийский перекресток» предполагала развитие нового Шелкового пути из ЦА к Персидскому заливу. В июле 2011 г. во время американо-индийского стратегического диалога (Ченнаи, Индия) тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон озвучила программу «Нового Шёлкового пути», которая могла бы вести к ослаблению транспортно-логистического потенциала и возможностей России. Позднее, в ноябре 2012 г., выступая в Сингапурском университете менеджмента, Х. Клинтон заявила о возможном решении проблемы Афганистана путем построения на его территории транспортно-логистических узлов, что помогло бы найти замену выращиванию там опиумного мака, производство которого выросло в по-

¹ Добринская О.И. О чем ведется диалог «Центральная Азия плюс Япония» // Промышленный вестник. 2013. 28 мая.

следние годы в 23 раза¹. Эта концепция предусматривает укрепление гегемонии США в этом регионе.

Сырьевые ресурсы и потребительские рынки ЦА привлекают внимание США и ЕС. С одной стороны, такой интерес способствует привлечению инвестиций, необходимых для экономического роста, помогает государствам ЦА быстрее выйти на международные рынки и интегрироваться в бурно развивающуюся экономику мира. А, с другой стороны, такие инвестиции могут отовариться политическими условиями и вредить евразийской интеграции. Не случайно З. Бжезинский называет ЦА (Евразию в целом) главным призом Америки. Ряд экспертов оценивает интерес США стремлением создать там плацдарм для сдерживания своих соперников, точки обеспечения баланса сил и угроз.

В этих целях, например, США пытается внедрить в ЦА структуры НАТО, надеясь таким образом ослабить влияние России в регионе. С 1992 г. НАТО стремилось устанавливать отношения с государствами ЦА. Кроме Таджикистана, остальные четыре страны ЦА участвовали в проекте НАТО «Партнерство ради мира». В этих рамках НАТО и государства ЦА начали проведение с 1997 г. военного учения «Миротворческий батальон». В 2003 г. НАТО начала проведение совместного с Казахстаном и другими странами ЦА военного учения «Степной орел». В 2006 г. Казахстан и НАТО подписали программу отдельного партнерства.

Регион ЦА отмечен в отчете «НАТО в 2020 году: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. Анализ и рекомендации группы экспертов по новой Стратегической Концепции НАТО». Отмечая, что НАТО во втором десятилетии XXI в. остается важнейшим источником стабильности в неопределенном и непредсказуемом мире, его авторы планируют, помимо всего прочего, политическую реформу для улучшения государственного управления в ЦА. Если этих изменений не произойдет, то с

¹ Хиллари Клинтон: концепция «Нового Шелкового пути» — элемент долгосрочной стратегии. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1597322.html> (дата обращения: 18.01.2015).

точки зрения НАТО, регион ЦА будет представлять серьезную опасность как для его населения, так и для многих соседей. Для региональной безопасности, как считают авторы отчета, необходима стратегия активизации действий НАТО в Центральной Азии¹.

Россия стремится сохранить здесь свои традиционные сферы влияния распространение русского языка, общую инфраструктуру, интеграционные достижения, чтобы обеспечить безопасность и стабильность своих южных приграничных районов. Турция активно использует тюркский язык в качестве связующего звена, оказывая свое влияние в регионе. В октябре 2009 г. лидеры Турции, Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана подписали в Нахичеване (Азербайджан) соглашение о создании комитета по сотрудничеству стран тюркского языка. Шанхай – это первый город в Китае, название которого было использовано в качестве названия международной организации ШОС, развитие которой в последние годы знаменует «смену вех» во внешней политике КНР, переход от «скромности» к активной позиции в международных делах.

В этих условиях ШОС, созданная во многом благодаря усилиям Китая и России, может стать платформой не только поддержки региональной стратегии КНР в ЦА, но и обеспечения региональной безопасности для всех государств региона. 10 июня 2015 г. в Москве на заседании руководителей подразделений министерств обороны государств-членов ШОС, отвечающих за международное военное взаимодействие, было отмечено, что обстановка в регионе ответственности ШОС заметно обострилась. Произошло это в связи с ростом угроз религиозного экстремизма, терроризма, наркоторговли, распространения оружия массового уничтожения, ракетных технологий, киберпреступности².

Симптоматично, что учения, которые проводит ШОС, нередко сосредоточены в тех регионах, где возникают реальные вызовы «трех сил зла»,

¹ URL: http://strangeduet.narod.ru/last_updates.htm (дата обращения: 15.10.2014).

² Russia Today. 10 июня 2015 г. URL: <http://russian.rt.com/article/96747> (дата обращения 10.06.2015).

где совершались террористические акты. Очень часто они проводятся на территории СУАР, на границах СУАР с другими странами, в других странах вблизи границы с Синьцзяном. Например, октябрь 2002 г. – двухсторонние учения на границе КНР и Киргизии; август 2003 г. – совместные учения на границе КНР и Казахстана (Сотрудничество-2003); август 2006 г. – антитеррористические учения в Алма-Ате в Казахстане и Ичине в СУАР (Тянь-Шань-1); сентябрь 2006 г. – антитеррористические учения на границе Таджикистана и КНР (Сотрудничество – 2006); сентябрь 2010 г. – военные учения в Жамбыле в Казахстане, недалеко от границы с СУАР; май 2011 г. – совместные военные маневры в Кашгаре в Синьцзяне (Тянь-Шань 2-2011); июнь 2012 г. – военные учения в Таджикистане (Мирная миссия – 2012). Проводились и учения по спасению объектов повышенной опасности от атак террористов: химического завода – в Таджикистане, атомного реактора – в Узбекистане и т.д.

Деятельность ШОС заинтересовала такие страны как Индия и Пакистан, пограничные с СУАР. Они вступили в организацию в качестве полноправных членов в 2015 г. На такой статус претендует также Иран. ШОС стала одной из самых активных организаций региональной интеграции. Члены ШОС отказали в просьбе США предоставить им статус наблюдателя в данной региональной организации. Для развития СУАР важно, что все страны-члены ШОС (кроме Узбекистана) граничат с Западным Китаем. Есть таковые и среди стран – наблюдателей и стран-партнеров по диалогу (Монголия). Афганистан, граничащий с СУАР, также участвует в саммитах ШОС.

Среди специалистов при оценке отношения КНР к ШОС распространены две основные оценки. Некоторые специалисты считают, что КНР отводит приоритетную роль в создании ШОС как противовесу укреплению США, как в ЦА, так и в АТР. В то же время имеют право на существование и точка зрения, что ШОС для КНР является «мостом» к расширению свободы экономического сотрудничества, что в свою очередь стимулирует пере-

ориентацию стран-участниц с военного на экономическое сотрудничество¹. ШОС реализует программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, сотрудничества между предпринимательскими кругами стран ШОС, межбанковского объединения ШОС. В эти и другие экономические и культурные проекты КНР вложила, только в последнее время 10 млрд. долл.

ШОС подписала ряд соглашений о сотрудничестве, активно проводит совещания, консультации, форумы, учения военных и спасателей. Роль ШОС может возрасти в связи с развитием стратегии «Один пояс, один путь». Этот мега-проект свидетельствует о возросшем потенциале КНР, его способности перехватить лозунги (и символы) Великого Шелкового пути у США и Японии. С поддержкой ШОС возрастает доверие между странами Азии, что важно для реализации проекта «один пояс, один путь», в котором много различных вариантов участия, что может стать предложением альтернативы проекту Транстихоокеанской ассоциации свободной торговли, которую продвигают и патронируют США в обход России, ЦА и КНР. Китайский проект отличается открытостью, не предполагает изоляцию каких-либо стран региона; в нем не выдвигаются требования связать экономическое участие с характером политических режимов.

Проект «Один пояс, один путь» включает в себя два других подпроекта «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь». Для России, ЦА, как и Синьцзяна, особенно важен первый подпроект, т.к. с помощью его формируются два маршрута, проходящие через ЦА и СУАР: северный «КНР – ЦА – Россия – Белоруссия – Европа» и южный «КНР – ЦА – Иран – Турция – выход в Средиземное море».

ШОС может стать организацией обеспечивающей безопасность для реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути», особенно его северного маршрута. Помимо прямых задач безопасности ШОС может формировать и другой ресурс. Реализация такого проекта требует формиро-

¹ Цомая М.А. Китай – партнер или конкурент // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Международные отношения. Регионоведение». М., 2014. № 07(129).

вания общих позиций стран ЦА, России, Китая по ряду вопросов, не навязывая кому бы то ни было свои модели развития и политические ценности. Структура и институты ШОС как раз помогают обеспечивать это.

Следует учитывать, что страны ЦА, как и СУАР, являются ближайшим соседом района «Золотой полумесяц», представляющего собой территорию выращивания значительного объема наркотического сырья и производства наркотиков. Здесь производят свыше 70% всего мирового объема опиума, большое количество героина, большая часть которого продаётся в странах ЦА, России, а также идет в Синьцзян и остальной Китай. 13 сентября 2013 г. директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В. Иванов на заседании комиссии по борьбе с наркотиками отметил, что в Афганистане действуют около 150 крупных наркобанд и почти 2000 более мелких наркомафий, работающих против России¹. Глава ФСКН, сравнивая нелегальный наркобизнес с оружием массового поражения, заявляет, что такое производство «способно в кратчайшие сроки привести институты государства, против которого развязана наркоагрессия, к полному развалу и деградации». По разным оценкам, годовой оборот мирового наркобизнеса колеблется от 500 млрд. до трлн. долларов. «Эти деньги пополняют теневой сектор мировой финансовой системы и разрушающе действуют и на бизнес, и на политическую стабильность, к тому же подпитывают терроризм»².

Власти СУАР, как и государств ЦА, России, озабочены потоком героина из Афганистана. Наркотики способствуют дестабилизации региона, доходы от них могут использоваться также сепаратистами. Преступные группировки, занятые транзитом наркотиков, постоянно конфликтуют друг с другом, ведут бои с правоохранительными органами. Ставки высоки: с одной стороны, в случае поимки в КНР – смертная казнь, с другой – многие

¹ URL: http://rusnews.cn/eguoxinwen/eluosi_anquan/20130913/43863033.html (дата обращения: 27.01.2014).

² Переход на мягкую силу. Новый виток в борьбе с наркоугрозой. 24.04.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/22/drugsbrics/> (дата обращения: 26.04.2015).

млн. долл. прибыли от преступной деятельности. Кроме того, по словам главы ФСКН России, имеются неоспоримые факты привлечения наркозависимых людей к организации беспорядков и так называемых «цветных» революций, в частности, в Киргизии.

Государства-участники ШОС и БРИКС проводят и совместные операции. Так, в конце 2014 г. Россия и КНР в рамках Меморандума о приграничном сотрудничестве провели операцию, в которой были задействованы Управление ФСКН по Забайкальскому округу и подразделение Министерства общественной безопасности из Внутренней Монголии КНР. В ходе мероприятий силовики пресекли деятельность российско-китайской преступной группы. Проводились совместные операции «Шанхайская паутина»: силовые действия ведутся в 20 регионах России, арестованы, по данным ФСКН, более 200 наркоторговцев. Целью операции является перекрытие каналов поставки спайсов из Китая в Россию, республики ЦА и страны Европы¹.

В настоящее время ШОС как региональная международная организация не стремится к политической интеграции, сочетая в себе форум государств и организацию, финансирующую интеграционные проекты в сфере безопасности. Ее члены формулируют и выражают свое общее мнение о некоторых международных вопросах, в интересах солидарности и повышения своей значимости на других международных форумах, например, в ООН, G-20, АТЭС. Международные вопросы, имеющие общий интерес, также включаются в повестку обсуждения ШОС, что очень ценно для КНР и других членов ШОС, являющихся странами с переходной экономикой, имеющих схожие проблемы. Так, на саммите в Астане в 2011 г. главы государств ШОС выразили озабоченность по поводу нестабильности в Западной Азии и Северной Африке, поддержали предложения, способные «содействовать демократическому развитию в соответствии с их национальными условиями

¹ Переход на мягкую силу. Новый виток в борьбе с наркоугрозой. 24.04.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/22/drugsbrics/> (дата обращения: 26.04.2015).

и историческими и культурными особенностями»¹.

Но решаются, прежде всего, задачи региона ШОС. КНР и страны ШОС имеют сходные региональные особенности развития, сталкиваются с рядом аналогичных проблем. Поэтому эти страны, по сравнению с теми, кто находится вне пределов региона, как, например, США, имеют общий как государственный, так и межгосударственный коллективный опыт их решения. Это позволяет вырабатывать общее отношение к региональным делам, позволяет успешнее координировать многостороннее сотрудничество. И здесь СУАР оправдывает эпитет «Евразийский перекресток» (Дж. Миллард), как узел концентрации многих общих проблем регионов, особенно ЦА, но также и регионов России, Индии, Пакистана (экономическое отставание, слабая дорожная инфраструктура, инвестиции).

Как показывает проведенный анализ, КНР нашел свой собственный путь с учетом двухсторонних отношений и платформы многостороннего сотрудничества ШОС. КНР, как одна из двух наиболее влиятельных держав ШОС, придерживается такой стратегии, чтобы, максимизируя свои собственные интересы, находить общую основу при имеющихся расхождениях. В современных условиях многосторонняя координация в рамках ШОС предоставляет КНР, в том числе (и особенно) по проблемам СУАР, относительно стабильный стратегический тыл. ЦА не только имеет свои собственные отличительные характеристики, но и, являясь основным узлом, связывающим Восточную Азию и Европу, при поступательном безопасном развитии поддерживает внутреннюю стабильность Западного Китая и КНР в целом. Ресурсы ЦА и России могут подключаться к проектам развития Синьцзяна. Региональная стабильность, в том числе обеспечиваемая ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, способна усиливать влияние стран региона, оказывать более широкое международное влияние.

Китай, также как США, являясь одним из центров мировой системы,

¹ Саммит сильных // Взгляд. URL: <http://vz.ru/politics/2011/6/15/499600.html> (дата обращения: 14.11.2014).

борются за свои права. С помощью ЦА и России Китай может сбалансировать различные региональные и глобальные интересы. Это касается также политических отношений между Китаем и ЦА, с одной стороны, между ЦА и Россией, с другой. Успешное и взаимовыгодное развитие отношений КНР с ЦА и Россией предоставляют возможность ему сбалансировать свои отношения на Востоке (в приморских направлениях). Япония и Южная Корея – восточные соседи Китая (союзники США) усиливают этот центр мировой политики. Таким образом, успешная стратегия на «западе» (СУАР) в отношениях с ЦА и Россией создает противовес своеобразной «осаде» КНР на Востоке, в том числе, в тяжелом для Пекина тайваньском вопросе и территориальных спорах в Южно-Китайском море.

КНР является растущей державой. Ее всеобъемлющая национальная мощь в современных условиях значительно окрепла; Китай может рассчитывать на повышение влияния на международной арене. Особенно с помощью образованных региональных и международных организаций (экономических партнерств). КНР как член ООН, постоянный член Совета Безопасности ООН, участник G-20 получает для этого некоторые политические возможности.

КНР вместе с Россией, Индией и странам ЦА, другими развивающимися государствами находит дополнительные возможности влияния, активно участвуя в создании и работе таких организаций многостороннего сотрудничества, как ШОС, G-8 и БРИКС. Особую роль играет ШОС, благодаря которой возрастает и роль Синьцзяна, т.к. все члены этой организации (кроме Узбекистана) непосредственно граничат с СУАР. Геополитическое положение Синьцзяна и возникающие в связи с этим ресурсы национальной и международной безопасности во многом обуславливают актуальность решения проблем политической стабилизации в регионе. А международные проекты ШОС формируют благоприятные предпосылки для интеграции СУАР в систему взаимовыгодных отношений.

Выводы к третьей главе:

1. Исторически Синьцзян развивался во взаимодействии с тюркскими, ираноязычными народами ЦА, алтайскими и монгольскими народами, благодаря чему установились тесные хозяйственные и культурные связи. Как часть КНР, СУАР также сохраняет включенность систему экономических и культурных связей, в структуры международного сотрудничества. Особенно тесное сотрудничество народов СУАР развивается в регионе ЦА, где распространены уйгурские диаспоры и проживают народы, родственные казахам, кыргызам, узбекам, таджикам. Развитие дружественных отношений с государствами ЦА, России, Монголии – важное направление внешней политики КНР, помогающее поддерживать межнациональный мир в СУАР, что способствует укреплению региональной безопасности.

2. Укреплению добрососедства, позитивно влияющего на региональную безопасность в регионе, способствует дипломатия и решение пограничных споров КНР с Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном. Проведены значительные работы по делимитации и демаркации государственных границ, сопровождавшиеся работами по совершенствованию пропускной способности пунктов пограничного и таможенного контроля на государственных границах на территории СУАР за счет нового технического оборудования и обучения специалистов.

3. Наблюдается интенсификация международной экономической интеграции, непосредственно захватывающей Синьцзян, между КНР, Россией, Монголией и государствами ЦА. В регионе складывается разветвленная система энергетической безопасности, включающая сеть трубопроводов, проходящих с территории России через страны ЦА в Синьцзян. Активным строителем такой системы является, помимо КНР и России, является также Казахстан, но вовлечены и многие другие государства. Функционирование такой системы региональной энергетической системы безопасности становится условием поступательного развития экономик ряда государств.

4. Интеграция в регионе опирается, как на многопрофильные структуры с незначительной степенью сближения государственных структур без

образования сильных наднациональных надстроек (СНГ), так структур способствующих более тесному взаимопроникновению экономик и предполагающих более скоординированные таможенную, налоговую, банковскую, кредитно-финансовую политику (ЕАЭС). Экономической интеграции способствуют интеграционные образования, ставящие основной своей задачей противодействие угрозам дестабилизации политических режимов. Это ОДКБ, а также ШОС, включающие в себя государств-соседей Синьцзяна.

5. Существенные сдвиги международной интеграции в регионе стимулируются транспортной политикой государств. Развернуто интенсивное строительство скоростных и высокоскоростных автомобильных и железнодорожных магистралей, станций, аэропортов, логистических узлов, обеспечивающих непрерывные огромные потоки пассажиров и грузов. КНР продвигает мегапроект «Один пояс – один путь», включающий в себя, в том числе сухопутные маршруты через Синьцзян: один – в ЦА, Россию и Европу, другой – в ЦА, Иран и Турцию. Это будет способствовать экономическому подъему Синьцзяна, повышению благосостояния населения, подъему культуры народов СУАР и укреплению межнационального мира, что благотворно скажется на региональной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, СУАР в современных условиях не теряет своего стратегического значения, не только для национальной безопасности КНР, но и региональной безопасности, затрагивающей ряд государств Евразии. Геополитическое положение, богатство природных ресурсов, национальный состав, потенциал экономики СУАР – все это те факторы, которые формируют ресурсы развития. В то же время при определенном соотношении внешних и внутренних сил Синьцзян может порождать и вызовы, переходящие в угрозы национальной и международной безопасности.

Представленный текст диссертации и выводы содержит анализ исторических фактов, статистики, обобщение значительного материала, подтверждающие положения, выносимые на защиту. В диссертации показано, что развитие СУАР в силу нахождения его на «евразийском перекрестке» (Eurasian Crossroads) неизбежно вовлекается во взаимоотношения внешних политик великих держав и региональных соседей. Переход ведущих государств от противостояния, в том числе в регионе ЦА, к выстраиванию системы международной безопасности, нейтрализующей негативные последствия новых вызовов, способствующей последовательному использованию ресурсов сотрудничества – путь, на котором ожидается расцвет СУАР в составе КНР. И наоборот, конфронтация государств в регионе способствует тренду стагнации экономики и дестабилизации политической обстановки, как в СУАР, так и соседних государствах, а соответственно обострению международной безопасности, как региональной, так и глобальной.

Наличие и настоящее усиление «трех сил зла» подталкивает государства с разными политическими режимами к сотрудничеству, способному подрывать источники терроризма, религиозного экстремизма и сепаратизма. Как показано в диссертации государственная политика по развитию Синь-

цзяна строится с учетом таких внутриполитических реалий, как отставание от наиболее развитых регионов КНР, историческое совместное проживание 47 национальных меньшинств, появление этнических и конфессиональных групп, воспринимающих пропаганду, толкающую к религиозному и политическому экстремизму, сепаратизму, а порой и терроризму.

В борьбе с «тремя силами зла», как показывает диссертация, выстраивается стратегия «ответственной державы». Для нее особенно актуальны следующие аспекты внутренней и внешней политики КНР:

1. «Ответственной державе» требуется применение не только и не столько силовых, сколько социально-экономических, правовых (институциональных) и управленческих средств, а также ресурсов «мягкой силы» в ее разных проявлениях («мягкая сила» политики, культуры, языка, науки, искусства, литературы, туризма). Без этого установление межконфессионального и межнационального мира, если и будет достигнуто, то не станет прочным. Конечно, это не умаляет значения жесткого силового противостояния угрозам экстремистов, террористов и сепаратистов. Не исчезают и такие угрозы, как наркобизнес. Опасным вызовом стала киберпреступность. Все это диктует необходимость поддержания боеспособности и технической оснащенности вооруженных сил, полиции, органов безопасности в данном регионе. Но такие средства трудно и обеспечивать и применять без «мягкой силы». Это соответствует традиционному китайскому учению о «гармоничном мире».

2. Второй тренд, также вписывающийся в стратегию «ответственной державы», координация усилий государств для обеспечения региональной и глобальной безопасности. Для спокойствия и благополучного развития на «евразийском перекрестке» КНР активно позиционирует себя как государство, последовательно отстаивающее национальные интересы, но при этом оказывающее действенную экономическую помощь соседям, координирующее свои действия с государствами региона. Создание по всему миру, а особенно в ЦА, а шире в Евразии, взаимовыгодных интеграционных обра-

зований и проектов, многосторонних экономических партнерств, – это становится магистральным путем внешней политики «ответственной державы», чему свидетельство мегапроект «один пояс, один путь».

3. «Ответственной державе» предстоит вместе с другими государствами поддерживать баланса сил и угроз в Евразии, включая ЦА, Северо-Восточную Азию и ЮВА. В диссертации подтверждается тезис, что одна из важных составляющих такой политики – поддержание баланса потенциалов континентальных и приморских регионов. Для «ответственной державы» успешное развитие Синьцзяна – важное звено в развитии международного сотрудничества со стабильными западными азиатскими и евразийскими режимами – «континентальными» (Казахстан, Россия), континентально-прибрежными государствами (Индия, Иран) и морскими государствами (Япония, Индонезия, Филиппины). Разумеется, с учетом влияния морской сверхдержавы США, которая по мысли З. Бжезинского борется за Евразию как за свой «главный приз». От выстраивания таких противовесов зависит глобальная и региональная безопасность. Одним из краеугольных камней ее станет «евразийский перекресток» – Синьцзян как неотъемлемая часть Китая вместе с государствами ЦА.

4. В обеспечение вышеуказанного баланса важную роль сыграет реализация интеграционных проектов – «Один пояс, один путь», особенно с его континентальными маршрутами (проект «Экономический пояс нового Шелкового пути»), дальнейшее развитие ШОС и БРИКС, сотрудничество с ЕАЭС. А это, действительно ведет к усилению экономической и политической роли СУАР, как и его стратегического значения для политической стабильности региона, повышению международного авторитета, как КНР, так и государств-соседей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на китайском языке

1. Ван Вэй. Вы бо, ан ва нир я шеен, цэ се ли бу я суйн чжо бао ко фэн цэй, чжон го син вэн чжоу канн (В поисках вооруженных террористических элементов) // «Новости Китая». Еженедельник. – 2014. – № 5.
2. Ван Ли Сюн. Во де си юуй ни де дон ту (Мой западный район, твоя восточная земля) // Тайбэй. – Октябрь 2007.
3. Ван Цзиси. Си цзин-чжон го чжан луэ де цэ пин эн (Наступление на Запад: геостратегическое перебалансирование Китая) // Global Times. – 2012. – 17 октября.
4. Ву Бо. Чжон го фу буэ де чжон цзин ци цу ши юуй чжан луи ин дуй (Институт марксизма при Китайской академии социальных наук) // Форум Хунань. – 2010. – № 2.
5. Го У. Юань цзун Ли Вэнь Цзябао дзи Чжэ Чжао Дай хуэй (Пресс-конференция премьера Госсовета Вэнь Цзябао с китайскими и иностранными корреспондентами). URL: http://news.xinhuanet.com/misc/2006-03/14/content_4303953_1.htm. (дата обращения: 20.02.2014).
6. Гун Чжисян, Тянь Мэнцин. Хубэй миьцзу сюэюань сюэбао (Размышления и рекомендации о совершенствовании системы национальных территориальных автономий) // Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ. – 2011. – № 1.
7. Дэн Сяопин. Дэн Сяопин няньПУ Ся (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1975–1997). – Т. 1. – Пекин, 2004.
8. Кан Цзэ минь. Чжон го юуй. ха са ке си тан чжан луе хе цзо хо бан гуан си шу пин, цзе цзун вэ го юуй сие юуан се бао (Стратегическое партнерство Китая и Казахстана) // PLA, Институт международного Studies Review. – 2006. – № 6.
9. Кан Цзэминь. Чжон го юуй. ха са ке си тан чжан луе хе цзо хо

бан гуан си шу пин, цзе цзун вэ го юуй суе юуан се бао (Стратегическое партнерство Китая и Казахстана) // Цзе фан цзун вэ го юуй суе юуан се бао. – 2006. – № 6.

10. Капицын В. Цюань цю гуань ли чжун де Пу ши Чжу Йи юй жуань ши ли (Глобальное управление: универсализм и мягкая сила) // Хуан цю Цай цзин / Центр исследования развития при Государственном совете КНР. Международный институт технологий и экономики. – 2014. – № 6.

11. Лу Биньянь. Цун да лу дао хэ яан чжон го ди юуан чжен чжи де чжан (Из континента к морям и океанам. Геополитическая стратегическая направленность Китая) // Тайпинъян сюекань. – 2009. – № 5.

12. Лю Кун. Чжан кун, чжон го юуй чжон я х цзуо Джин ду хе Цзо сиан чжуан юуй чжан ванн (Китай: Положение и перспективы по борьбе с наркотиками в сотрудничестве со странами Центральной Азии) // Синьцзян да суе суе бао. – 2013. – № 9.

13. Лю Лиина. Мэй Цянь Мао Йи Дай Бяо кан те: чжун Го Ченг вэй Линг дао Чжэ (Бывший торговый представитель США Кантор: Китай становится лидером) // Цан Као сяо си. – 2011. – 6 декабря.

14. Лю Цзинбо. Шицзи чу Чжунго гоцзя аньцюань чжаньлюэ (Стратегия национальной безопасности Китая в начале 21 века). – Пекин, 2002.

15. Ма Жун. Чжон го мин цзу вен ти де ли ши юуй сян чжуан (История и текущее состояние национального вопроса в Китае) // Юньнань миныйцзу дасюэ сюэбао. – Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ, 2011. – № 9.

16. Ни ле Сион. Цун лу цуан до хэ цуан де ли ши би жан-Цзянь юй яэ ци чжэн цзяо шо шан Цюэ (Музыкальный герой: От прав на землю к правам на историю) // Ши цэ цин ци юуй чжен чжи. – 2007. – № 11.

17. Пан Чжипин. Гуй шу чжон го вэн хуацюань де Синьцзян (Относящийся к китайской цивилизации) // // Синьцзян да суэ суэ бао. – Синьцзян, 2009. – № 1.

18. Пань Чжипин, Ши Лань. Синьцзян хе чжун я ю Гуань ди Ли Гай нянь (Географические понятия о Синьцзяне и Центральной Азии: историче-

ские и географические исследования китайских пограничных районов) // Чжун Го Бянь Цзян ши ди Ян джиу. – 2008. – № 3.

19. Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дули дэ Чжунъя гоця гуаньси (Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии). – Харбин, 1996.

20. Сунн Цайфа и др. Zhongyang minicsu dasua chubanshe (Общее обозрение юридических систем национальных меньшинств в Китае). – Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 2005.

21. Сунь Цзы. Бин фа (Искусство войны) URL: <http://www.synologia.ru/a/> (дата обращения 16.06.2015).

22. Сюэ Цзун Чжэн, Анси юй Бэйтин. Тан Дай си чуй Бянь Чжэн Ян джиу (Политические исследования западных окраин династии Тан). – Харбин, 1998.

23. Тан Фаюань. Анализ важнейших вопросов развития автономии национальных районов // Гуанси миньцзу яньцзю. – 2010. № 1.

24. Турвэньцзан – Турсюнь ту ер вэн циан ту ер суин, нан циан юан-ан-циао чжи си чжао диао чжа би цзи (Запись обследования фундаменталистского менталитета южной части автономного района Синьцзяна) // Чжон го син вэн чжоу канн. – 2014. – № 661. – 29 мая.

25. Тянь Чжунфу. Практика и развитие системы автономного управления национальным районом в Синьцзяне // Чжунъян шэхуэйчжун сюэюань сюэбао. – 2006. – № 6.

26. Хасыму Мамути. Отчет законодательного комитета собрания народных представителей Синьцзян-Уйгурского автономного района X созыва», представленный на I конференции собрания народных представителей XI созыва Синьцзян-Уйгурского автономного района». Исследование автономных уставных положений автономного района. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2008.

27. Хубэй миньцзу сюэюань сюэбао (Закон о национальных автономных территориях КНР). – Пекин: Фалюй чубаньшэ, 2001.

28. Цзун Чжэн, Анси юй Бэйтин. Тан Дай си чуй Бянь Чжэн Ян джиу (Политические исследования западных окраин династии Тан). – Харбин, 1998.

29. Цзян Чжи. Ли Бай. Юуй си юуй вен хуа Мянъян (Normal University и западная культура Мянъян) // Миан яан ши фан суе юуан суе бао. – 2006. – № 3.

30. Цзян Чжу си юй Клинтон цзун Тонг хуэй Тан, Клинтон дзю син шэн да Го Ян Хуан Ин Цзян ЗЕ мин (Председатель Цзян провел встречу и беседу с Президентом Клинтоном. Клинтон устроил торжественный официальный банкет в честь Цзян Цзэминь) // Жэньминь жибао. – 1997. – 29 октября.

31. Цуй Цзаньминь, Чжо Фан. Тан лан шуо шу сиан син цзи (Запись обнаружения своего подлинного обличья жадной крупной мыши, 13 страница 12-ого этапа строительства Синьцзян) // Бин туан цзан ше. – 2005. – № 12.

32. Чжон Гон. Синьцзян уй у ер цзи чжи цуй вэ юуан хуй дан ши Ян цию ши, чжон гон Синьцзян ди фан ши (1937-04.1966) (Синьцзян-Уйгурский автономный район комитета Коммунистической партии, отдел «История исследований, Краеведческий» (1937 04.1966 // История КПК Синьцзяна. – Урумчи, 1999.

33. Чжон Хуа жен мин гон хе го хе тацзи ке си тан гон хе го гуан юуй чжон та го зе де бу чон гуй дин, цюань го жен мин дэ биао да хуй чан у вы юуан хуй гон бао 2003 (Народная Республика Китай и Республика Таджикистан граничат в соответствии с Дополнительным соглашением, как сообщил Постоянный комитет общественности Всекитайского собрания народных представителей в 2003). URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604618/sbgx_604622/. (дата обращения: 27.11.2014).

34. Чжон хуа жен мин гон хе гобиан цзе ши ву тиао юуе цзи, чжон ха цзуан (Китайско-казахстанская граница: Обзор / Народная Республика

Китай. Министерство департамента иностранных дел. Договорно-правовой кодекс «Границы Народной Республики Китая: коллекции Договора деятельности» // Дела. World Press. – 2005.

35. Чжон яан тон чжан бу, мин цзу вен иан хуй биан (В Центральное военное Министерство: народ, вопросы литературы, компиляции (1921.09–1949.09) // Коммунистическая партийная школа пресс. – 1991.

36. Чжу Вэйцюнь. Гуан юуй дан Цяньмин зу гон цуо де зи ге си ко. (Размышления о нескольких вопросах, связанных с национальной работой на нынешнем этапе) // Чжунго тунъи чжаньсянь. – 2011. – № 1.

37. Чжун Го. Чжэн фу Бай пи шу (Компиляция Белой Книги китайского правительства). – Пекин, 2011.

38. Чжун'Я. Яньцзю (пилотный номер). – Пекин, 1993.

39. Чжунго жэньцюань цзиньбу ши со гун жэнь (Мировое сообщество признало, что Китай добился успехов в области прав человека) // Жэньминь жибао. – 2012. – 29 января.

40. Чжунго Юй Чжунья (КНР и Центральная Азия). – Пекин, 1999.

41. Чжунья гэцзюй дицюй аньцюань (Ситуация в Центральной Азии и региональная безопасность). – Пекин, 2002.

42. Чжунья яньцзю (Исследование по Центральной Азии). – Ланьчжоу, 1995.

43. Чжунья гоцзи гуаньси ши (История международных отношений в Центральной Азии). – Чанша, 1997.

44. Чэн Цзюнь. Синьцзян дан циан цз иэ син ши юуй цзин хо дуй цэ (Анализ текущего положения в сфере занятости Синьцзяна и предложение будущих контрмер) // Синьцзян Цай цзин. – 2008. – № 1.

45. Шанхай хэцзо цзучжи-синь аньцюань гуан юй синь цзичжи (Шанхайская организация сотрудничества – новое мышление и новый механизм безопасности). – Пекин, 2002.

46. Яо Ван. Бу Чжан. чжи чжан жэ е бу хэ, хуан цю Цай цзин (Война войной...) // Глобальные финансы. – 2012. – № 6.

47. Яэ ци Чжэн. Чжон го де хе пин юуй фа чжан (Китай для мирного развития: права на землю для репатриации и развития) // Ши цэ цин ци юуй чжен чжи. – 2007. – № 2.

Литература на русском языке

48. Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. Монография». – М.: Восточная книга, 2014.

49. Алимов Р.К. К вопросу о формировании экономического пояса шелкового пути // МИР – модернизация, инновация, развитие. – 2013. – № 4(16).

50. Алимов Р.К. Экономический коридор Шелкового пути: вызовы и выгоды // Вестн. Таджикского национального ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3/1(128).

51. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках распространения национализма. – М., 2001.

52. Арутюнова Г.И., Султыгова А.А. Зачем Китаю Центральная Азия? // Наука и образование в XXI веке: теория, практика, инновации: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 2 июня 2014 г. В 4 частях. Часть II. – М.: АР-Консалт, 2014.

53. Афанасьева В.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991–2006 гг. Дисс...канд. истор. наук. – Томск, 2007.

54. Афанасьева Е.А. Современный Синьцзян. – Томск: Издательство Томского университета, 2007.

55. Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. – М., 2007.

56. Баженова Е.С. Синьцзян в авангарде развития западных районов

КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 2.

57. Баженова Е.С. Синьцзян и новые горизонты великого шелкового пути // Пространственная экономика. – 2011. – № 2.

58. История и развитие Синьцзяна: Белая книга // Жэньминь Жибао. – 2003. – 27 мая. URL: http://russian.people.com.cn/200305/27/rus20030527_75869.html (дата обращения: 13 мая 2015).

59. Бергер Я. КНР: политика, экономика, культура. 2010-2011. – М.: ИД «Форум», 2011.

60. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.

61. Бин Вон Р. История налогов. Некоторые фискальные особенности китайского государства в прошлом и настоящем // Научные тетради Института Восточной Европы. – М.: ВШЭ, Без года изд. – Вып. 3. Государство.

62. Бодрова О.И. Предпосылки формирования и перспективы развития «индустрии культуры» КНР в условиях глобализации международного культурного пространства // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2015.

63. Бондаренко А.В. Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в. Автореф. дисс...канд. полит. наук. – М., 2007.

64. Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. – М., 2010.

65. Борох О. «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 3.

66. Бугра М.И. История Восточного Туркестана. – Анкара, 1998.

67. Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. – Владивосток, 2006. – № 4.

68. Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России. – М.: РАГС, 2008.
69. Бянкина А. М. Федеральная концепция в развитии приграничного сотрудничества: значение для субъектов Российской // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2015.
70. Василенко И.А. Новый этап административной реформы в Китае // Государственная служба. 2011. № 4.
71. Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель – Observer. 2011. № 9
72. Ван Вэньхэн. Национально-территориальная автономия Синьцзяна и социальная стабильность // Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР. – М., 2000.
73. Ван Дэхуа. Обзор дипломатии Японии в Центральной Азии после «холодной войны»: дисс. магистра по специальности «Международные отношения». – Циндао, 2009.
74. Ван Лэй. У Китая и России общее представление о мире // Китай. – 2010. – № 4(54).
75. Ван Хайянь. Экономическое сотрудничество и развитие. Пять государств Центральной Азии и Китай. – Урумчи, 2003.
76. Васильев Л.С. Древний Китай. В 3-х томах. Т. 1. Предыстория, Шань-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). – М.: Восточная литература, 1995.
77. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Наука, 2001.
78. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. Формирование основ социальной структуры и политической администрации. – М.: Наука, 1983.
79. Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы,

перспективы, направления / Сост., предисл. С.В. Уянаева. В 2-х т. – М., 2004.

80. Вэнь Цзябао о работе правительства в годы 11-й пятилетки. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7309083.html> (дата обращения: 14.11.2014).

81. Галич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. – М.: РИОР, 2010.

82. Гао Шуцинъ. Российско-китайские отношения в условиях глобализации. – М., 2005.

83. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. – М.: Квадрига, 2010.

84. Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. В.Е. Хвощева. – Челябинск: ЮУрГУ, 2001.

85. Даосю Х. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. – 2014. – № 1(30).

86. Делюсин Л. Вопрос о правах человека в Китае // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – 2006, июнь. – Вып. 6(18).

87. Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики / РАН, Ин-т востоковедения. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996.

88. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

89. Дугин А. Г. Проект «Евразия». – М.: ЭКСМО, Яуза, 2004.

90. Дугин А.Г. Суверенитет XXI века // Литературная газета. – 2002. – 15- 21 марта. – № 10.

91. Дугин А.Г. Этносоциология. – М.: Академический Проект, 2011.

92. Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 4. Историческая мысль, политическая и правовая культура.

Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Восточная литература, 2009.

93. Задорин И.В. Интеграционные ориентации населения стран СНГ // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2008. – № 3.

94. Захарова О.В. Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // ПОЛИС. – 2013. – № 4.

95. Захарьин А.Б. Особенности религиозной политики КНР в XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 2015. – № 1.

96. Зеленев Е.И. Геокультурное пространство и геокультурные поля: Теория вопроса // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. – 2009. – Вып. 1.

97. Зорин В.Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. – 2010. – № 3.

98. Зорин В.Ю. Этничность и власть // Свободная мысль. – 2003. – № 6.

99. Иванов А. Китай простил Америке бомбардировку посольства // Коммерсантъ. 1999. – № 199. – 29 октября.

100. Интервью В. Путина китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. 16 июля 2000 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24168> (дата обращения: 27.09.2014).

101. История и развитие Синьцзяна: Белая книга. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/72393.htm> (дата обращения 14.05.2014).

102. История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд. – М.: МГУ; Высшая школа, 2002.

103. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / ИДВ РАН. Т. VII. – М., 2013.

104. Казанцев А.А. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008.

105. Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в Центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после

2014 г. – М.: МГИМО, 2013.

106. Капицын В.М. Космополитизм как компонент «мягкой силы» и глобального управления // «Обозреватель – Observer». – 2009. – № 10.

107. Капицын В.М., Акмалова А.А. Теоретико-методологические аспекты изучения позитивной конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001.

108. Капицын В.М., Ван Яо. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars administrandi* (Искусство управления). – 2013. – № 3.

109. Капицын В.М., Ван Яо. Территориальная автономия как институт национальной политики в Синьцзяне // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. – 2013. – № 5.

110. Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в многонациональных государствах. Компаративный анализ. – Одинцово: Гуманитарный институт, 2010.

111. Каукенов А.С. Ключевые характеристики внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе // Вестник Казахского национального университета. – 2009. – № 3.

112. Китай в XXI веке: актуальные тенденции развития ключевых сфер жизни / Под. ред. А.С. Каукенова. – Алматы: Центр по изучению Китая при ИМЭП, 2008.

113. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Сб. научных статей. Вып. XIX. – М.: ИДВ РАН, 2014.

114. Китинов Б.У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса // Мир и политика. – 2011. – № 10.

115. Китинов Б.У. Концепт цивилизаций в обществоведческой науке // Вест. РУДН. Сер. Политология. – 2011. – № 1.

116. Клиновский В.А. Языковая политика в КНР во второй половине XX века. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2012.

117. Кокошин А.А., Богатуров А.Д. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. – М., 2004.
118. Костин А.И. Ресурсы и политика в условиях глобализации // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2007. – № 2.
119. Костюхин А. Состояние военно-промышленного комплекса государств Центральной Азии и потенциал их военно-технического сотрудничества с зарубежными странами в 1990-е годы // Зарубежное военное обозрение. – 2009. – № 8.
120. Кривох С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. – 2012. – Вып. 3.
121. Кучинская Т.Н. Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 17-18 мая 2012 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012.
122. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Чита, 2013.
123. Лавров С.: эпоха доминирования Запада в экономике и политике завершается // РИА Новости. 24.08.2015. URL: ria.ru/world/2015.08.24/1203949147 (дата обращения 24.08.2015).
124. Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5.
125. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. – 2013. – Январь – апрель.
126. Лексютина Я.В. КНР – США: соперничество в Юго-Восточной Азии обостряется // Азия и Африка. – 2012. – № 3(656).
127. Лексютина Я.В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // Вест. С.-Петербургского ун-

та. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2014. – № 2.

128. Лексютина Я.В., Радиков И.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2.

129. Ли Лифань, Дин Шиу. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 3.

130. Лисевич И.С. Древние мифы о Хуан-ди и гипотеза о космических пришельцах // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. – М.: Наука, 1974.

131. Лисицкая М.В. Китай в современной системе многосторонних институтов // Актуальные проблемы современных международных отношений: вестник ИИиМО СГУ. Вып. 4. – Саратов, 2014.

132. Ло Бобо. Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике. 2010. № 5. URL: <http://globalaffairs.ru> (дата обращения: 12.11.2014).

133. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2.

134. Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм. – М.: Наука, 2006.

135. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. – М., 2005.

136. Малашенко А. Фактор ислама в российской внешней политике // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5. – № 2.

137. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: АСТ, 2001.

138. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // Мировая политика. – 2015. – № 1.

139. Манойло А.В. О противодействии цветным революциям // Международные отношения. – 2014. – № 3.

140. Матвеев В. Газовая политика Китая в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5(59).
141. Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2015.
142. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Общ. ред. А.В. Возженикова. – М.: РАГС, 2005.
143. Мельянцев В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран / Ин-т стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Ключ-С, 2015.
144. Мирное развитие Китая: Белая книга. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-09/22/content_23472127.htm (дата обращения: 16.11.2014).
145. Морозов И.Л. Политический экстремизм в период глобализации // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. – М.: РОС-СПЭН, 2007.
146. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 7 (244).
147. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – Т. 14.
148. Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – № 17.
149. На центральном рабочем совещании по развитию СУАР определен стратегический план развития Синьцзяна. URL: <http://russian.dbw.cn/system/2010/05/21/000236066.shtml> (дата обращения: 14.10.2014).
150. Нарочницкая Н. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. – М., 2008.

151. Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей: Белая книга. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата обращения: 6.02.2015).
152. Непомнин О. История Китая. Эпоха Цин. – М.: Восточная литература, 2005.
153. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. – 2010. – № 6.
154. О развитии пограничной торговли в Синьцзяне. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/75042.htm> (дата обращения: 24.09.2014).
155. О ратификации Дополнительного Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе. 1999 г. URL: [www.http://tengrinews.kz/zakon/docs?ngr=Z990000351_](http://www.tengrinews.kz/zakon/docs?ngr=Z990000351_) (дата обращения: 22.09.2014).
156. Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. – М.: Центр Карнеги, 2005.
157. Островский А.В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. – Новосибирск, 2008. – Август.
158. Остроухов О.Л. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 3(51).
159. Пантин В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза // ПОЛИС. – 2012. – № 6.
160. Перепелкин Л. Государственная национальная политика и проблема безопасности в этнической сфере // Конфликт – диалог – сотрудничество. – 2000. – № 2.
161. Переход на мягкую силу. Новый виток в борьбе с наркоугрозой. 24.04.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/22/drugsbrics/> (дата обращения: 24.04.2015).

ния: 26.04.2015).

162. Петрунько К.А., Сазонов С.Л. Синьцзян превращается в важнейшее логистическое звено транспортной системы КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2015.

163. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002.

164. Политика Китая относительно полезных ископаемых: Белая книга. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/95884.htm> (дата обращения: 12.04.2014).

165. Портяков В.Я. К вопросу комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2014.

166. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013.

167. Права человека как оружие войны. URL: <http://ss69100.livejournal.com/2112619.html> (дата обращения: 19.12.2014).

168. Прогресс Китая в защите прав человека: Белая книга, 2002. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2002-06/10/content_2032917.htm (дата обращения: 15.01.2015).

169. Пшенцов П.С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Вестник Чувашского университета. – 2007. – Вып. 4.

170. Ракитянский Н.М. Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в. // Власть. – 2013. – № 1.

171. Ракитянский Н.М. Понятие сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические нау-

ки. – 2011. – № 6.

172. Рахман Г. Китайская боязнь «цветных революций» (Оригинал публикации: China's strange fear of a colour revolution // The Financial Times. – 2015. – 9 февраля. URL: <http://inosmi.ru/foreast/20150211/226211997.html> (дата обращения: 17.03.2015).

173. Рецензия // Жэньминь жибао. – 2012. – 20 мая.

174. Российские трансформации в контексте мирового развития. – М.: Логос, 2010.

175. Россия и Китай договорились о совместном противостоянии «цветным революциям». URL: <http://vz.ru/news/2014/11/18/715882.html> (дата обращения: 17.01.2015).

176. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. – М.: МГУ, 2012.

177. Саммит сильных // Взгляд. URL: <http://vz.ru/politics/2011/6/15/499600.html> (дата обращения: 14.11.2014).

178. Самойлов Н. А. Современная внешняя политика КНР в оценках европейских исследователей // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2011. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. – 2011. – Вып. 2.

179. Синьцзян — многонациональный и красочный край. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/xj-minzu/txt/2005-05/20/content_2174518.htm (дата обращения: 17.09.2014).

180. Ситуация в области человеческих ресурсов в Китае: Белая книга. Пекин, 2010, сентябрь. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857456.htm (дата обращения: 10.12.2014).

181. Скосырев В. Китай сталкивается в Синьцзяне с теми же проблемами, что Россия на Кавказе // Независимая газета. – 20 января 2014.

182. Смирнова Л.Н. Борьба с коррупцией и политическая реформа в КНР: международный опыт и китайская модель // Международная жизнь. – 2014. – № 8.

183. Смит Э. Национализм и модернизм. – М., 2004.
184. Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М., 2005.
185. Соловьева Е.В. «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. – 2012. – № 1.
186. Соллогуб А. Уйгурская угроза. Цветная революция? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1257715260> (дата обращения: 17.04.2014).
187. Старкин С. Китай – США: соперничество или сотрудничество. Экспертно-аналитические оценки американо-китайских отношений // Обозреватель-Observer. – 2014. – № 3.
188. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография / Под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. – М.: ИДВ РАН, 2015.
189. Сыроежкин К. Вопрос об «уйгурском вопросе». – М., 2002. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060401010721934&mode=print> (дата обращения: 23.01.2015).
190. Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. Монография. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008.
191. Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006.
192. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2003.
193. Территориальных споров между Россией и Китаем больше нет. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/52749> (дата обращения: 15.10.2014).
194. Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и новый мировой

порядок // Международная жизнь. – 2015. – Март.

195. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. – М.: Изд-во МГУ, 2013.

196. Торкунов А.В. Современные международные отношения. – М., 2012.

197. Трощинский П. В. Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2015.

198. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. Фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. – М., 1991.

199. Фан Т. Энергетическая безопасность Китая и китайско-российское энергетическое сотрудничество в XXI веке // *Ars administrandi*. Искусство управления. – 2011. – № 1.

200. Фартышев А.Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2013. – № 2 (11). – Ч. 1.

201. Хиллари Клинтон: концепция «Нового Шелкового пути» — элемент долгосрочной стратегии. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1597322.html> (дата обращения: 18.01.2015).

202. Ходжаев А. О Центральноазиатской политике КНР (на основе китайских источников) // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3(51).

203. Ходжаев А. Центральная Азия и Кавказ: Политика Китая в Центральной Евразии. Особенности и перспективы. URL: <http://psibook.com/philosophy/o-tsentralnoaziatskoj-politike-knr-na-osnove-kitayskih-istochnikov.html> (дата обращения: 16.09.2014).

204. Хорбаладзе Э.Л. Восприятие Китаем России на международной

политической арене // Новое слово в науке и практике. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2014.

205. Хофбауер Х. «Этнизация» социальных конфликтов в Европе: как Запад использует концепт самоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Россия и мир. Вестник Дипломатической академии МИД России. – 2014. – № 2.

206. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов: монография / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.

207. Цветные революции: технологии, спонсоры, организаторы. URL: http://one_vision.jofo.ru/213841.html (дата обращения: 14.11.2014).

208. Цомая М.А. Китай – партнер или конкурент // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Международные отношения. Регионоведение». – М.: Издательский центр РГГУ, 2014. – № 07(129).

209. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений. – М., 2008.

210. Цыганков П.А. Безопасность кооперативная или корпоративная // Политические исследования. – 2000. – № 3.

211. Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – Том 1.

212. Цыганков П.А. Политическая динамика. Теория и практика. – М.: МГУ, 2014.

213. Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 5.

214. Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2003.

215. Чжао Пин. Двужычное обучение в Синьцзяне и его влияние на

язык и культуру национальных меньшинств // Вестник НГУ. Серия «История. Филология». – 2012. – Том 11. – Вып. 10. Востоковедение.

216. Чжао Хуашэн. Центральная Азия и ШОС. – М., 2005.

217. Чже Сун Хун. Развитие военного сотрудничества между Россией и Китаем // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 5.

218. Чжэн Жуньюй. Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом. – М.: Воробьев, 2008.

219. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. – 2011. – № 1.

220. Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 5.

221. Чуфрин Г.И. Очерки евразийской интеграции. – М., 2013.

222. Чэнь Цзунмин. Углубление экономического сотрудничества между Китаем, Индией и Россией // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 1.

223. Чэнь Яньци. Русские: от иммигрантов до национального меньшинства Синьцзяна // Синьцзян дасюэ сюэбао. – 2000. – № 1.

224. Шабров О.Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. – 2010. – № 5.

225. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2008.

226. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения /Институт им. Альберта Эйнштейна. URL: www.aeinstain.org (дата обращения: 12.06.2015).

227. Шумов В.В. Пограничная безопасность как ценность и общественное благо. Математические модели. – М.: Ленанд, 2015.

228. Шустов А.В. Китае снова неспокойно. 2009. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/2483533/post110494234/> (дата обращения:

22.01.2015).

229. Эксперты СПбГУ и представители ЦК КПК обсудили перспективы возрождения Великого шелкового пути. URL: <http://sir.spbu.ru/new/?id=1667> (дата обращения 17.03.2015).

230. Энгдаль У. Вашингтон играет с Китаем в серьезные игры (Оригинал статьи: Washington is Playing a Deeper Game with China). URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/37558/> (дата обращения: 18.11.2014).

231. Ядерные испытания в КНР. URL: <http://www.pircenter.org/mediacontentfiles913509741640.pdf> (дата обращения: 24.10.2014).

232. Яо Ван. «Мягкая сила» ответственной державы // Информационные войны. – 2015. – № 4.

233. Яо Ван. В поиске точки равновесия между континентом и океаном: анализ стратегического положения Китая // Political science. – 2013. – № 4. URL: http://www.rae.ru/fs/?article_id=10000480&lng=en&op=show_article§ion=content (дата обращения: 14.02.2015).

234. Яо Ван. Геополитические аспекты китайской континентальной и приморской культуры // История и современность. – 2011. – № 2.

235. Яо Ван. Образование как инструмент формирования национальной идентичности малых народов КНР // Вестн Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. – 2012. – № 3.

Литература на английском языке

236. Barber B.R. Fears Empire: War, Terrorism and Democracy. – N.Y.; London: W.W. Norton, 2003.

237. Benson L. National Minority Policy in the Sinkiang-Uighur Autonomous: 1949–1974. – Philadelphia, 1978.

238. Bumiller E., Shanker Th. Obama Puts His Stamp on Strategy for a Leaner Military // New York Times. – 05.01.2012.
239. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
240. China Xinjiang: Violence «kills or injures dozens» // BBC News-China. – 30.07.2014. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-28539762> (дата обращения 18.11.2014).
241. Dillon M. Xinjiang – China's Muslim Far Northwest. – L.: Routledge, 2004.
242. Eastern Turkistan terrorist killed // China Daily. – 24.12.2003.
243. Fravel M.T. Strong borders, secure nation: cooperation and conflict in China's territorial disputes. – Princeton, Oxford, 2008.
244. Garver J. China's Influence in Central and South Asia: It is Increasing? // Power Shift: China and Asia's New Dynamic. – Berkeley, CA, 2005.
245. Geography, Economic Policy, and Regional Development in China / S. Démurger // Asian Economic Papers: MIT Press, 2002.
246. Hess St. From the Arab Spring to the Chinese Winter: The Institutional sources of authoritarian vulnerability and resilience in Egypt, Tunisia, and China // International Political Science Review. – 2013. – Vol. 34. – No 3.
247. Huasheng Zhao. Central Asia in China's Diplomacy // Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao (Ed.). Central Asia: Views from Washington, Moscow and Beijing. – Armonk, N.Y., 2007.
248. Kapitsyn V. Nationalism in the Space of Globalization and Identification «the West - the East» // European Society or European Societies: a View from Russia – Moscow – Lisbon, 2009.
249. MacKinder, Halford J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. – L., 1951. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-geopolitika/redaktsii11150.html> (дата обращения

27.01.2015).

250. Malinkva O.J. Public discourse on the Perspective of Transition in Post-Soviet Russia: The Pluralism of Ideas in the Transforming Public Sphere // State, Society and Transforming Public Sphere / Ed. B.A. Mitchneck. – Washington: Woodrow Wilson Center, 2011.

251. Manoilo A.V. World Models and Technologies of Psychological Impact to Resolve International Conflicts // NB: Международные отношения. – 2013. – № 4.

252. McFaul M. Transition from PostKommunism // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16. – No 3.

253. Millward J.A. Eurasian Crossroads. A History of Hinjiang. – N.Y.: Columbia University Press, 2007.

254. Min Shu. Balancing in a Hierarchical System: Pre-Colonial Southeast Asia and the Tribute System // Waseda Global Forum. – 2011. – No. 8.

255. Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Riefle. – Boulder, 2005.

256. Pantucci R., Scharck E. Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: a Regional Perspective. Transition in Afghanistan: Filling the Security Vacuum — The Expansion of Uighur Extremism? – Barcelona: Barcelona Center for International Affairs (CIDOB), 2014.

257. Roberts J.A.G. A History of China: Second Edition. – N.Y., 2006.

258. Rudelson J., Jankowjak Acculturation and Resistance: Xinjiang Identities in Flux // Starr S.F. (Ed.) Xinjiang: China's Muslim Borderland. – N.Y., L.: M.E. Sharpe, 2004.

259. Rumer B. (Ed.) Central Asia. At the End of Transition. – N.Y.: M.E. Scharpe, 2005.

260. Shambo D. China's future. – N.Y., L., 2011.

261. Shirley Kan. CRS Report for Congress «U.S. China Counter-Terrorism Cooperation: Issues for U.S. policy». – 2010. – 15 июля.

262. Smith, A. Culture, Community and Territory: The Politics of

Ethnicity and Nationalism // International Affairs. – 1996. – № 72 (3).

263. Starr S.F. (Ed.) Xinjiang: China's Muslim Borderland. – N.Y., L.: M.E. Sharpe, 2004.

264. Su Beihai, Huang Jianhua. Hami, Tulufan Weiwuer wang lich (History of Yughyr Kings of Hami and Turfan). – Urumchi: Xinjiang Daxue chubanshe, 1993.

265. Sun Yang. With Promotion of General. Chinese Regime Tils to West. Islamic finance center may have traction among leaders // The Epoch Times. – 13.08.2012.

266. Swanstrom N., Norling N., Zhang Li. China // The New Silk Roads and Trade in Greater Central Asia. – Wash., D.C., 2007.

267. The 2001 Green paper on education in China. – Beijing: Zhongguo Jiaoyu yu Kexue Chubanshe, 2001.

268. The Constitution of Eastern Turkistan Government-in-Exile of Eastern Turkistan Republic URL: <http://en.eastturkistan-gov.org/constitution/> (дата обращения. 18.05.2013).

269. Tier D. The Waning Grand Strategy of Democratization: Why a Pivot to the Asia-Pacific Places the United States at Greater Risk of Terrorist Attack // Connections. – 2014. – Vol. XIII. – No 2.

270. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame. – London: Sage Publications, 1997.

271. Waldron A. From War to Nationalism. China Turning Point 1924-1925. – Cambridge: Cambridge University, 2003.

272. Yang Kuisong The sino-sovjet Allians fnd Nationalism: A Contradictions // Parallel History Project on NATO and Warshaw Pact. The Cold War History of Sino-Sovjet Relation. 2005. June. URL: www.php.isn.ethn.ch/publications/Kuisong.pdf (дата обращения 4.10.2014).

Интернет-источники

273. Китайский информационный Интернет-центр
«Russian.China.org.cn» – <http://russian.china.org.cn/>.
274. Министерство иностранных дел КНР. Официальный сайт –
<http://www.fmprc.gov.cn/>.
275. Правительство КНР. Официальный сайт. URL:
<http://www.gov.cn/>.
276. Электронное хранилище знаний –
<http://geum.ru/book/129/1922.html>.